

Российский научно-исследовательский институт
культурного и природного наследия
имени Д.С.Лихачева

КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

Теоретическая культурология
Историческая культурология
Прикладная культурология
Гуманитарные исследования
Рецензии и экспертизы
Научная жизнь

2025/4

JOURNAL
OF CULTURAL RESEARCH

ISSN 2222-2480

Адрес номера на сайте журнала: http://cr-journal.ru/rus/journals/&j_id=66

Сетевое научное рецензируемое издание. Основано в 2010 г.
Выходит 4 раза в год только в электронном виде.

Сайт журнала:

<http://cr-journal.ru>

Учредитель / Издатель:

2010-2014 - Российский институт культурологии
с 2014 - Российский научно-исследовательский институт культурного и природного наследия имени Д.С.Лихачёва
(Институт Наследия)

Государственная регистрация:

Эл. № ФС 77-59205 от 3 сентября 2014 г.

Входит в перечень научных журналов ВАК (19.12.2023 г.)

Редакционная коллегия:

Окороков Александр Васильевич, главный редактор – д.и.н., Рос. НИИ культурного и природного наследия им. Д.С.Лихачёва
Азошков Андрей Валерьевич – к.филос.н., журнал «Вопросы культурологии»
Бахревский Евгений Владиславович – к.филол.н., атташе Посольства РФ в Турецкой Республике (Анкара)
Беликов Владимир Иванович – д.филол.н., МГУ им. М.В.Ломоносова
Бондарь Виталий Вячеславович – к.и.н., ЮФ Рос. НИИ культурного и природного наследия им. Д.С.Лихачёва (Краснодар)
Горбунова Татьяна Александровна – к.и.н., ОмГУ им. Ф.М.Достоевского (Омск)
Горлова Ирина Ивановна – д. филос.н., ЮФ Рос. НИИ культурного и природного наследия им. Д.С.Лихачёва (Краснодар)
Гринько Иван Александрович – д.и.н., Мос. гор. пед. ун-т
Дерябина Елена Дмитриевна – к. культурол., Рос. НИИ культурного и природного наследия им. Д.С.Лихачёва
Житенёв Владислав Сергеевич – д.и.н., МГУ им. М.В.Ломоносова
Ильина Ирина Евгеньевна – д.э.н., Рос. НИИ экономики, политики и права в научно-технической сфере
Ипполитов Сергей Сергеевич – д.и.н., Рос. НИИ культурного и природного наследия им. Д.С.Лихачёва
Казакова Ольга Владимировна – к. искусствовед., НИИ теории и истории архитектуры и градостроительства РААСН
Козлов Владимир Фотиевич – к.и.н., Рос. НИИ культурного и природного наследия им. Д.С.Лихачёва
Кокшенёва Капитолина Антоновна – д.филол.н., к. искусств., Рос. НИИ культурного и природного наследия им. Д.С.Лихачёва
Корниенко Наталья Васильевна – д.филол.н., ИМЛИ им. М.Горького РАН
Корусенко Михаил Андреевич – к.и.н., ИАЭ СО РАН (Омск)
Костина Анна Владимировна – д.филос.н., д. культурол., Мос. гум. ун-т
Ларионцев Михаил Михайлович – к. культурол., Рос. НИИ культурного и природного наследия им. Д.С.Лихачёва
Лубков Алексей Владимирович – д.и.н., МГПУ
Макарова Анастасия Сергеевна – к. культурол., ГосНИИР
Маркова Оксана Николаевна – к. культурол., ЮФ Рос. НИИ культурного и природного наследия им. Д.С.Лихачёва (Краснодар)
Медникова Мария Борисовна – д.и.н., ИА РАН
Назарова Наталья Вадимовна – к.и.н., Рос. НИИ культурного и природного наследия им. Д.С.Лихачёва
Никлаус Анна Александровна – к.полит.н., Акад. МНЭПУ (Москва)
Ницевич Виктор Францевич – д.полит.н., Мос. гор. пед. ун-т
Пархоменко Татьяна Александровна – д.и.н., Рос. НИИ культурного и природного наследия им. Д.С.Лихачёва
Писарева Светлана Алексеевна – к. культурол., ГосНИИР
Поляков Тарас Пантелеймонович – к.и.н., Рос. НИИ культурного и природного наследия им. Д.С.Лихачёва
Путрик Юрий Степанович – д.и.н., к.геогр.н., Рос. НИИ культурного и природного наследия им. Д.С.Лихачёва
Пушкарёва Наталья Львовна – д.и.н., ИЭА РАН
Релина Лорина Петровна – д.и.н., РГГУ
Рыбак Кирилл Евгеньевич – д. культурол., асс.н.с. Рос. НИИ культурного и природного наследия им. Д.С.Лихачёва
Спивак Дмитрий Леонидович – д.филол.н., Рос. НИИ культурного и природного наследия им. Д.С.Лихачёва
Филиппов Юрий Владимирович – д.пед.н., НГИИМЗ (Ниж. Новгород)
Флиер Андрей Яковлевич – д.филос.н., Рос. НИИ культурного и природного наследия им. Д.С.Лихачёва
Цветкова Галина Александровна – к. культурол., Рос. НИИ культурного и природного наследия им. Д.С.Лихачёва
Черняховская Юлия Сергеевна – д.полит.н., Рос. НИИ культурного и природного наследия им. Д.С.Лихачёва
Черняховский Сергей Феликсович – д.полит.н., Рос. НИИ культурного и природного наследия им. Д.С.Лихачёва
Шмидт Ирина Викторовна – к.и.н., ОмГУ им. Ф.М.Достоевского (Омск)
Юренева Тамара Юрьевна – д.и.н., Рос. НИИ культурного и природного наследия им. Д.С.Лихачёва
Юрьева Татьяна Владимировна – д. культурол., ЯрГПУ им. К.Д.Ушинского (Ярославль)

Адрес редакции:

Россия 129366, Москва, ул. Космонавтов, д. 2
Российский научно-исследовательский институт культурного и природного наследия имени Д.С.Лихачёва,
Редакционно-издательский отдел
Электронная почта: journals@heritage-institute.ru

© Институт Наследия, 2025

Мнение редакции может не совпадать с мнением авторов.

При полном или частичном использовании материалов ссылка на cr-journal.ru обязательна.

Содержание

КУЛЬТУРНАЯ ПОЛИТИКА

- Сень А.В.**
Культурная политика РФ и её слепые зоны 4

ТЕОРЕТИЧЕСКАЯ КУЛЬТУРОЛОГИЯ

- Путрик Ю.С., Соловьев А.П.**
Пути и методы актуализации объектов культурного наследия в системе мероприятий по укреплению культурного суверенитета России 15
- Гуцалов А.А.**
Практики культурной жизни – вопросы теории 25
- Рыбак К.Е., Избачков Ю.С.**
Семиотика, искусственный интеллект и сохранение культурной идентичности 35
- Скотникова Г.В.**
Русское самосознание как пушкинский завет 39

ИСТОРИЧЕСКАЯ КУЛЬТУРОЛОГИЯ

- Манаширов Д.И.**
Нашествие гуннов и культурно-геополитические предпосылки формирования монославянского племенного ареала как фактора зарождения российской государственности 45
- Пряхин Ю.В.**
Основные факторы и условия, определявшие характер воинского воспитания в русской армии в период военных реформ (1855-1914 гг.) 53
- Степанова Е.Е., Окороков А.В.**
Деятельность советской военной администрации в Германии по денацификации культуры советской зоны оккупации в 1945–1949 гг. 61

ПРИКЛАДНАЯ КУЛЬТУРОЛОГИЯ

- Азарова Т.**
Отражение коллективной исторической памяти в праздничной культуре Италии на примере региона Умбрия 71
- Гассиева М.А., Джиеова Д.А.**
Историко-культурное наследие как источник формирования туристической индустрии (на примере Республики Южная Осетия) 77
- Хилько Н.Ф., Горелова Ю.Р.** Духовно-нравственные ценности в культуре восприятия Великой Отечественной войны студенческой молодежью как средство развития патриотизма 82
- Авакян М.А., Чекменев А.И., Чекменева Р.Р.**
Отдельные идентичные приемы исполнительства в вокальном, скрипичном и фортепианном искусстве. Вокализация. Инструментализация 89
- Парамонова С.В.**
К проблеме сценического волнения как одного из актуальных факторов музыкально-исполнительской практики 97

ГУМАНИТАРНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

- Плешанов А.В.**
Судья Холден (герой «Кровавого меридиана» К.Маккарти) как культурный код абсолютного зла 103
- Фурсова Е.Ф.**
Формула выживания: военная повседневность в биографических текстах сибирского солдата Ф.Е.Токаренко 111

МУЗЕЕВЕДЕНИЕ

- Юренева Т.Ю.**
Музеи высших учебных заведений Русской православной церкви: формирование сети и типологические особенности 117

Адрес номера на сайте: http://cr-journal.ru/rus/journals/&j_id=66

КУЛЬТУРНАЯ ПОЛИТИКА РФ И ЕЁ СЛЕПЫЕ ЗОНЫ

DOI 10.34685/HI.2025.95.43.011

Сень Александра Валерьевна,
аспирант, Санкт-Петербургский государственный
университет (Санкт-Петербург)
Email: av.sen@mail.ru

Аннотация. В условиях усиливающегося внешнего информационного давления и внутренних дебатов вокруг ценностей и идеологий особое значение приобретает переосмысление роли государства в формировании целостной и стратегически выверенной культурной политики. Остро стоит задача обеспечения эффективной реализации положений, отражённых в ключевых нормативных и концептуальных документах. В статье анализируются экономический, правовой, управленческий и концептуальный аспекты культурной политики Российской Федерации в контексте реализации Основ государственной культурной политики и Указа Президента РФ о защите традиционных духовно-нравственных ценностей. Существующие исследования, сосредоточенные на отдельных кейсах, не формируют целостной картины и не позволяют выработать устойчивую стратегию преодоления проблем. Настоящая работа выявляет общее аксиологическое основание проблем во всех исследуемых аспектах. Показано, что отсутствие единого подхода к управлению культурной сферой обусловлено концептуальной недоработанностью ценностного фундамента. Обосновывается продуктивность аксиологического подхода, позволяющего однозначно формулировать ценности и предотвращать их произвольные трактовки. Его актуализация открывает возможности для эффективного управления в сфере культуры, укрепления общественной устойчивости и формирования ценностного единства, что способствует укреплению культурного суверенитета России в условиях геополитической нестабильности.

Ключевые слова: государственная культурная политика, аксиологический подход, ценностно-смысловые основания, мониторинг, оценка эффективности, правовое регулирование в сфере культуры, финансирование культурных проектов.

Публикация Основ государственной культурной политики Российской Федерации, утверждённых Президентом в 2014 году, вызвала рост исследовательского интереса и активизировала работу в сфере культурной политики. В Основах сформулированы ценностные векторы, которые должны идейно реализовываться в прикладной плоскости [31]. Культура, защита и сохранение ценностей вошли также в Ф3 «О стратегическом планировании в РФ» [33] и Стратегию национальной безопасности [32]. Это официально зафиксировало приоритетность культуры в развитии России. Новой вехой в определении ценностей стал Указ Президента № 809 от 9 ноября 2022 г. по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей [30]. Действительно, перед органами государственной власти, учреждениями культуры и общественными организациями встала задача реализовать культурную политику так, чтобы культура стала фактическим ядром стратегического развития и национальной безопасности, способствовала повышению качества жизни и гармонизации общественных отношений [2, с. 175]. За десять лет с момента публикации Основ государственной культурной политики накопилось достаточно данных для анализа эффективности реализованных проектов, и за последние годы усилился интерес исследователей к вопросам регулирования сферы культуры и оценки её результативности.

К текущему моменту были проведены исследования экономических, правовых, образовательных, управленческих, социологических, концептуальных и региональных аспектов культурной политики. При этом большинство из них проводятся на междисциплинарном стыке, что отражает саму природу культурной политики [35, с. 4]. В рамках многообразия тематик всё больше авторов склоняются к мнению, что при оценке эффективности проектов следует опираться преимущественно на качественные, а не количественные показатели [11, с. 8]. Также существенным достижением является

расширение понимания культурной политики как сферы, охватывающей не только очевидные области — культурное наследие, культурные продукты и творческие индустрии, но и культуру в широком смысле. Она включает образование (от дошкольного до высшего), просвещение, коммерческий и корпоративный сектор, телевидение, СМИ, интернет-пространство и др. [2, с. 171]. Всё более актуальным становится ценностно-ориентированный подход, предполагающий его системную реализацию как на горизонтальном, так и на вертикальном уровне управления [35, с. 4]. Это говорит о том, что в области культурной политики складываются консенсусы, которые могут послужить основой для совершенствования механизмов управления. Однако по-прежнему перед исследователями стоит ряд вопросов:

а) выбор методологии, внедрение которой уже сегодня сможет качественно оценивать проекты [11, с. 8];

б) возможно ли решать часть вопросов на уровне проектирования, а не на уровне последствий и их оценок;

в) какое действие закроет общие междисциплинарные проблемы в рамках культурной политики.

Несмотря на наличие уникальной специфики и проблематики в каждом аспекте культурной политики, всё ещё отсутствует системная межотраслевая регуляция этой сферы. Решение локальных задач зачастую носит паллиативный характер, тогда как проблема системного единого управления и общей концепции остаётся открытой [35, с. 2].

Настоящая статья ставит задачу подготовить почву для дискуссии об аксиологическом подходе. Предполагается, что он может выявить системные пробелы в прикладных аспектах культурной политики, обнажить ядро проблемы и заменить локальные решения, направленные на «латание брешей» и препятствующие институциональному регулированию, на системные.

В данной статье представлены результаты исследования четырех основных, на наш взгляд, аспектов культурной политики: экономического, правового, управленческого и концептуального, выделено общее (межотраслевое) ядро проблемы и обозначены наиболее перспективные направления исследований. При этом предложенный аксиологический подход рассматривается как эффективный инструмент в преодолении проблемы разобщённости исследований.

Экономический аспект культурной политики

Экономический аспект в рамках культурной политики обычно включает в себя: а) вопросы государственного бюджетирования; б) эффективные модели финансирования культурных проектов; в) эффективность финансируемых проектов: сколько выделено было на проект и достиг ли он поставленных целей и задач.

До публикации Основ государственной культурной политики и даже после какое-то время по инерции предлагалась к рассмотрению неолиберальная экономическая модель культурной политики. Она подразумевала перемещение рыночной модели в парадигму культуры с целью её коммерциализации. Так, например, по мнению Д.Ш.Ковела, западная система финансирования наиболее перспективна и эффективна. Её структура представляет собой радикальную трансформацию пропорций финансирования с государственного на самостоятельную организацию материальной поддержки за счёт привлечения инвесторов, коммерческих и корпоративных структур, а также самоокупаемости благодаря более качественному оказанию услуг [20, с. 45-46].

Но уже и тогда были исследователи, которые усматривали в этой модели прямую угрозу отечественной культуре и говорили о том, что неолиберальная модель с её краудфандингом приведёт в итоге к упадку [29, с. 21]. Вскоре неуспешный западноевропейский опыт стал показательным. Такой подход в Великобритании, государстве-адепте неолиберальной модели экономического управления в культурной политике, в итоге привел к закрытию 525 музеев за последние двадцать лет. Отмечается такая же картина в театральной сфере и других секторах творческой индустрии [36].

В отечественной научной среде противоположный взгляд на экономическое управление в сфере культуры сегодня фактически воспринимается как аксиома: культура не может рассматриваться как источник прибыли, не может быть подчинена законам выгоды, её функция – обеспечивать культурный суверенитет и защищать национальные интересы [19, с. 64], и поэтому она преимущественно должна поддерживаться государством [22, с. 59].

Среди проблем экономического аспекта культурной политики рядом автор (В.В.Матвеев [Там же], О.И.Бычкова, Н.А.Костина, Е.Г.Саркисова [3, с. 31]) выделяется недостаточное госфинансирование сферы культуры. С ними не согласен П.А.Шашкин, убежденный, что вызовы культурной политики, её глобальные проблемы не закроются увеличением денежных ресурсов [35, с.4]. Действительно, большее финансирование не равнозначно лучшему результату. Исследователи вносили предложения по сокращению дефицита за счёт коммерции разными путями: через более широкое включение бизнеса в решение проблем культуры [2, с. 173], более активное привлечение коммерческого и корпоративного секторов [19, с. 61-62]. Эта идея была отражена в стратегии государственной культурной политики: предусматривается, что к 2030 году 25% финансирования должно предоставляться внебюджетными организациями [28].

Вместе с тем, авторы упоминают о «подводных камнях» вовлечения коммерции в культуру. Как раз они и демонстрируют корневую проблему в межотраслевом функционировании и управлении культурной политики: 1) У предпринимателя как инвестора и государства могут не совпадать интересы, поскольку главная задача предпринимателей – увеличение дохода, стоит приоритетнее ретрансляции государственных ценностей [19, с. 61-62]. Чтобы этого не допустить, государство должно регулировать культурные проекты коммерческого сектора на концептуальном уровне [Там же, с. 62]. 2) Коммерческий сектор как реализатор должен быть осведомлен о концепциях, если он, например, выступает инициатором в разработке культурно значимого проекта. Для этого необходим чётко проработанный документ, фиксирующий положения, цели и ценности государственной культурной политики [Там же]. По мнению А.Ф.Белозор, это будет способствовать и повышению культуры бизнеса и двигать экономику от спонтанно-рыночной системы к социально ориентированной [2, с. 175].

И даже при рассмотрении такого варианта финансирования ключевая проблема – **эффективность финансируемых проектов**: как её определять и чем измерять? Согласно Основам государственной культурной политики, для оценки эффективности «качественные показатели должны превалировать над количественными» [31]. На данный момент это всё ещё не воплощено на практике [22, с. 69]. Авторы исследования эффективности стратегии региональной культурной политики юга России приходят к выводу, что отсутствие единых унифицированных подходов к концептуальному мониторингу культурных программ приводит к неудовлетворительным результатам, а в последствии и к редуцированию финансирования [3, с. 29].

Итак, «окупаемость» экономического аспекта культурной политики выражается не в прибыли, не в количестве проведённых мероприятий, тематика которых может формально перекликаться с Основами культурной политики. Она конвертируется в культурный капитал – совокупность ценностей, усвоенных индивидом в результате культурного взаимодействия [23, с. 86]. Исходя из этого, эффективное финансирование предполагает превентивный подход: ещё на уровне утверждения бюджета проекта требуется вдумчивый системный анализ того, какие ценности он будет транслировать. Предполагается, что аксиологический подход позволяет выявить концептуальное ядро проекта и ещё на этапе планирования определить степень соответствия стратегическим целям Основ. После реализации «культурную окупаемость» следует оценивать с помощью социологических опросов посетителей. Они должны раскрывать оставленную обратную связь посредством аксиологического подхода: выявлять усвоенные ценности.

Правовой аспект культурной политики

Нормативно-правовая база играет ключевую роль в формировании и реализации культурной политики, выступая основой для эффективного государственного управления в сфере культуры. Законодательное регулирование позволяет структурировать приоритеты, определить цели и механизмы воздействия на культуру, а также обеспечить согласованность действий различных уровней власти и общественных институтов.

На сегодняшний день основными документами, определяющими стратегические ориентиры и правовые рамки культурной политики в России, являются уже упоминавшиеся ранее Основы государственной культурной политики от 2014, Указ №809 от 09.11.2022 о сохранении и укреплении духовно-нравственных ценностей, Стратегия национальной безопасности Российской Федерации, Стратегия государственной культурной политики до 2030 г. и Федеральный закон №172-ФЗ «О стратегическом планировании в Российской Федерации». Эти акты не только задают вектор государственной деятельности в культурной сфере, но и подчеркивают её значение для устойчивого развития и национальной безопасности страны.

Многие исследователи в области правоприменения рассматривают Основы как ориентир, однако отмечают проблему разрыва между «замыслом», отражённым в вышеперечисленных документах, и его реализацией. В.Г.Елизаров [15, с. 3] и С.Г.Волобуев [4, с. 2] в тезисах на круглом столе, посвященном «Федеральному закону “О культуре” в системе нормативно-правовых актов Российской Федерации» от 9 февраля 2021 года, в первую очередь апеллируют именно к этому непродуктивному обстоятельству. Также Г.А.Заботкин и В.И.Юдин констатируют, что Основы как законодательный акт практически не работают [16, с. 6].

В связи с этим нередко поднимается разговор о необходимости закона «О культуре» или вообще некоего свода законов, которые бы позволили регулировать проекты в правовом ключе. Такие авторы, как В.Г.Елизаров, Г.А.Заботкин, В.И.Юдин, С.Г.Волобуев, И.И.Горлова, В.В.Зубов, П.А.Шашкин выступают инициаторами разработки федерального закона, охватывающего сферу культуры, обуславливая ряд текущих проблем его отсутствием. В первую очередь отсутствие единой законодательной базы в сфере культуры приводит к несогласованности действий между ведомствами [16, с. 7].

Кроме того, значительным препятствием в законодательном управлении является терминологическая неопределенность сферы управления культурной политики, несмотря на то, что в Основах культура представлена как совокупность «формальных и *неформальных* институтов, явлений и факторов, влияющих на сохранение, производство, трансляцию и распространение духовных ценностей (этических, эстетических, интеллектуальных, гражданских и т.д.)». С.Г.Волобуев является представителем межотраслевого подхода и считает существенной недоработкой в культурной политике исключение сфер образования, просвещения, межнациональных отношений и других из областей управления [4, с. 3]. П.А.Шашкин разделяет этот подход, добавляя, что в вотчину законодательного управления должны входить органы публичной власти, институты гражданского общества, государственные компании и негосударственные компании с преобладающим государственным участием. По мнению автора, если не подходить к определению глобально, то невозможно говорить о защите единого культурного пространства страны [35, с. 3].

Другая препона в законодательном управлении культурной политики определена В.Г.Елизаровым, П.А.Шашкиным и В.В.Зубовым как «декларативный» характер ценностей, заявленных в Основах. Под декларативностью подразумевается слишком широкая формулировка ценностей и их векторность: траектория мысли ясна, но право не может на неё опираться в полной мере. Во-первых, именно это провоцирует разрыв с практикой [15, с. 1-2]. Во-вторых, декларативность вследствие «излишней» свободы снижает эффективность управления и препятствует достижению целей и задач культурной политики [16, с.13]. В-третьих, описательный характер ценностей на правовом уровне препятствует превентивному регулированию и даёт пространство для лавирования «нарушителям». Более того, даже если лица, утверждающие проект, опираясь на Основы, могут идентифицировать нарушение на этапе проектирования, у них нет основания обращаться к правовым органам, которые могли бы воспрепятствовать реализации. Подобная «система» приводит к тому, что государство начинает взаимодействовать с нарушителями уже непосредственно после совершения незаконных действий, которые при наличии ФЗ «О культуре» уже было бы можно избежать [18, с. 44-45].

Однако перед тем, как разрабатывать общую законодательную базу, которая будет регулировать культуру в широком смысле, важно доработать текущие ценности более детально с аксиологической точки зрения. Так, например, И.И.Горлова не предлагает пересмотреть ценности как таковые, но обозначает нехватку формулировок и определений и в качестве решения говорит о необходимости разъясняющего документа, в котором каждая ценность должна быть раскрыта [9, с. 12-13]. А.В.Серебренникова говорит о том, что декларативный характер ценностей порождает аксиологический

релятивизм и даже может подкреплять криминогенный фактор. Будучи многонациональным государством, важно учитывать культуры малых народов, «духовно-нравственные» ценности которых могут включать в себя действия, нарушающие законы Российской Федерации. В качестве примера приводится традиция «кровной мести» в Южных регионах России [26, с. 59]. И это демонстрирует обстоятельство, лежащее на поверхности данной проблематики.

Настоящий обзор показывает, что большинство исследователей, несмотря на различие в ракурсах, в целом сходятся в оценке правовых проблем культурной политики. Однако есть в исследовательском поле и альтернативная точка зрения. Так, например, Е.Э.Чуковская в тезисах относительно нового закона «О культуре» говорит в первую очередь об обеспечении реализации конституционных прав и свобод для деятелей культуры [34, с.4]. Её позиция выражает переживания многих представителей творческой интеллигенции, касающиеся возможного ограничения свободы творчества в условиях усиления правовой регуляции. Именно в парадигме доминирования творческой автономии российское управление пребывало почти двадцать лет до появления Основ государственной культурной политики, ознаменовавших первый значимый поворот к системному менеджменту. Подобная модель проявила себя неэффективной. В этой связи О.И.Карпухин точно формулирует последствия: «Если культурой не управлять, она начинает деградировать» [19, с. 62]. Важно отметить, что ФЗ «О культуре» не будет противоречить конституционным правам, но в случаях, где государство выступает в роли заказчика, оно имеет право формировать своё концептуальное техническое задание на культурные проекты. Более того, оно вправе требовать от реализаторов эффективного выполнения проектов, которые оно финансирует, и в случаях нарушения должно быть защищено законом.

Таким образом, данная совокупность обстоятельств и в правовом аспекте требует аксиологической доработки Основ государственной культурной политики РФ и Указа №809 от 9 ноября 2022 года. Она включает детализацию и уточнение ценностей с целью преодоления их декларативного характера и терминологической неопределенности в сфере культурной политики. Предполагается, что регуляция должна охватывать не только «культурные учреждения», но и другие гражданские, образовательно-просветительные, коммерческие организации. Дальнейший этап подразумевает закрепление этих положений юридически посредством закона «О культуре», который будет отражать, регулировать процессы, протекающие в культурной жизни России, защищать и отстаивать её культурные интересы.

Управленческий аспект культурной политики

Большинство современных исследований в области культурной политики осуществляются в междисциплинарной плоскости. Это предопределяет тесное переплетение правовых, экономических и управленческих подходов. В данной секции статьи основной акцент сделан на управленческом измерении, в рамках которого рассматриваются следующие вопросы:

- 1) что является предметом управления культурной политики;
- 2) каким образом осуществляется управление проектами, входящими в сферу культуры;
- 3) какая обоснованная степень участия государства в управлении культуры;
- 4) как реализуется мониторинг и эффективность проектов в рамках управления культурной политики;
- 5) в какой мере достигнутые результаты соответствуют ценностным установкам, заявленным в Основах государственной культурной политики.

В результате исследования можно прийти к выводу, что терминологическая неопределенность в отношении культурной политики касается и её управленческого аспекта. С одной стороны, есть мнение, что сферой управления являются «культурные учреждения» и творческая индустрия. Вследствие этого при анализе эффективности культурной политики рассматривают только такие институции [24, с. 6]. С другой стороны, проводятся исследования в сфере культурной политики, которые *de facto* предметом анализа выходят за «культуротворческие» рамки. Например, в них рассматриваются образовательные системы [10, с. 19-20].

Среди подходов к моделям управления представлены и фундаментальные разработки. Например, А.Ф. и Ф.И.Белозор в статье ссылаются на ценностную вертикаль: в самом её верху располагаются «базовая нормативная основа культуры социума», следующая подступень – правовая, ниже расположены организационная и финансовая основа, а уже «под» ними – межотраслевые социокультурные институты [2, с. 171]. О.Н.Астафьевой также близок этот подходу. Автор делит систему управления на несколько «контуров», представляющих вертикальную ценностную систему управления. Её модель подразумевает, что все «под-контур» подчиняются ценностным ориентирам, установленным на «высшем контуре», где «определяется широкий диапазон выработки стратегических смыслов, посредством которых должна происходить национальная консолидация» [1, с. 20]. Иными словами, многие исследователи в системе управления ставят на первое место аксиологические векторы.

К вышеупомянутым моделям встречаются уточнения, относящиеся к тому, как должна управляться культурная политика и до какой степени государство должно участвовать в процессах управления. О.И.Карпухин и С.Н.Комиссаров в историческом разрезе моделей управления РФ отмечают тенденцию к государственно-центричному подходу, говоря о том, что эта модель органична и для управления культурой. Более того, по мнению авторов, без должного управления ей политическая, экономическая и военная сферы не будут эффективны [19, с. 65]. Также горизонтальная система управления должна включать не только социокультурные институты, перечисленные у А.Ф. и Ф.И. Белозор, но и корпоративные и коммерческие организации. Подразумевается их переориентация на социокультурный менеджмент [19, с. 77].

И всё же ключевая тематика исследований в аспекте управления культурной политикой посвящена мониторингу и оценке эффективности проектов. Ряд исследователей поднимают проектировочную проблему: отсутствие конвергенции между ценностями, целями и реализацией проектов – это отмечалось как в исследованиях после выхода Основ [8], так и в новейших публикациях последних лет, например, И.И.Горловой, О.И.Бычковой, Н.А.Костиной [12, с. 6] и П.А.Шашкина [35, с. 2]. В статье И.И.Горловой обозначено отсутствие единого методического и методологического подхода к мониторингу стратегических программ культурной политики [12, с. 6]. Это может быть причиной того, что в теме эффективности управления есть большой пул исследований, посвященный региональным проблемам. Существует и отдельный плодотворный жанр «кейсов» культурной политики. Бессистемный мониторинг отражает локальные проблемы, предлагаемые решения которых только купируют симптомы, игнорируя общегосударственную задачу разработать универсальную систему оценки культурной политики.

На настоящий момент система оценки эффективности реализуемых культурных проектов до сих пор не унифицирована. Несмотря на положения, закреплённые в Основах государственной культурной политики, согласно которым при оценке должны преобладать качественные показатели, на практике сохраняется доминирование количественных критериев [11, с. 8]. В ряде исследований обнаруживается формализованный подход, при котором активность демонстрируется через отчёт о количестве реализованных проектов, проведённых мероприятий, посещаемости мероприятий и объёме выделенного финансирования. Вместе с тем, как правило, отсутствует ценностно-смысловая составляющая культурных процессов, не учитываются аксиологическая перспектива и не анализируется обратная связь со стороны аудитории [Там же].

Нельзя отрицать, что количественные показатели являются важными для понимания масштабов деятельности. Однако подлинная эффективность культурной политики проявляется в восприятии, осмыслении и усвоении культурных ценностей целевой аудиторией. В этом контексте формализованная оценка может считаться объективной лишь в ограниченном, административном смысле, не отражая трансформаций в социокультурной среде. В нормативном акте зафиксировано положение об «организационном, аналитическом и информационном обеспечении разработки и реализации государственной культурной политики». Эта формулировка акцентирует внимание на необходимости постоянного мониторинга и обратной связи, обеспечивающих связь между стратегическими целями и их реализацией [31].

Так, если рассматривать управление в сфере культурной политики как процесс «выявления ценностных конфликтов и поиск способов их преодоления» [5, с. 15], то само определение обосновывает необходимость внедрения аксиологического подхода на различных уровнях: на

проектном — для исполнителей, на уровне мониторинга и оценки — для управленческих структур [11, с. 10].

Культурную политику следует трактовать максимально широко, включая не только государственные и муниципальные учреждения, но и коммерческий сектор, что также подчеркивается в ряде исследований [1, с. 25]. В рамках такого расширенного подхода аксиологическая гуманитарная экспертиза становится инструментом, способным преодолевать разрыв между целями и фактическими результатами проектов.

Чёткая проработка и конкретизация содержания ценностей, зафиксированных в Основах государственной культурной политики, их системное применение могут выполнять функцию практического ориентира для субъектов культурной политики. Даже на этапе, когда ещё нет уточняющего документа, именно аксиологический подход позволит интерпретировать и оценивать обратную связь, поскольку он раскрывает «ценностное ядро» культурных процессов.

Концептуальный аспект культурной политики и аксиологический подход

Совокупность проблем управленческого, правового и экономического аспектов в итоге приводит к первопричине: она находится на концептуально-аксиологическом уровне культурной политики. Если выйти за рамки культурной политики, то приметы потребности в идейных и ценностных контурах просматриваются и в других гуманитарных отраслях на стыке философии культуры, аксиологии, политической философии, теоретической культурологии и т.д. За последние три года всё чаще поднимается проблема идеологии в отечественной исследовательском поле [21, с. 204-205]. Некоторые авторы отмечают наличие «ожесточённой идеологической борьбы» [17, с. 8].

Проявляемый спрос на идеологию выявляет проблему системного восприятия ценностей. Само наличие этой дискуссии говорит о том, что публика испытывает потребность в консолидации [27, с. 75-76]. Однако предполагается, что ценности, прописанные в Основах государственной культурной политики, не донесены до народа как нечто целостное и системно проявленное в культуре. Поэтому основной интерес данной статьи в концептуальном разрезе – не *ценности* как таковые, а их проработанность.

Важно понимать свойства ценностно-ориентированного подхода к культурной политике. К продуктивным свойствам такие исследователи, как И.И.Горлова и Е.В.Болдырева, относят мобильность и «безотносительность», которая позволяет синтезировать предыдущий уникальный опыт российской истории и культуры [13, с. 15]. Также он даёт определенную свободу и обозначает вектор развития «широкими мазками». Например, Е.А.Полякова и Е.В.Болдырева, говоря и о ценностном подходе, отмечают, что на современном этапе развития российская модель управления имеет больше черты «государства-архитектора», чем «государства-инженера». Первый тип подразумевает частичную самостоятельность, а второй — полный государственный контроль всех сфер культуры [24, с. 6].

Обратная сторона ценностно-ориентированного подхода раскрывает ключевую междисциплинарную проблему культурной политики. Ценности трудно брать в работу из-за декларативности и описательности понятий [9, с. 12-13]. Согласно исследованию экономического, правового и управленческого аспектов, можно утверждать, что это порождает проблемы на всех уровнях культурной политики. Действительно, концептуальный аспект представляет собой ядро проблемы, а отсутствие общей проработанности провоцируют смысловые противоречия.

В качестве примера идейной недоговоренности и их последствий в статье Г.А.Заботкина и В.И.Юдина приводится стенограмма пленарного заседания Государственной Думы седьмого созыва от 10 апреля 2018 г., где обсуждался проект федерального закона «О культуре в Российской Федерации». Авторы статьи отмечают, что широта трактовки ценностей, а также отсутствие правового регулирования позволяют «ложно интерпретировать классику» и даже исказить Основы культурной политики РФ [17, с. 9-10]. Противоречащие культурные явления дестабилизируют общество. Именно это и формирует ощущение отсутствия единой концепции ценностей.

Также сама сущность ценности создаёт пространство для смыслового лавирования. По Н.О.Лосскому, считается, что ключевая задача аксиологии – преодолеть аксиологический релятивизм [6, с. 16]. Кроме того, у аксиологического подхода есть две функции, которые необходимо учитывать, чтобы его применение в культурной политике было по-настоящему продуктивным. Во-первых, он обнажает суть, позволяет увидеть культурные процессы изнутри [Там же]. Это можно использовать при разработке, мониторинге и оценке проектов. Во-вторых, подход не только оперирует ценностно-ориентированной моделью, но и должен давать точное определение ценности [6, с. 24], поскольку она «есть не что иное, как этот выбираемый вами смысл» [25, с. 342]. Г.П.Выжлецов отмечает, что релятивизм преодолевается «рациональностью» [6, с. 25]. Под рациональностью также подразумевается осмысление и конкретное наполнение ценности. Так, в государственном проектировании ценностно-ориентированной модели ценности выступают не только в качестве идеалов [14, с. 114–115], но и подлежат регулированию с учётом их свойств в рамках всей системы управления. После конкретизации предполагается следующий этап — их юридическое закрепление, направленное на обеспечение обязательного соблюдения со стороны исполнителей [11, с. 7].

Отсутствие точных формулировок и единой законодательной базы по вопросам культурной политики уже влекут практические последствия. В частности, в действующих нормативных актах обозначены «духовно-нравственные ценности», однако в условиях многонационального государства их конкретное наполнение может варьироваться в зависимости от культурных традиций и обычаев различных этносов. Как отмечает Д.М.Гаджиев, в ряде регионов Северного Кавказа существуют практики, в рамках которых допускается возможность «откупа» за совершённое общественно опасное деяние [7, с. 4]. Подобные прецеденты демонстрируют, что без нормативного уточнения и системной детализации ценностей их применение остаётся фрагментарным и потенциально конфликтным. Операционализированные и законодательно зафиксированные ценности способны стать инструментом профилактики ненормативного поведения, формируя внутри конкретных культурных групп легитимную основу для его общественного порицания.

Многие из упомянутых в статье исследователей указывают на необходимость уточнения и доработки ценностных установок государственной культурной политики. Согласно проведённому исследованию, проблемные зоны в экономическом, правовом и управленческом аспектах обусловлены недостаточной аксиологической проработанностью заявленных в Основах ценностей. Указанные авторами последствия подтверждают: чтобы ценности действительно работали, сначала их предполагается уточнить, а затем уже утверждать законодательно. Это позволит создать более эффективную систему управления в культурной сфере, снизить риски ценностного релятивизма и обеспечить устойчивое развитие культурных проектов.

Выводы

Проведенный комплексный анализ аспектов государственной культурной политики дает основания для ряда заключений, касающихся различных ее уровней.

На экономическом уровне отсутствие чёткой проработанности ценностей провоцирует неэффективное инвестирование государственного бюджета в культуру и даёт возможность коммерческим организациям интерпретировать государственные ценности с интересах своей выгоды.

На правовом уровне из-за отсутствия законодательной базы по регуляции ценностей профилактический этап упускается, а органы власти работают с нарушениями уже после совершения преступления.

На управленческом уровне обнаруживается много локальных проектных проблем. Однако большая их часть обусловлена нечётким ценностным техническим заданием. Ключевая проблема данного аспекта — это мониторинг проекта от его принятия до оценки эффективности. Текущий мониторинг носит несистемный характер. Кроме того, до сих пор выявляется теоретическая недоговоренность в вопросе, что входит в сферу управления культурной политики. Для эффективного результата, выраженного в реальном культурном объединении народов России, необходимо в самом широком смысле воспринимать культурную политику, выходить за рамки традиционных «культурных учреждений» и включать в управление коммерческий сектор.

На концептуальном уровне выявлено общее межотраслевое ядро проблемы. Оно заключается в недостаточной проработанности аксиологической части Основ государственной культурной политики РФ и Указа № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей», с точки зрения точности формулировок. Это даёт пространство для ложных интерпретаций на идейном уровне и провоцирует разобщение общества.

Всё вышесказанное подчёркивает необходимость применения аксиологического подхода к доработке ценностных основ культурной политики. При этом важно учитывать саму природу ценностей. Ценности по своей сути подвижны и многозначны, что даёт возможность релятивистских интерпретаций. Аксиологический релятивизм может быть преодолен через рационализацию, то есть — через чёткое, недвусмысленное формулирование ключевых ценностей. Для системы государственного управления в сфере культуры это означает закрепление ценностей в понятных и работающих категориях. Такое оформление создаёт основу для устойчивой и последовательной модели управления. Грамотно выстроенная аксиологическая экспертиза позволяет выявлять идейное содержание проектов, не допуская продвижения разрушительных смыслов под видом внешне «правильных» форм. Именно несогласованность ценностных ориентиров способна разрушить общество изнутри. Управление в сфере культурной политики сегодня не может позволить себе подобных противоречий. В эпоху укрепления культурного суверенитета особенно важно выстраивать систему, основанную на ясных и разделяемых обществом ценностях — систему, которая будет работать на благо страны и её культурной целостности.

ЛИТЕРАТУРА

- [1] Астафьева, О. Н. Культурная политика России: проектный вектор креативного сектора // Общество: философия, история, культура. – 2024. – № 12. – С. 18-28.
- [2] Белозор, А. Ф., Белозор, Ф. И. Культурная политика Российской Федерации в условиях современных вызовов // Государственное и муниципальное управление: Ученые записки. – 2021. – № 2. – С. 168-177.
- [3] Бычкова, О. И. Эффективность стратегий региональной культурной политики юга России / Бычкова О. И., Костина Н. А., Саркисова Е. Г. // Культура и образование. – 2023. – № 3(50). – С. 23-34.
- [4] Волобуев, С. Г. О необходимости и основных аспектах разработки новой концепции проекта Ф3 «О культуре». – Текст : электронный // Культурологический журнал. – 2021. – № 1(43). – С. 1-5. – URL: http://cr-journal.ru/rus/journals/531.html&j_id=46 (дата обращения: 04.11.2025).
- [5] Востряков, Л. Е., Ивлиева, И. А. Социально-культурная деятельность в условиях реализации ценностно ориентированной модели государственной культурной политики // Труды СПбГИК. – 2021. – С. 10-22.
- [6] Выжлецов, Г. П. Аксиология культуры на рубежах веков // Международный журнал исследований культуры. – 2016. – № 2(23). – С. 15-26.
- [7] Гаджиев, Д. М. Власть и особенности предупреждения преступности в Республике Дагестан : моногр. – Махачкала, 2007.
- [8] Голобородько, А. Ю. Государственная культурная политика в системе обеспечения национальной безопасности современной России: дис. ... д-ра полит. наук. – Ростов-на-Дону, 2016. – 276 с.
- [9] Горлова, И. И. Традиционные духовно-нравственные ценности в нормативно-правовых документах Российской Федерации: состояние и пути совершенствования. – Текст : электронный // Культурологический журнал. – 2021. – № 2(44). – С. 10-14. – URL: http://cr-journal.ru/rus/journals/537.html&j_id=47 (дата обращения: 04.11.2025).
- [10] Горлова, И. И., Бычкова, О. И. Реализация культурно-образовательного потенциала культурной политики в рамках образовательных систем. – Текст : электронный // Журнал Института Наследия. – 2024. – № 4(39). – С. 18-24. – URL: <http://nasledie-journal.ru/ru/journals/684.html> (дата обращения: 04.11.2025).
- [11] Горлова, И. И. Методические аспекты аксиологического анализа эффективности реализации региональной культурной политики / Горлова И. И., Бычкова О. И., Костина Н. А. // Культурное наследие России. – 2017. – № 1. – С. 6-12.
- [12] Горлова, И. И. Методологические основы мониторинга региональной культурной политики / Горлова И. И., Бычкова О. И., Костина Н. А. // Культурное наследие России. – 2021. – № 3. – С. 4-13.
- [13] Горлова, И. И., Зорин, А. Л. Трансформация концептуальных основ государственной культурной политики Российской Федерации в первой четверти XXI века. – Текст : электронный // Культурологический журнал. – 2024. – № 4(58). – С. 14-22. – URL: http://cr-journal.ru/rus/journals/670.html&j_id=62 (дата обращения: 04.11.2025).

- [14] Демидова, Е. И., Митрохина, Т. Н. Аксиология проектирования российской политики // Власть. – 2017. – № 3(25). – С. 114-122.
- [15] Елизаров, В. Г. Зачем нужен новый закон «О культуре»? – Текст : электронный // Культурологический журнал. – 2021. – № 1(43). – С. 5-9. – URL: http://cr-journal.ru/rus/journals/527.html&j_id=46 (дата обращения: 04.11.2025).
- [16] Заботкин, Г. А., Юдин, В. И. Модернизация законодательства в сфере культуры в период трансформации социально-экономического развития России: возможности и действительность : Ч. 1. – Текст : электронный // Культурологический журнал. – 2023. – № 4(54). – С. 4-15. – URL: http://cr-journal.ru/rus/journals/629.html&j_id=58 (дата обращения: 04.11.2025).
- [17] Заботкин, Г. А., Юдин, В. И. Модернизация законодательства в сфере культуры в период трансформации социально-экономического развития России: возможности и действительность : Ч. 2. – Текст : электронный // Культурологический журнал. – 2024. – № 1(55). – С. 4-17. – URL: http://cr-journal.ru/rus/journals/637.html&j_id=59 (дата обращения: 04.11.2025).
- [18] Зубов, В. В. Ценностная политика в Российской Федерации: правовой аспект // Пробелы в российском законодательстве. – 2024. – Т. 17. – No 1. – С. 38-47.
- [19] Карлухин, О. И., Комиссаров, С. Н. Парадигмы управления в культуре // Знание. Понимание. Умение. – 2024. – № 1. – С. 61-79.
- [20] Ковела, Д. Ш. Повышение эффективности государственного управления в культурной политике // CETERIS PARIBUS. – 2016. – № 5. – С. 44-46.
- [21] Кочеров, С. Н. Проблема идеологии в современной России // Credo new. – 2022. – № 4(112). – С. 204–227.
- [22] Матвеев, В. В. Финансирование сферы культуры в аспекте реализации государственной культурной политики: аналитический обзор // Вестник АГТУ. Серия: Экономика. – 2022. – С. 59-69.
- [23] Орлова, А. А. Культурный капитал и оценка результативности государственной культурной политики // Труды СПбГИК. – 2021. – С. 81-89.
- [24] Полякова, Е. А., Болдырева, Е. В. Государственная культурная политика современной России: исторический путь и модели развития. – Текст : электронный // Культурологический журнал. – 2024. – № 4(58). – С. 4-13. – URL: http://cr-journal.ru/rus/journals/669.html&j_id=62 (дата обращения: 04.11.2025).
- [25] Сартр, Ж.-П. Экзистенциализм – это гуманизм // Сумерки богов / сост., общ. ред. А.А.Яковлева. – Москва : Политиздат, 1989. – С. 319-344.
- [26] Серебренникова, А. В. Традиционные российские духовно-нравственные ценности, как один из самых значимых антикриминогенных факторов: современное состояние // Colloquium-journal. – 2023. – № 6(165). – С. 58-60.
- [27] Синецкий, С. Б., Шуб, М. Л. Культурная политика в контексте противоречий разнообразия и идентичности // Вестник ЧГАКИ. – 2021. – № 3(67). – С. 75-84.
- [28] Стратегия государственной культурной политики до 2030 г. (утверждена Распоряжением Правительства РФ от 29.02.2016 N 326-р) // Министерство культуры Российской Федерации : официальный сайт. – URL: <https://culture.gov.ru/upload/iblock/588/588d394030405f93298c841f542c8552.pdf> (дата обращения: 09.04.2024).
- [29] Трубочкин, Д. В. Эффективность культуры и культурной политики // Культура и образование. – 2011. – № 2(9). – С. 20-21.
- [30] Указ Президента Российской Федерации от 09.11.2022 г. № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей» // Президент России : официальный сайт. – URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/48502> (дата обращения 09.04.2025).
- [31] Указ Президента Российской Федерации от 24.12.2014 г. № 808 «Об утверждении Основ государственной культурной политики» // Президент России : официальный сайт. – URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/39208> (дата обращения: 10.09.2024).
- [32] Указ Президента РФ о Стратегии национальной безопасности // Президент России: официальный сайт. – URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/47046/page/1> (дата обращения: 09.04.2025).
- [33] Федеральный закон о Стратегическом планировании в Российской Федерации // Президент России : официальный сайт. – URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/38630> (дата обращения: 09.04.2025).
- [34] Чуковская, Е. Э. Место федерального закона о культуре в правовой системе: исторический и теоретический аспект – Текст : электронный // Культурологический журнал. – 2021. – № 1(43). – С. 2-4. – URL: http://cr-journal.ru/rus/journals/526.html&j_id=46 (дата обращения: 04.11.2025).

[35] *Шашкин, П. А.* Культура как государствообразующее начало. Приоритет стратегического планирования. – Текст : электронный // Культурологический журнал. – 2021. – № 1(43) – С. 10-12. – URL: http://cr-journal.ru/rus/journals/528.html&j_id=46 (дата обращения: 04.11.2025).

[36] *Maddox, D., Ahmed, J.* Hundreds of theatres and museums face closure as crisis in sectors laid bare // Independent. – 2024, 26 Dec. – URL: <https://www.independent.co.uk/news/uk/home-news/uk-arts-funding-regional-theatre-museum-culture-government-b2665778.html>

RUSSIAN CULTURAL POLICY AND ITS BLIND SPOTS

Sen Alexandra Valerievna,

Post graduate student,
Saint-Petersburg State University (Saint-Petersburg)

Abstract. *In the context of intensifying external informational pressure and internal debates surrounding values and ideologies in Russia, reconsidering the role of the state in shaping a coherent and strategically balanced cultural policy becomes especially significant. The challenge of ensuring the effective implementation of provisions outlined in key regulatory and conceptual documents is particularly acute. This article analyzes the economic, legal, managerial, and conceptual aspects of the cultural policy of the Russian Federation in the context of implementing the Fundamentals of State Cultural Policy and the Presidential Decree on the Protection of Traditional Spiritual and Moral Values. Existing studies, focused on isolated cases, fail to provide a comprehensive picture and do not allow for the development of a sustainable strategy to overcome the problems. The present work reveals the common axiological foundation of issues across all studied aspects. It demonstrates that the lack of a unified approach to managing the cultural sphere is caused by the conceptual underdevelopment of core values. The effectiveness of the axiological approach, which enables the clear determination of values and prevents arbitrary interpretations, is substantiated. Its application opens up opportunities for effective cultural governance, strengthening social resilience, and fostering a unified value system, thereby contributing to the reinforcement of Russia's cultural sovereignty amid geopolitical instability.*

Keywords: *Russian cultural policy, axiological approach, values, value-based cultural policy, effectiveness of cultural policy, cultural policy management, regulatory framework in culture, cultural budgeting.*

© Сень А.В., текст, 2025
Статья поступила в редакцию 16.09.2025.

Ссылка на статью:

Сень, А. В. Культурная политика РФ и её слепые зоны. – DOI 10.34685/HI.2025.95.43.011. – Текст : электронный // Культурологический журнал. – 2025. – № 4(62). – С. 4-14. – URL: http://cr-journal.ru/rus/journals/719.html&j_id=66.

**ПУТИ И МЕТОДЫ АКТУАЛИЗАЦИИ ОБЪЕКТОВ КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ
В СИСТЕМЕ МЕРОПРИЯТИЙ ПО УКРЕПЛЕНИЮ КУЛЬТУРНОГО СУВЕРЕНИТЕТА РОССИИ**

DOI 10.34685/HI.2025.27.50.009

Путрик Юрий Степанович,
доктор исторических наук,
руководитель Центра социокультурных
и туристских программ Российского научно-исследовательского
института культурного и природного наследия
имени Д.С.Лихачёва (Москва)
Email: putrik@list.ru

Соловьев Андрей Петрович,
кандидат педагогических наук,
Российский научно-исследовательский институт культурного
и природного наследия имени Д.С.Лихачёва (Москва)
Email: andrey476_85@mail.ru

Аннотация. В статье рассматриваются ключевые направления актуализации объектов культурного наследия как инструмента формирования и укрепления культурного суверенитета России. Анализируются современные подходы к переосмыслению культурного наследия, включение его в актуальные культурные практики и государственную политику. Рассматриваются примеры успешной интеграции культурного наследия в образовательные, туристические и медиапроекты, а также роль цифровизации в расширении доступности и сохранении культурных ценностей.

Ключевые слова: культурное наследие, культурный суверенитет, актуализация, идентичность, цифровизация, культурная политика, Россия.

В XXI веке вопросы культурной идентичности, исторической памяти и символического ресурса нации приобретают особую актуальность в связи с растущими вызовами глобализации, цифровизацией и культурной стандартизацией. Современные государства сталкиваются с необходимостью защиты и продвижения собственных культурных ценностей как в рамках внутренней государственной политики, так и на международной арене. В этом контексте понятие **культурного суверенитета** выходит на передний план как основа устойчивого развития нации и условие сохранения её исторической самобытности. Осмысление социальных, культурных, технологических процессов и явлений с опорой на традиционные ценности и накопленный культурно-исторический опыт позволяет народу России своевременно и эффективно реагировать на новые вызовы и угрозы, сохраняя общероссийскую гражданскую идентичность [1].

В условиях мировой глобализации и усиления культурной экспансии укрепление культурного суверенитета России становится одной из приоритетных задач государственной национальной политики. Понятие «культурный суверенитет Российской Федерации» впервые было закреплено в Стратегии национальной безопасности РФ (2015) как фактор, способствующий «укреплению национальной безопасности в области культуры». Указан и механизм его обеспечения: «принятие мер по защите российского общества от внешней идейно-ценностной экспансии и деструктивного информационно-психологического воздействия» [2]. Культурный суверенитет России предполагает способность нашего государства сохранять, развивать и транслировать собственную культурную идентичность, опираясь на исторические, духовные и символические ресурсы. Важно отметить, что объекты культурного наследия выступают важнейшими опорными точками национальной идентичности, однако без механизмов их актуализации они утрачивают связь с современным обществом.

Культурный суверенитет России – это не только способность общества и государства формировать и защищать собственную культурную политику, но и умение противостоять внешним культурным влияниям, которые могут размывать или подменять традиционные ценности, нормы и символы. Важным инструментом в укреплении культурного суверенитета России выступают **объекты культурного наследия** – как материальные, так и нематериальные (архитектурные памятники, фольклор, язык, обряды, художественные традиции и т.д.), поскольку именно они воплощают исторический и духовный опыт российского народа.

Однако в условиях быстро меняющегося культурного ландшафта объекты наследия нередко теряют связь с повседневной жизнью общества, воспринимаются как реликты прошлого, не имеющие прямого отношения к актуальным культурным и социальным процессам. В связи с этим ключевым направлением современной культурной политики становится **актуализация объектов культурного наследия**, то есть их переосмысление, адаптация и интеграция в современную культурную среду.

Актуализация наследия — это не только сохранение и реставрация, но и придание объектам новой социальной, образовательной, эстетической и политической значимости. Через механизмы актуализации возможно не только «сохранить прошлое», но и сделать его полноценным ресурсом для формирования будущего. Именно в этом контексте актуализация наследия становится важной частью государственной стратегии по обеспечению культурного суверенитета России.

Понятие актуализации культурного наследия формируется на стыке нескольких научных дисциплин – культурологии, философии культуры, истории, социологии, антропологии, а в последние десятилетия – и цифровых гуманитарных наук. В научном дискурсе актуализация понимается как многоаспектный процесс, направленный на придание объектам культурного наследия новой значимости в современном социально-культурном контексте.

Как известно, термин «*культурное наследие*» охватывает широкий спектр объектов: от материальных памятников архитектуры, археологии и искусства до нематериальных форм — языка, обычаев, фольклора, традиционных знаний и ремесел. Согласно Конвенции ЮНЕСКО об охране нематериального культурного наследия (2003) [3], такое наследие представляет собой живое выражение культуры, которое постоянно воспроизводится и передается от поколения к поколению. Важный шаг в направлении сохранения и использования нематериального культурного наследия сделан в России с принятием в 2022 году Федерального закона «О нематериальном этнокультурном достоянии Российской Федерации» от 20.10.2022 N 402-ФЗ [4].

Актуализация в широком смысле — это процесс «вывода» объекта культурного наследия из пассивного состояния к активному участию в жизни общества. Объект культурного наследия существует не только как физическая реальность, но и как носитель коллективной памяти, культурных смыслов и символов, встроенных в социокультурный контекст. Актуализация объектов культурного наследия — это процесс переосмысления, обновления и включения памятников прошлого в современное культурное пространство. Этот процесс охватывает:

- семиотический уровень: переинтерпретацию смыслов;
- институциональный уровень: изменение форм управления и использования;
- социальный уровень: включение в жизнь сообществ.

Актуализация предполагает:

- интерпретацию: переосмысление и адаптацию исторических смыслов к современности;
- инкультурацию: включение в повседневные культурные практики;
- репрезентацию: представление в публичном пространстве — от музеев до цифровых медиа;

- медиатизацию: трансляцию через современные коммуникационные каналы, включая социальные сети, кино, VR- и AR-технологии.

Таким образом, актуализация становится средством превращения объекта наследия в ресурс идентичности, символическое ядро, способное укреплять культурное самосознание и суверенитет России. Актуализация наследия — это не возвращение к «аутентичному» прошлому, а процесс переинтерпретации прошлого в рамках современных культурных парадигм.

Выделим несколько ключевых институциональных механизмов актуализации наследия:

- музеефикация: сохранение и интерпретация объектов в рамках музейного пространства, включая новые формы — интерактивные, виртуальные музеи;

- реставрация и ревитализация: восстановление и функциональное перепрофилирование памятников для их дальнейшего использования;

- включение в культурные индустрии: трансформация объектов культурного наследия в часть креативной экономики (кино, дизайн, гастрономия, ремесла и др.);

- культурное проектирование: использование объектов культурного наследия как базы для формирования новых культурных практик, мероприятий, фестивалей, брендов.

Таким образом, актуализация требует не только сохранения объектов, но и создания новых интерпретативных рамок, в которых они обретают значимость для современного общества.

Культурное наследие России не только символизирует, но и материализует культурный суверенитет. Его использование в государственном и общественном дискурсах позволяет:

- укреплять национальное самосознание;

- формировать патриотические и гражданские установки;

- обеспечивать культурную независимость в условиях внешнего давления.

В условиях современной геополитической и культурной конкуренции понятие культурного суверенитета приобретает фундаментальное значение. Оно трактуется как способность России и российского общества самостоятельно формировать, сохранять и транслировать собственную культурную идентичность, управлять своей культурной политикой без доминирующего влияния извне. В этом контексте объекты культурного наследия становятся не просто памятью о прошлом, но важнейшим стратегическим ресурсом, способным укреплять национальное самосознание, служить основой культурной мобилизации и инструментом «мягкой силы».

Понятие культурного суверенитета в научном обороте появилось сравнительно недавно и связано с необходимостью осмысления последствий глобализации, стандартизации культурных практик [5]. Культурный суверенитет — это:

- право и возможность нации самостоятельно определять и реализовывать культурную политику;

- защита культурного пространства от ассимиляции и символического подчинения;

- активная репрезентация собственной культурной традиции на внутреннем и внешнем уровне.

Таким образом, культурный суверенитет — это не изоляция, а осознанное управление культурными смыслами, а также развитие собственного культурного производства, опирающегося на национальные традиции.

Объекты культурного наследия играют ключевую роль в процессе конструирования национальной идентичности. Они фиксируют уникальные черты исторического пути народа России, его мировоззрения, художественной и духовной культуры. С этой точки зрения культурное наследие России выполняет несколько стратегических функций:

- идентификационную: создаёт культурные коды, через которые человек осознаёт принадлежность к нации;
- интеграционную: объединяет разные социальные и этнические группы вокруг общих символов и исторической памяти;
- репрезентативную: служит инструментом демонстрации культурной зрелости и уникальности государства на международной арене;
- ресурсную: используется в развитии туризма, образования, креативной индустрии, становясь частью экономики.

Современное международное пространство всё чаще определяется не только политической и экономической, но и культурной конкуренцией. В этой борьбе культурное наследие становится элементом мягкой силы — способности влиять на другие страны через привлекательность своей культуры, идеалов и образа жизни.

Множество стран активно используют свои историко-культурные ресурсы в дипломатии: например, Франция — через Франкофонию и ЮНЕСКО, Китай — через институты Конфуция, Турция — через программы сохранения тюркского наследия. Россия в последние годы усиливает использование культурного наследия в международной повестке: это и продвижение памятников в список ЮНЕСКО, и культурные выставки за рубежом, и празднование исторических дат как символов преемственности и цивилизационной идентичности. В Российской Федерации также получает все большее распространение научное обоснование цивилизационного подхода при рассмотрении исторических событий и осмыслении роли объектов культурного наследия как одного из базовых компонентов российской цивилизации [6].

Но несмотря на высокий потенциал, эффективное использование культурного наследия как инструмента культурного суверенитета наша страна сталкивается с рядом проблем:

- отчуждение наследия от общества, особенно молодёжи, для которой традиционные формы подачи культуры выглядят неактуально;
- институциональная несогласованность, когда управление объектами находится в ведении разных ведомств без единой стратегии;
- коммерциализация, подменяющая глубинные культурные смыслы поверхностным туристским продуктом;
- угроза внешнего культурного давления, выражающегося в попытках переосмысления истории, дезавуализации национальных героев и символов.

В ответ на эти вызовы требуется не просто охрана памятников, а еще более активная культурная политика, направленная на осмысленное и современное использование историко-культурного ресурса России.

Актуализация объектов культурного наследия России представляет собой совокупность стратегий и практик, направленных на возвращение культурных ценностей в активное культурное, социальное и политическое поле. Этот процесс требует осмысления не только в рамках охраны и реставрации, но и как части более широкой государственной и общественной культурной политики, способствующей укреплению культурного суверенитета. Ниже нами рассмотрены ключевые направления и механизмы

актуализации наследия, обладающие потенциалом прямого воздействия на формирование идентичности и культурной субъектности общества.

Одним из важнейших путей актуализации наследия России является включение наследия в систему формального и неформального образования. Объекты культурного наследия становятся инструментом формирования исторического сознания и культурной памяти у подрастающего поколения. Практики должны включать:

- разработку региональных и локальных курсов истории и краеведения, опирающихся на местные объекты наследия;
- проведение учебных экскурсий и выездных занятий в музеи, архитектурные ансамбли, на места исторических событий;
- создание электронных учебников и мультимедийных платформ, включающих 3D-модели памятников, исторические реконструкции, оцифрованные архивы;
- организация викторин, квестов, проектной деятельности на базе объектов культурного наследия.

Интеграция наследия в образование позволяет не только «научить» истории, но и вовлечь учащихся в эмоциональное и личностное проживание культуры, что особенно важно для устойчивой идентичности.

Культурно-познавательный туризм является одним из самых эффективных способов экономической и символической актуализации объектов наследия России. Развитию этого вида туризма, безусловно, уделяется в последние годы все больше внимания [7]. При этом при планировании туристских продуктов важно переходить от модели «пассивного показа» к интерактивному и событийному формату, а именно:

- создание тематических маршрутов (например «Золотое кольцо России», «Байкал», «Крым», «Сочи», «Политическая и культурная столицы России – Москва и Санкт-Петербург», «Карелия»);
- проведение исторических реконструкций, фестивалей, ярмарок, посвящённых традициям и событиям;
- преобразование объектов наследия в культурные пространства: арт-резиденции, ремесленные мастерские, образовательные центры;
- развитие проектов устойчивого туризма, которые учитывают интересы локальных сообществ и не разрушают историческую среду.

Культурно-познавательный туризм не только приносит экономическую выгоду, но и формирует позитивный культурный имидж страны, укрепляя её позиции на глобальной арене.

В условиях цифровой эпохи важнейшим каналом актуализации становится медиатизация культурного наследия. Это направление включает:

- создание виртуальных музеев и цифровых архивов, дающих доступ к уникальным объектам вне зависимости от географии;
- внедрение технологий дополненной и виртуальной реальности (AR/VR) — для «оживления» памятников, проведения виртуальных экскурсий;
- использование QR-кодов на объектах, позволяющих посетителям в реальном времени получать информацию о памятнике через смартфон;

- разработка документальных фильмов, подкастов, Rutube-проектов, рассказывающих о культурном наследии в современной подаче;

- продвижение через социальные сети — VK, OK, Telegram-каналы, где объекты культурного наследия может быть представлены в формате сторителлинга, инфографики, интерактивного контента.

Цифровизация не только расширяет аудиторию, но и формирует новую медиареальность, где культурное наследие России должно стать актуальной частью повседневного информационного пространства.

На уровне регионов и муниципалитетов объекты наследия России могут быть основой устойчивого культурного развития и территориального брендинга. Здесь выделяются следующие направления:

- формирование «культурных кластеров» или «культурных маршрутов», объединяющих памятники, музеи, ремесленные центры;

- регенерация исторических кварталов с сохранением аутентичного архитектурного облика и адаптацией их под современные функции (книгарни, арт-галереи, каворкинги, мастерские);

- механизмы поддержки малого бизнеса и локальных инициатив, работающих в сфере охраны, изучения и презентации объектов культурного наследия;

- реализация грантовых и конкурсных программ для проектов по переосмыслению и популяризации историко-культурного ресурса.

Актуализация наследия в городском контексте способствует созданию культурно насыщенной среды, формирующей эмоциональную привязанность граждан к территории и стране в целом.

Ключевым условием устойчивой актуализации является вовлечение гражданского общества в процессы сохранения и осмысления объектов культурного наследия. Данное условие предполагает:

- развитие волонтерских движений в сфере охраны памятников и культурного просвещения;

- инициативы локальных сообществ — от создания народных музеев до организации экспедиций и исследований;

- использование методов соучастного проектирования, где жители включаются в процессы ревитализации объектов;

- формирование экспертно-гражданских советов при органах власти, обеспечивающих общественный контроль и участие в принятии решений.

Такой подход способствует демократизации культурной политики и формированию чувства сопричастности и ответственности за культурное наследие.

Несмотря на очевидный потенциал объектов культурного наследия как источника укрепления национальной идентичности и культурного суверенитета России, процесс его актуализации сталкивается с целым рядом системных и ситуативных препятствий. Эти барьеры касаются как организационно-правовой и институциональной сферы, так и более глубоких — ценностных, социально-культурных и технологических аспектов.

Одним из ключевых вызовов в сфере актуализации наследия является отсутствие единой координирующей политики на федеральном и региональном уровнях. Среди проблем можно выделить:

- несогласованность между ведомствами: объекты культурного наследия часто находятся в юрисдикции различных структур — министерств культуры, туризма, образования, муниципальных властей, что затрудняет комплексное управление;

- отсутствие системных стратегий в сфере популяризации и интеграции наследия в современную культуру — большинство программ носят разрозненный, проектный характер;

- преобладание охранной парадигмы: приоритет отдаётся физическому сохранению памятников, тогда как работа с их смысловой и символической стороной часто упускается.

Результатом становится формальный подход к сохранению, использованию и популяризации объектов культурного наследия, при котором объекты в какой то степени сохраняются, но не используются как живой и востребованный ресурс.

Финансовые ограничения — одна из самых острых проблем в работе с объектами культурного наследия. В частности:

- реставрационные и археологические работы требуют значительных ресурсов, а бюджетные ассигнования ограничены и неравномерны по регионам;

- цифровизация наследия, создание медиа-контента, развитие интерактивных форм презентации требуют устойчивого финансирования, чего нет во многих регионах;

- зависимость от грантов и благотворительных фондов делает большинство проектов краткосрочными и нестабильными.

Эти проблемы особенно остро проявляются в провинциальных и малонаселённых регионах, где объекты культурного наследия часто находятся в полуразрушенном состоянии и не вовлечены в культурный или туристский оборот. В более широком смысле речь должна идти и о вовлечении объектов культурного наследия в литературный, кинематографический, театральный и художественно-изобразительный оборот, но это уже тема отдельного исследования.

Многие объекты культурного наследия нередко воспринимаются обществом как нечто далёкое и «не своё», особенно среди молодёжи и городских жителей. Это вызвано:

- архаичностью форм подачи (официальный язык, «застывшие» экспозиции, отсутствие интерактивности);

- разрывом между культурной традицией и современным образом жизни;

- отсутствием механизмов личной сопричастности — редко создаются условия, в которых люди могут «присвоить» наследие как часть своей идентичности.

Как следствие, возникает информационный и эмоциональный вакуум, в котором культурное наследие теряет значимость, уступая место внешним культурным продуктам и моделям.

Ещё одной угрозой является переход от культурной к экономической логике использования наследия. В условиях рыночного давления объекты наследия:

- превращаются в туристические аттракционы, утрачивая свой глубокий историко-культурный контекст;

- упрощаются до фольклорных клише: танцы, ярмарки, сувениры заменяют живую культурную традицию;

- используются в целях брендинга, а не культурного просвещения: например, города и регионы оформляют исторические символы как маркетинговые образы, не обеспечивая их реального содержания.

Это создаёт парадоксальную ситуацию, когда наследие вроде бы становится популярным, но при этом теряет свою идентификационную и воспитательную функцию.

Цифровизация — мощный инструмент актуализации культурного наследия, но, с другой стороны, она несёт новые вызовы, в том числе:

- поверхностное восприятие: массовое цифровое потребление исторической информации через соцсети и короткие видеоролики снижает глубину понимания культурных явлений;

- стандартизация подачи: алгоритмы социальных платформ формируют единый стиль визуального и текстового представления, нивелируя локальные и аутентичные особенности наследия;

- зависимость от иностранных платформ (YouTube, TikTok, Instagram) делает национальную цифровую культурную политику уязвимой;

- вопрос цифрового суверенитета: отсутствие национальных инфраструктур для хранения и продвижения культурного контента повышает риск утраты контроля над собственной культурной информацией.

Таким образом, цифровая форма требует критически осмысленного использования, иначе она может свести актуализацию к имитации интереса.

Также культурное наследие может становиться ареной идеологических столкновений, особенно в контексте переосмысления исторических событий и фигур:

- попытки «переписывания истории» могут вызывать общественный конфликт — например, в вопросах национальной памяти, политических репрессий, роли государственных и религиозных деятелей;

- политизация памяти (выделение «правильного» наследия и вытеснение неудобного) лишает общество целостной картины прошлого;

- возникают локальные конфликты идентичности: между этническими, конфессиональными и региональными группами, имеющими различные версии культурного прошлого.

Для предотвращения подобных эффектов необходимо обеспечить плюралистический и инклюзивный подход, при котором разные группы могут видеть своё отражение в общей культурной картине. Барьеры на пути актуализации культурного наследия носят многоуровневый характер и требуют не только административного вмешательства, но и изменения парадигмы: от охраны ради охраны — к активному культурному использованию с участием общества, бизнеса, экспертного сообщества и цифровой инфраструктуры. Преодоление этих вызовов — ключевое условие для превращения наследия в более значимый ресурс культурного суверенитета, устойчивого развития и международного культурного присутствия.

Заключение

Актуализация объектов культурного наследия — неотъемлемая часть стратегии по укреплению культурного суверенитета. Эффективное использование культурного ресурса возможно при условии его активного включения в современное общественное сознание, образовательное пространство, культурные индустрии и международное сотрудничество. Это требует междисциплинарного подхода и координации усилий государства, общества и экспертного сообщества. В условиях глобальных культурных трансформаций, усиления международной конкуренции в символическом пространстве и стремительного развития цифровых технологий, вопросы культурной идентичности, исторической

памяти и культурного суверенитета приобретают для России и общества приоритетное значение. Объекты культурного наследия в этом контексте выступают не просто как реликты прошлого, подлежащие охране, но как активные ресурсы, способные формировать культурную субъектность нации, укреплять чувство общности и служить стратегической основой культурной политики.

Проведённый нами научный анализ показывает, что актуализация культурного наследия представляет собой многоуровневый и междисциплинарный процесс, включающий переосмысление, модернизацию, медиатизацию и повторное включение объектов культурного наследия в современное общественно-культурное пространство. Основные пути актуализации — интеграция в образовательные программы, развитие культурно-познавательного туризма, использование цифровых технологий, реализация региональных стратегий и вовлечение гражданского общества — в совокупности способны превратить объекты культурного наследия в действенный механизм формирования устойчивой культурной идентичности.

В то же время, на пути актуализации наследия возникают серьёзные барьеры и вызовы: от институциональной разобщённости и хронического недофинансирования до социальных факторов отчуждения и угроз цифровой стандартизации культурного опыта. Эти сложности требуют комплексного подхода, который должен опираться не только на реставрационные и охранные меры, но и на современные формы культурного менеджмента, участие граждан и развитие культурных индустрий.

Таким образом, актуализация объектов культурного наследия как инструмент укрепления культурного суверенитета России должна быть осмыслена как стратегический и долгосрочный приоритет, предполагающий создание гибкой, инклюзивной и устойчивой культурной среды. Только в этом случае объекты культурного наследия перестанут быть «немыми памятниками» прошлого и станут полноправными участниками диалога о будущем — диалога, основанного на уважении к истории, свободе интерпретации и ответственности перед следующими поколениями.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Указ Президента РФ от 9 ноября 2022 года № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей» // Президент России : официальный сайт. — URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/48502> (дата обращения: 07.10.2025).

[2] Указ Президента РФ от 31 декабря 2015 г. № 683 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» // КонсультантПлюс : [сайт]. — URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_191669/ce89a659b0137b9d7c3a1dd4eca2b51d7001589f/ (дата обращения: 07.10.2025).

[3] Конвенция об охране нематериального культурного наследия. Принята 17 октября 2003 года Генеральной конференцией Организации Объединённых Наций по вопросам образования, науки и культуры // ООН : официальный портал. — URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/cultural_heritage_conv.shtml (дата обращения: 07.10.2025).

[4] Федеральный закон «О нематериальном этнокультурном достоянии Российской Федерации» от 20.10.2022 N 402-ФЗ. (последняя редакция) // КонсультантПлюс : [сайт]. — URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_429409/ (дата обращения: 07.10.2025).

[5] Черняховский, С. Ф., Черняховская, Ю. С. Вызовы и угрозы культурному суверенитету РФ и меры по противодействию. — Текст : электронный // Прогнозируемые вызовы и угрозы национальной безопасности Российской Федерации и направления их нейтрализации : сб. материалов круглого стола. Москва, 2021. — Москва : ИМЦ. 2021. — С. 657–669. — URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=49291464> (дата обращения: 07.10.2025).

[6] Стратегия сохранения культуры и культурно-исторического наследия народов Российской Федерации на период до 2030 г. : Проект / Е.В.Бахревский, Т.В.Беспалова, Ю.А.Закунов, А.С.Миронов ; отв. ред.: А.Ю.Сагань ; Рос. науч.-иссл. ин-т культур. и природ. наследия им. Д.С.Лихачева. — Москва : Ин-т Наследия, 2016. — 136 с.

[7] Распоряжение Правительства РФ от 20 сентября 2019 г. № 2129-р Об утверждении Стратегии развития туризма в Российской Федерации на период до 2035 года (с изменениями на 29 мая 2025 года) // Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов : [сайт]. — URL: <https://docs.cntd.ru/document/561260503> (дата обращения: 07.10.2025).

**WAYS AND METHODS OF UPDATING CULTURAL HERITAGE OBJECTS
IN THE SYSTEM OF MEASURES TO CHANGE THE CULTURAL SOVEREIGNTY OF RUSSIA**

Putrik Yuri Stepanovich,

D. in History, Full professor, Head of the Center
for sociocultural and tourist programs,
Likhachev Russian Research Institute for Cultural
and Natural Heritage (Moscow)

Soloviev Andrey Petrovich,

PhD in Pedagogy, Likhachev Russian Research Institute
for Cultural and Natural Heritage (Moscow)

Abstract. *The article examines the key areas of updating cultural heritage sites as a tool for the formation and strengthening of Russia's cultural sovereignty. The article analyzes modern approaches to rethinking cultural heritage, including it in current cultural practices and public policy. Examples of successful integration of cultural heritage into educational, tourism and media projects are considered, as well as the role of digitalization in expanding accessibility and preserving cultural values.*

Keywords: *cultural heritage, cultural sovereignty, actualization, identity, digitalization, cultural policy, Russia.*

© Путрик Ю.С., Соловьев А.П., текст, 2025
Статья поступила в редакцию 16.09.2025.

Ссылка на статью:

Путрик, Ю. С., Соловьев, А. П. Пути и методы актуализации объектов культурного наследия в системе мероприятий по укреплению культурного суверенитета России. – DOI 10.34685/NI.2025.27.50.009 . – Текст : электронный // Культурологический журнал. – 2025. – № 4(62). – С. 15-24. – URL: http://cr-journal.ru/rus/journals/720.html&j_id=66.

ПРАКТИКИ КУЛЬТУРНОЙ ЖИЗНИ – ВОПРОСЫ ТЕОРИИ

DOI 10.34685/HI.2025.52.20.005

Гуцалов Александр Анатольевич,

кандидат философских наук,
руководитель отдела комплексных проблем изучения культуры
Южного филиала Российского института культурного
и природного наследия имени Д.С.Лихачёва (Краснодар)
Email: Gutsalov_Alex@mail.ru

Аннотация. Статья поднимает проблему обоснованности использования термина «культурные практики» в отечественной культурологии. Выявлено, что оно включает в себе устойчивую коннотацию с традицией «новой культуральной истории». В ней делается основной упор не на культуре как некоем цельном образовании, характерном для общества и важном для его самосохранения, для формирования устойчивых смысловых и ценностных социально значимых паттернов, а на «раздроблении» и рассмотрении «истории в осколках», на культурных особенностях отдельного индивида и/или небольших сообществ, взятых самими по себе вне четко фиксируемой общей взаимосвязи с целым. Из-за этого понятие «культурные практики» обретают специфический смысл мультикультурализма, который при слепом переносе на иную культурную почву с иной традицией отношения к культуре создает смысловые несоответствия и противоречия. По этой причине автором предлагается использовать другой термин для описания разнообразных так называемых культурных практик: «практики культурной жизни» в рамках общей культурной деятельности, смысл которой призван сохранить должную гармонию общего объединяющего культурного целого и специфики составляющих его индивидуальных элементов. Понятие «культурная деятельность» сочетает в себе объем понятий «практики культурной жизни» и «культурные индустрии». В статье также подвергается критике практика всеобъемлющих определений культуры, включающих и явления, которые вполне могут нести в себе антикультурный и антигуманный смысл.

Ключевые слова: культурные практики, практики культурной жизни, культурная деятельность, культурная политика, культура, Карл Лампрехт, Пьер Бурдьё, Мишель де Серто, культуральная история, школа Анналов, микроистория.

Поисковые запросы «культурная деятельность» и «культурные практики» в Научной электронной библиотеке (e-library.ru) выявили 20.03.2025 г. соответственно 166 914 и 132 928 публикаций из 70 662 452 размещенных в системе индексирования научных работ (0,24% + 0,19%). Вместе они составляют около 300 тыс. научных исследований. Даже просто бегло ознакомиться с ними не хватит времени жизни человека. При этом они каждый год значительно увеличиваются в своем количестве. Однако историографический обзор – обязательная часть любой научной работы. И чем он полнее, тем объективнее наша работа, фиксирующая самые разнообразные стороны изучаемой темы.

Выход из сложившейся ситуации обещает использование программ ИИ. Однако и они выстроены так, что опираются лишь на внешние данные – заявленные автором понятия, концепции, цели и задачи, объекты и предметы исследования. Если рассчитывать только на них, то исследованиям грозит постепенное, устойчивое и неизбежное выхолащивание научной глубины.

Другим выходом из ситуации является общая научная компетентность, предполагающая знание основных тенденций, концепций и подходов, что, в свою очередь, может быть сформировано коллективным научным разумом. Каждый исследователь вносит свой посильный вклад в создание объемной картины системной конфигурации научных представлений.

Своеобразными маркерами многообразных теоретических подходов и концепций являются используемые в них понятия, понятийные конструкции. Некоторые понятия настолько органичны

определенным системам, что становятся более чем понятием, а именно: их репрезентантами. Например, при употреблении понятия «чистый разум» перед нашим взором сразу возникает стройная система представлений трансцендентальной философии, развиваемой Кантом, так же как концепт «мировой разум» отсылает к философии Гегеля. Аккуратности в использовании понятий в научной работе, а также стоящими за ними основополагающими подходами в освещении и раскрытии феномена культуры и посвящена данная статья. Методология исследования предполагала историографический обзор литературы, выявление и анализ основных концепций, в рамках которых понятия «культурные практики» и «культурная деятельность» активно используются.

Одним из самых сложных и неопределенных объектов изучения можно считать сферу культуры. Каким образом излагать ее историю в целокупности, в должной органичной взаимосвязи ее многочисленных явлений? Вопрос «что же такое история культуры?» был задан еще в конце XIX в. (1897) создателем психологической теории истории германским историком Карлом Лампрехтом, хотя традиция истории культуры насчитывает уже более двух с половиной веков. Этот создатель 12-томной «Истории Германии» одним из первых обратил внимание на различие психологического восприятия событий у разных народов и одного и того же народа в разные исторические времена.

Он, как известно, предложил психологическую типологию стадий развития любого человеческого общества: символистической, типической, конвенциональной, индивидуалистической и субъективистской. Такой подход вовлекает в исторический процесс уже не просто массы людей, народы с их судьбами и ролью в общем историческом процессе, но и конкретных людей с уникальными особенностями их психологической реакции на происходящие события глобального, локального и частного характера. Специфика такой исследовательской программы неизбежно разворачивала внимание со всеобщих процессов, в которые вовлечены массы людей, на простого человека, которому в формационных, цивилизационных, мир-системных теориях отводилось весьма незначительное место, если вообще отводилось.

Культура человеческого сообщества реализует себя в теоретическом осмыслении, в научной, экспертной работе, в многообразных культурных практиках, или практиках культурной жизни, и культурных индустриях. В документе «Основы государственной культурной политики» от 24 декабря 2014 г. употребляется объемное понятие «культурная деятельность»: «Деятельность по созданию, распространению, сохранению, освоению и популяризации культурных ценностей и предоставлению культурных благ в области культурного наследия, литературы, театрального, музыкального, изобразительного, циркового искусства, архитектуры, градостроительства, садово-паркового искусства, дизайна, кинематографии, фотоискусства, средств массовой информации, культурных (творческих) индустрий, народных художественных промыслов и ремесел, культурного досуга, народного художественного творчества, фольклора, нематериального культурного наследия, музейного, архивного, библиотечного дела, эстетического воспитания, художественного образования, педагогической деятельности в сфере культуры, международного культурного сотрудничества» [19]. Исходя из этого определения, можно сказать, что культура реализует себя в культурной деятельности, которая проявляется в многообразных культурных практиках (или практиках культурной жизни), культурных индустриях, а также в разного рода осмыслении процессов культурного бытия.

Казалось бы, *культурная деятельность, культурные практики, практики культурной жизни* – термины синонимичные, отсылают нас к одному и тому же содержательному наполнению. Раскрывая сферу культуры, представляя ее историю, мы ведь должны говорить о разнообразных явлениях культурной жизни, ее практиках. И чем больше и шире, системнее мы их представим, тем шире будет нами охвачен этот исследуемый объект. Между тем, то, как должна быть представлена культура, – проблемная область, в которой сломано не одно копые.

За понятием *культурные практики*, которое нам, на первый поверхностный взгляд, кажется синонимичным *культурной деятельности*, или *практикам культурной жизни*, уже сложилась целая традиция его использования и теоретико-методологического освоения. Это как раз тот самый случай, когда понятие репрезентирует традицию, что нельзя игнорировать во избежание всякого рода несуразностей и недоразумений.

В культурологию, судя по всему, оно было введено в 1970-х гг. Пьером Бурдьё (1930–2002). Он был, очевидно, первым, кто стал активно использовать этот термин. Представитель постструктуралистской

философии Мишель де Серто (1925–1986) свел понятие *культурные практики* к сочетанию «способа мыслить», свойственного данному народу, что потом «инвестируется в способ действовать», который «неотделим от искусства использования» [23, с. 44]. Само понимание культуры и литературы народа («народной культуры», «народной литературы») Серто сводит к «искусству делания» того или другого, т.е. как комбинирующее и пользовательское потребление» [23, с. 44; 35, р. XVI]. Однако это понимание следует рассматривать сквозь его оригинальную концепцию повседневности, где основной акцент сделан не на общих ценностях, а на непрекращающейся борьбе обычного человека с господствующим порядком в его стремлении создать из навязанного общего пространства свое.

Еще в 1974 г. Серто издал сочинение «Культура во множественном числе» [34]. В этой книге он впервые подробно изложил свою позицию, в которой определяющее значение имеет понятие культурных практик. Оно было направлено на прояснение культурных практик городских жителей. В другой работе «Изобретение повседневности» (1980) Серто рассматривал любые практики человека, даже практики потребления как повседневное анонимное творчество, как акт творчества.

Пьер Бурдьё в изданной в 1980 г. книге «Практический смысл» [33] употребил термин «практика» 592 раза, но ни разу не употребил термин «культурные практики». Тем не менее, объем этого понятия полностью соответствует тому, что вкладывают в понятие «культурные практики» российские исследователи. Бурдьё писал о ритуальных, символических, научных, магических, речевых, логически имманентных, социальных, разумных, экономических, специфических и автономных, языковых, мифопоэтических и иных практиках. Термин «практики» употребляется им, как и Мишелем де Серто, в специфическом смысле: как именно культурные предпочтения, привычки, стиль поведения конкретных групп людей и отдельных персон. В связи с этим Бурдьё проводит резкие различия [культурных] практик обеспеченных граждан от маргинальных и бедных групп населения [6, с. 61-62]. При этом важно подчеркнуть, что речь не идет о репрезентации культуры народа в соответствующих практиках, где многообразие практик вовсе не отменяет культурное целое нации, а лишь подчеркивает его своеобразие.

В рамках развиваемых подходов Бурдьё и Серто акцент делается как раз на частном, специфическом, на культурных особенностях разных локальных сообществ, возникших по причине различия материального обеспечения, места проживания и т.д. Мы уже не видим за их обилием и спецификой единого и объединяющего целого. Культурные практики объединяют субкультурные сообщества, но не народ. Культура как некое единое образование, свойственное данной нации, теряется в таком освещении. Она превращается в сочетание несочетаемого, в простую сумму культурных практик разных сообществ, которые могут быть никак и не связанными друг с другом. По сути, употребленный в названии произведения Серто термин «культура во множественном числе» точно отражает суть подхода данных ученых. Она плюрализируется, сталкиваясь с неизбежной опасностью потери своего единства, спланивающих общество единых культурных норм и основ.

Тем не менее, до сих пор единое общепринятое понятие культурных практик так и не выработано. Вместе с тем оно укоренилось в некоторых западных традициях, что мы не можем не учитывать при его использовании, поскольку в них данное понятие наполнено устойчивыми коннотациями, которые могут вводить в заблуждение компетентного читателя при его использовании в иных содержательных контекстах. И это уже может быть усмотрено в вышеприведенном определении.

Употребление этого термина, как и других новых понятий (медиакультура, культурный кластер, культуроника, культуротворчество, культурные индустрии¹, экономика впечатлений, культурные инновации и др.), как верно отмечают российские исследователи Н.Ф.Зюзов и Н.С.Пичко, «маркируют глубину изменений, происходящих в архитектонике социокультурного пространства», вызваны пониманием «не только внутренних связей между состоянием культуры, социальными, экономическими и политическими явлениями, но между культурой и познанием» [13, с. 15].

¹ Понятие «культурные индустрии» впервые было употреблено в опубликованной в 1947 г. работе «Диалектика Просвещения» представителей Франкфуртской школы социальной философии М.Хоркхаймера и Т.Адорно. Они посвятили раскрытию этого явления целый раздел «Индустрия культуры. Просвещение как массовое мошенничество» (*Kulturindustrie. Aufklärung als Massenbetrug*) [37, S. 120-167] [31, с. 149-209].

В 1980-е гг. на Западе в активный научный обиход вошел термин «новая культуральная история». Речь идет об истории культуры, но переводчики все же верно переводят “the Cultural History” не как историю культуры, а как культуральную историю, подчеркивая скрывающуюся специфику его интерпретации в данной концепции.

Общими особенностями концепции новой культуральной истории были субъективный подход к материалу, повышенное внимание к методам исследования, анализ культуры через изучение конкретных культурных практик. Развивали такой подход Роберт Дарнтон, Линн Хант, Айвор Норман Дэвис, Роджер Мурхаус и др.

Обращение к культурным практикам становится одним из принципиальных лозунгов парадигмы, задаваемой движением новой культуральной истории: «история религиозной практики, а не теология, история речи, а не история лингвистики, история эксперимента, а не научной теории» [4, с. 94]. Бёрк подчеркивает, что «история практики из всех сфер современных исторических исследований в наибольшей степени подверглась влиянию социальной и культуральной теории» [4, с. 94].

Основная проблема заключается в определении того, что же такое культура, историю которой мы изучаем и описываем. Например, английский историк Мири Рубин понимает культуру как охватывающую все сферы нашей жизни. По этой причине, по ее мнению, следует говорить о культуре политики, культуре экономики, культуре производства, культуре в сфере религии, культуре женского и мужского поведения, культуре повседневности и т.д. [40]. Питер Бёрк определяет культуру с точки зрения повседневности, то есть как ценности, обычаи, образ жизни. Такое понимание, по его представлению, открывает феномен культуры в самом широком смысле, способном вовлечь в себя огромные массы людей, которые прежде выпадали из представления общего исторического процесса.

Основной посыл культуральных историков, среди которых следует назвать и так называемых микроисториков (Карло Гинзбурга, Джованни Леви¹, Эдоардо Гренди, Ханса Медика), заключался в необходимости обратить внимание на разнообразие, специфичность небольших локальных культур, на простых людей, не вписывающихся в общие мировые и иные объемные тенденции, фундированные политическими, идеологическими, экономическими процессами. Например, Гренди в своей работе «Еще раз о микроистории» писал о «широком процессе развития европейской историографии, результатом которой стало так называемое «раздробление истории», возникновение «истории в осколках»». Он отмечает, что подход микроанализа «полностью противоречит тому, чего ожидали от синтезного подхода к истории» как некой «объединяющей парадигме» [11].

П. Бёрк уподобил эти тенденции альтернативе микроскопа телескопу [4, с. 73], благодаря чему конкретный индивид с его локальными культурными практиками также получил право и возможность войти в мировую историю в качестве ее значимого структурного элемента. Причем в среде самих микроисториков было предостережение от увлечения «разглядывания мелочей» (Джованни Леви [39, р. 93-113]), от «склонности к микроисторической мелочишке» (Юрген Кокка [38, S. 43]), от «безыдейной микрологии» (Генрих фон Трайчке [41, S. 721]) вместо «рассмотрения подробностей» [18, с. 195-196]. Именно в этом смысле в 1990 г. Джованни Леви употребил понятие «микроскоп» как символическое выражение метода обстоятельного изучения объекта.

Такая контраверза неизбежно ставит перед нами задачу поиска компромисса между макроисторией с фиксацией глобальных исторических процессов и вниманием к микроистории, идущей многочисленными самостоятельными, зачастую непересекающимися потоками, значимыми для большинства людей, но теряющими при таком освещении объединяющую в единое общество взаимосвязь между собой.

Следует отметить и представителей школы «Анналов», третье поколение развития которой называют также «новой исторической наукой» (La Nouvelle Histoire), с ее обращением к истории повседневности,

¹ Со слов Х.Медика, в 1990 г. Дж.Леви высказал следующее дискуссионное замечание в Базеле: “Microstoria ne veut pas dire regarder des petites choses, mais regarder petit” (“Микроистория означает не разглядывание мелочей, а рассмотрение в подробностях”) [18, с. 193].

к исторической антропологии (назовем, например, имена представителей первого поколения Люсьена Февра, Марка Блока, основавшими журнал «Анналы» в 1929 г., а также четвертого поколения этой школы Жака Ревеля, Бернара Лепти, Роже Шартье и др.). Их заслугой стало то, что впервые объектом исторического познания стали формы мыследеятельности простых людей. Историки стали обращать внимание не столько на готовые общие социально-экономические, политические схемы, сколько на конкретного живого человека. Судя по всему, появление концепции «новой культуральной истории» с ее повышенным интересом к конкретным устойчивым и повседневным культурным практикам было отчасти инспирировано теорией и практикой исследования «новой исторической науки».

Может быть, поэтому культурология (Cultural Studies), термин которой предложил в 1949 г. американский антрополог Лесли Уайт, понимающий под ней методологию изучения именно общих закономерностей культурно-исторического процесса и специфики человеческих культур как самоорганизующихся систем [28], не получила вначале широкого развития на Западе. Да и сам развиваемый им подход был весьма технологичным. Например, прогресс культурного развития оценивался им степенью «контроля над силами природы» [24, с. 585].

Представление культуры как совокупности множества культурных форм, культурных практик и индустрий, мотивирующих непрерывный процесс культурной самоидентификации людей, стало активно проводиться в мире, в том числе и России.

С точки зрения Н. Ф. Зюзева и Н. С. Пичко, «к культурным практикам следует относить: практики организации досуга (посещение театров, музеев, художественных выставок, просмотр телепередач), музыкальные предпочтения, практики чтения и интернет как досуг и источник культурного контента» [13, с. 18]. По их мнению, «будущее культурных практик России находится в плоскости разработок «нового языка» формообразования, который будет основан на максимальном использовании потенциалов отношений «человек – природа – техника» и будет оперировать новыми пластическими и виртуальными параметрами» [13, с. 21]. С активным продвижением цифровых технологий их понятие, конечно, обогащается и постоянно дополняется. В. Бычков, Н. Маньковская даже говорят о трансформации традиционных видов искусства в культурные практики, понимая под ними такие сферы, как создание культурной среды обитания человека, шоу-бизнес, цифровое искусство [8, с. 62-72].

Концепт «культурная практика» в современном российском научном дискурсе употребляется по отношению к самым различным областям человеческой деятельности. Например, функционирование различных виртуальных поэтических сообществ (А. О. Разинкина) [21], средовое проектирование, концептуальное творчество в архитектурном образовании и проектировании (М. В. Дуцев) [12], различные субкультуры (Н. В. Тищенко) [27], квест-игра (В. А. Романова [22]), ландшафтный дизайн (Ю. А. Бледных [5]), культурный туризм (Л. М. Гайдукевич [10]), семейный туризм (Л. Г. Скульмовская [24]), сохранение историко-культурного наследия (В. Г. Целищева [32]), формирование культурной памяти города (Н. Г. Федотова [30]), танцы (А. М. Айламазян [1]), культурно-досуговая деятельность (Е. А. Макарова, С. Б. Мосейчук, И. Л. Смаргович [16]), традиционные праздники (Е. В. Матвеева [17]) и др. Даже такие феномены, как философствование в среде интеллигенции (Е. В. Бакшутова [2]), одиночество в большом городе (В. Д. Вожжанникова [9]), стремление к достижению справедливости в обществе (А. Г. Смирнов [25]), творческое созидание и разрушение (Н. Н. Суворов [26]), получают свое осмысление в свете актуализации концепта «культурные практики». К сожалению, во многих работах авторы не утруждают себя дать даже определение понятия «культурная практика» в силу, наверное, своей интуитивной очевидности.

Понятие «культурные практики» получило широкое применение и в отечественном научно-образовательном, педагогическом дискурсе, начиная с 1990-х гг. Оно охватывает собой виды деятельности ребенка под руководством взрослого по освоению и преобразованию предметно-пространственной среды в целях удовлетворения разнообразных познавательных и прагматических потребностей. В них входят игровая, коммуникативная, познавательная, исследовательская, продуктивная практики, чтение художественной литературы и т.д. Надежда Александровна Короткова, благодаря которой этот термин был введен в отечественную педагогическую науку, подчеркивает, что под ними разумеется «форма партнерства взрослого (их носителя) с детьми» [14, с. 199]. Тем самым культурные практики выступают для детей дошкольного возраста как «стержневые, формообразующие, обеспечивающие в своем сочетании полноценное развитие» [14, с. 199]. Следует подчеркнуть, что специфика этого понятия в педагогике заключается в фиксации межпоколенческой

преемственности культурной традиции общества – от взрослого к ребенку, что мы не видели в западном научном дискурсе. Этот важный аспект понятия «культурные практики» выпадает при его использовании в культурологии. Между тем, обеспечение культурной преемственности поколений должно стать одной из качественных характеристик данного понятия.

Таким образом, анализ многообразных культурных практик акцентирует внимание на конкретном живом человеке, его восприятии текущей ситуации и его роли в истории. А сама культура при этом начинает рассматриваться сквозь призму многочисленных и малосвязанных друг с другом культурных практик как форм ее реализации и проявления. И здесь кроется большая опасность.

В таком представлении культура, по сути, воплощает идеал мультикультурализма с характерным для него размытием ценностного смыслового поля, призванного объединять общество в единое целое. Культура превращается в огромное несистематизированное, не имеющее некоей органичной взаимосвязи пространство самых разнообразных практик, получающих статус культурных только потому, что они являются производными человеческой деятельности.

Например, в учебнике «Культурология», изданном в Воронеже в 2020 г., сказано, что «объектом культурологии выступают все виды и формы духовной человеческой жизнедеятельности в единстве их многообразия и исторической динамике» [15, с. 9]. В этой связи уместно привести в пример и сделанное Мири Рубин определение истории культуры как «истории всего», которая, по ее словам, выходит далеко за пределы «изучения деятельности в сфере высокой культуры», обозначаемой немецким термином “Kulturgeschichte” [40]. В Кембриджском словаре английского языка говорится, что «культура – это образ жизни, в особенности общие обычаи и верования определенной группы людей в определенное время» [36]. Такого рода определения вызывают серьезные вопросы. Нужно ли относить к культуре все, что создается человеком? Является ли культурой, например, человеконенавистнические концепции и соответствующие им формы поведения? Можно ли называть культурой осознанную практику уничтожения культурных ценностей?

Сводить культуру к культурным практикам как принципиально любым формам жизнедеятельности людей, а ее историю к их описанию является, с моей точки зрения, неверным, поскольку неизбежно приведет, во-первых, к опасной бесконечной фрагментации культурного поля, которая может и, скорее всего, будет служить разобщению людей, а во-вторых, грозит обесценить смысл самой культуры, уравнивать собственно культурные, наполненные глубокими созидательными духовными смыслами явления и, по сути, антикультурные деяния. Собственно, именно в этом и проявляется, с моей точки зрения, мультикультурализм как направление мысли, придающее равное значение всем проявлениям жизнедеятельности людей.

Поэтому и встает актуальная задача вовлечения многообразных культурных практик в общее дело созидания единого культурного пространства, сплоченного общества на основе разделяемых большинством традиционной системы ценностей, норм, идеалов. Но и здесь важно соблюсти золотую середину, чтобы, формируя общее и единое, не принести ему в жертву уникальное, индивидуальное, неповторимое, чтобы за сохранением традиционного не отказаться от его развития в новых формах и смыслах. В умелом удержании баланса между уникальностью каждой локальной (групповой, этнической, корпоративной, профессиональной и т.д.) культуры и общенациональными, прежде всего, традиционными ценностными установками и системами взглядов заключается искусство грамотной ответственной государственной культурной политики, сочетающей в себе элементы преемственности и новаторства, традиционности и новизны, сохранения и развития.

Чтобы не потеряться в многообразии культурных практик подобно тому, как мы можем утонуть в количестве выходящих научных публикаций, посвященных теме культурной деятельности и культурных практик, нужно установить систематизирующий фильтр, и этот фильтр – ценности, смыслы, объективно способствующие сохранению, упрочению традиционной культуры, единству полиэтнического и многоконфессионального общества. Этот фильтр и будет служить эффективным средством от опасной фрагментации культуры в бесконечных культурных практиках, которые хоть и вовлекают в так называемую культуральную историю максимально возможное количество участников, но все же не способствуют их единству, сплоченности, чувству сопричастности значимым для общества целям и задачам. Также этот фильтр призван отсеивать явления, которые являются антикультурными, античеловеческими.

Собственно культурной может быть признана не любая практика, а только та, что способствует укреплению гармоничных общественных традиционных, выверенных веками истории устоев. Тогда мы уйдем от опасности дурной бесконечности, в которой многообразие культурных форм поглощает собой саму культуру, когда уникальность момента отменяет ценность общего, когда различие полностью нивелирует значимость синтеза и тождества.

В силу этого смыслового контекста следует придерживаться термина «культурная деятельность» как деятельность по продвижению целостной культуры общества, ее основополагающих традиционных ценностей, идеалов, норм и целей, которые всегда сопряжены с задачей упрочения устойчивого общества, его единства и дальнейшего развития. Концепт «культурные практики» в этой связи становится не самостоятельным и не представляющим полноценно сферу культуры, а лишь конкретизирующим фундаментальные установки культуры в рамках единой культурной деятельности в сфере общей государственной культурной политики.

Понятия «культурные практики» и «культурная деятельность» неравнозначны и выражают собой очень разные тенденции в представлении культуры и ее истории. Сводя историю культуры к описанию многообразных культурных практик, мы незаметно, как было выше показано, оказываемся в пространстве мультикультурализма, придающего одинаковое значение самым разным проявлениям человеческого поведения, взглядам, позициям, ценностям, подчас противоположным друг другу и противоречащим традиционным устоям общества. В понятии «культурная деятельность», наоборот, делается акцент на практическом проявлении культуры в ее целостности, культуры, присущей данному обществу, способствующей его единству, сохранению, укреплению и развитию ценностей, норм и идеалов, которые веками сохраняли данное общество от распада и создавали все необходимые условия для его дальнейшего существования. Использование концепта «культурные практики» допустимо только как подчиненный общей и единой культурной деятельности, присущей данному обществу и сохраняющей ценностные основы его бытия. Во избежание двусмысленностей, с нашей точки зрения, лучше употреблять термин «практики культурной жизни» вместо понятия «культурные практики», если только мы не рассматриваем традицию «новой культуральной истории», сферу педагогики и не акцентируем внимание на соответствующих смысловых контекстах.

В этом процессе огромное значение начинают иметь вопросы духовно-нравственных скреп, традиционных смыслов, объединяющих общество, формирования единого культурного пространства. Проблема нахождения гармоничного сочетания уникального и общего, преемственности и новых форм становится существенной в представлении практик культурной жизни в рамках культурной деятельности в реализации общегосударственной культурной политики. Поэтому описание конкретных практик культурной жизни мы всегда должны осуществлять в общем контексте основополагающих общественных смыслов и ценностей.

Чтобы лучше осознать их фундаментальную значимость для развития современной отечественной культуры, для российского общества, нужно вспомнить, к чему привела государственная стратегия отношения к культуре, принятая руководством страны в начале 1990-х. Так называемый Закон о культуре 1992 г. [20] заслуженно вызывал много критики в силу декларируемой позиции принципиального невмешательства государства в творческие процессы кроме их финансирования. Полная отстраненность уполномоченных в сфере культуры госорганов от содержательной составляющей культурных проектов, финансируемых из госбюджета, привела к заметным перекосам, которые стали оказывать негативное воздействие на общество. Неконтролируемость государством реализуемых за государственный счет творческих проектов открыло врата для установления частичного контроля со стороны определенных деструктивных сил, создав почву для омассовления, выхолащивания традиционных ценностей, декультурации и дегуманизации культуры. Депутат Госдумы, народный артист России, член Общественного Совета при Минкульте РФ Николай Бурляев оценил сложившуюся в то время практику как «бомбу замедленного действия», когда «гранты от Минкульты получают безнравственные и антироссийские проекты». Он вспомнил посыл первого президента России Б. Н. Ельцина, чтобы чиновники только платили деньги, а художник имел право делать все, что захочет. К чему мы пришли – мы видим [3]. Это показывает, что так называемые культурные практики могут становиться, по сути, антикультурными, размывающими культурные основы общества. Поэтому не все формы жизнедеятельности людей должны быть признаны культурными, а только те, которые имеют созидательный, объединяющий, гармонизирующий характер.

Гармонизация отношений между сферой культуры, государственным контролем и национальными интересами должна быть положена в основу закона о культуре. Понятие культурной деятельности включает в себя многочисленные практики культурной жизни и культурные индустрии, которые должны служить делу единения общества в разнообразных индивидуальных формах и проявлениях. Это тот посыл, который мы не видим в теоретических подходах сторонников новой культуральной истории и новой исторической науки.

Сколько бы ни было цветочков на цветущем дереве, как бы мы ни были увлечены описанием конкретных цветочков, мы всегда должны помнить, что они – производное одного дерева, и если они в гармонии друг с другом, то создают красивый ладный ансамбль, радующий глаз и дарящий вдохновение мирной и счастливой жизни.

ЛИТЕРАТУРА

- [1] *Айламазьян, А. М.* Свободный танец как культурно-историческая практика импровизации // Национальный психологический журнал. – 2021. – № 1(41). – С. 175-192.
- [2] *Бакшутова, Е. В.* Философствование в культурных практиках российской интеллигенции: концептуализация, идеологизация, дискурсивное конструирование: автореф. дис. ... д-ра филос. наук. – Саранск, 2016. – 52 с.
- [3] *Бекетов, А.* Николай Бурляев: указ Ельцина развратил российское общество // Pravda.ru : [сайт]. – 15.08.2023. – URL: <https://www.pravda.ru/culture/1866395-kultura/> (дата обращения: 12.11.2024).
- [4] *Бёрк, П.* Что такое культуральная история? / Питер Бёрк ; пер. с англ. – Москва : ВШЭ, 2015. – 240 с.
- [5] *Бледных, Ю. А.* Организация культурной практики ландшафтного дизайна в дошкольном образовании // Вопросы педагогики. – 2020. – № 12–2. – С. 43-46.
- [6] *Бурдьё, П.* Физическое и социальное пространство // *Бурдьё, П.* Социология социального пространства / Пьер Бурдьё ; общ. ред. пер. Н.А.Шматко ; пер. с франц. – Санкт-Петербург: Алетейя, 2007. – С. 49-63.
- [7] *Бурдьё, П.* Практический смысл / Пьер Бурдьё ; отв. ред. пер. и послесл. Н. А. Шматко ; пер. с франц. – Санкт-Петербург : Алетейя, 2001. – 562 с.
- [8] *Бычков, В. В., Маньковская, Н. Б.* Искусство техногенной цивилизации в зеркале эстетики // Вопросы философии. – 2011. – № 4. – С. 62-72.
- [9] *Вожжанникова, В. Д.* Феномен одиночества в большом городе и современные культурные практики // Бакалавр. – 2016. – № 3-4. – С. 3-7.
- [10] *Гайдукевич, Л. М.* Культурный туризм: теория и практика. – Минск : Четыре четверти, 2013. – 191 с.
- [11] *Гренди, Э.* Еще раз о микроистории // ORBIS MEDIEVALIS : [сайт]. – URL: <https://www.orbis-medievalis.ru/library/grendi.pdf> (дата обращения: 18.03.2025).
- [12] *Дущев, М. В.* Интегративные культурные практики и архитектурное образование // Архитектура и строительство России. – 2023. – № 1(245). – С. 24-29.
- [13] *Зюев, Н. Ф., Пичко, Н. С.* Культурные практики как основание формирования национальной идеи // Человек. Культура. Образование. – 2020. – № 1(35). – С. 14-22.
- [14] *Короткова, Н. А.* Образовательный процесс в группах детей старшего дошкольного возраста. – Москва : Линка-Пресс, 2007. – 208 с.
- [15] *Сулимов, С. И.* Культурология : учеб. для студ. негум. ф-тов / *С.И.Сулимов, И.В.Черниговских, В.Д.Черных.* – Воронеж : Науч. книга, 2020. – 364 с.
- [16] *Макарова, Е. А.* Теория и практика культурно-досуговой деятельности / *Макарова Е.А., Мосейчук С.Б., Смаргович И.Л.* – Минск : БГУКИ, 2021. – 224 с.
- [17] *Матвеева, Е. В.* Традиционный праздник как метод культурной референциации: анализ культурных практик // ПОИСК: Политика, Обществоведение. Искусство. Социология. Культура. – 2018. – № 5(70). – С. 31-36.
- [18] *Медик, Х.* Микроистория // THESIS. – 1994. – Вып. 4. – С. 193-202.
- [19] Указ Президента РФ от 24 декабря 2014 г. № 808 «Об утверждении Основ государственной культурной политики» (в редакции указов Президента РФ от 25.01.2023 № 35, от 17.07.2025 № 487) // Правительство России : официальный сайт. – URL: <http://government.ru/docs/all/94274/> (дата обращения: 02.10.2025).
- [20] Закон РФ от 9 октября 1992 г. N 3612-1 «Основы законодательства Российской Федерации о культуре» (с изменениями и дополнениями) // Гарант: информационно-правовой портал. – URL: <https://base.garant.ru/104540/> (дата обращения: 12.05.2025).

- [21] *Разинкина, А. О.* Культурные практики виртуальных поэтических сообществ России и Европы: автореф. дис. ... канд. культурологии. – Саратов, 2011. – 20 с.
- [22] *Романова, В. А.* Квест-игра как форма современных городских культурных практик // Культура и молодежь: ориентиры современного мира : Материалы I науч.-твор. конф. студентов. Самара, 18–22 апр. 2022 г. – Самара : СГИК, 2022. – С. 93-94.
- [23] *Серто, М. де.* Изобретение повседневности : Т. 1: Искусство делать / Мишель де Серто. пер. с франц. – Санкт-Петербург : Изд-во Европ. ун-та в Санкт-Петербурге, 2013. – 332 с.
- [24] *Скульмовская, Л. Г.* Социальные изменения культурных практик семейного туризма в современных условиях // Вестник ТГИК. – 2016. – № 2(6). – С. 247-249.
- [25] *Смирнов, А. Г.* Культурные практики достижения справедливости в России: диалектика формального и неформального: дис. ... канд. филос. наук. – Москва, 2010. – 166 с.
- [26] *Суворов, Н. Н.* Творчество и разрушение как культурные практики // Глобальный конфликт и контуры нового мирового порядка : XX Междунар. Лихачевские науч. чтения. 9–10 июня 2022 г. – Санкт-Петербург : СПбГУП, 2022. – С. 292-295.
- [27] *Тищенко, Н. В.* Тюремная субкультура в пространстве культурных практик: автореф. дис. ... д-ра культурологии. – Саратов, 2013. – 40 с.
- [28] *Уайт, Л.* Избранное: Наука о культуре : [сбор.] / Лесли Уайт ; сост. Л.А.Мостовой ; пер. с англ. – Москва : РОССПЭН, 2004. – 960 с.
- [29] *Уайт, Л.* Теория эволюции в культурной антропологии // *Уайт Л.* Избранное: Эволюция культуры. – Москва : РОССПЭН, 2004. – С. 473-606.
- [30] *Федотова, Н. Г.* Практики городской коммеморации: особенности формирования культурной памяти города // Вестник Томского государственного университета. Культурология и искусствоведение. – 2020. – № 39. – С. 130-143.
- [31] *Хорхаймер, М., Адорно, Т.* Диалектика Просвещения. Философские фрагменты / Пер. с нем. М.Кузнецова. – Москва ; Санкт-Петербург : Медиум ; Ювента, 1997. – 312 с.
- [32] Итоговый отчет В.Г.Целищевой «Социальные практики по сохранению историко-культурного наследия в Республике Коми» (Грант РГНФ 11-03-18025. Номер гос. регистрации: 01201164731. 2011).
- [33] *Bourdieu, P.* Le Sens pratique. – Paris : Les Ed. de Minuit, 1980. – 475 p.
- [34] *Certeau, M. de.* La Culture au Pluriel. – Paris : Union Generale des Editions, 1974. – 313 p.
- [35] *Certeau, M. de.* The Practice of everyday Life / Transl. by S.Rendall. – Berkeley ; Los Angeles ; London : University of California Press, 1988. – 260 p.
- [36] Culture // Cambridge Dictionary. – URL: <https://dictionary.cambridge.org/dictionary/english/culture?q=Culture> (дата обращения: 09.06.2025).
- [37] *Horkheimer, M., Adorno, T. W.* Dialektik der Aufklärung. Philosophische Fragmente. –Amsterdam : Querido Verlag, 1947. – 275 S.
- [38] *Kocka, J.* Sozialgeschichte zwischen Struktur und Erfahrung. Die Herausforderung der Alltagsgeschichte // *Kocka, J.* Geschichte und Aufklärung. – Göttingen : Vandenhoeck&Ruprecht, 1989. – S. 29-44.
- [39] *Levi, G.* On Microhistory // New Perspectives on Historical Writing / Peter Burke (ed.). – Cambridge : Polity Press, 1991. – P. 93-113.
- [40] *Rubin, M.* Cultural history I: what's in a name? // Making History. – URL: https://archives.history.ac.uk/makinghistory/resources/articles/cultural_history.html (дата обращения: 20.11.2024).
- [41] *Treitschke, H. von.* Deutsche Geschichte im 19. Jahrhundert. Bd. 3. – Leipzig : Verlag von G. Dirzel, 1903. – 781 S.

CULTURAL LIFE PRACTICES – THEORY ISSUES

Gutsalov Alexander Anatolievich,
PhD in Philosophy, Southern Branch
of Likhachev Russian Institute for Cultural
and Natural Heritage (Krasnodar)

Abstract. The paper raises the problem of the validity of the use of the term “cultural practices” in Russian cultural studies. It is revealed that it contains a stable connotation with the tradition of the “new cultural history”. It focuses not on culture as a kind of integral entity characteristic of society and important for its self-preservation, for the formation of stable semantic and valuable socially significant patterns, but on “fragmentation” and consideration of “history in fragments”, on the cultural characteristics of an individual and/or the small communities, which are taken by themselves outside of a clearly fixed general relationship with the whole. Because of this, the concept of “cultural practices” acquires a specific meaning of multiculturalism, which, when blindly transferred to a different cultural soil with a different tradition of attitude to culture, creates semantic inconsistencies and contradictions. For this reason, the author suggests using another term to describe a variety of so-called cultural practices: “cultural life practices” within the framework of a common cultural activity, the meaning of which is designed to preserve the proper harmony of the common unifying cultural whole and the specifics of its individual elements. The concept of “cultural activity” combines the scope of the concepts of “cultural life practices” and “cultural industries”. Author also criticizes the practice of comprehensive definitions of culture, including phenomena that may well carry an anti-cultural and anti-human meaning.

Keywords: cultural practices, cultural life practices, cultural activities, cultural policy, culture, Karl Lamprecht, Pierre Bourdieu, Michel de Certeau, cultural history, school of Annals, microhistory.

Статья подготовлена в рамках выполнения государственного задания
Южного филиала Российского научно-исследовательского института
культурного и природного наследия имени Д.С.Лихачёва
по теме «Практики культурной жизни полиэтнических регионов России
и проблемы формирования общегражданской идентичности»,
номер гос. рег.: 124012800530–4.

© Гуцалов, А.А., текст, 2025
Статья поступила в редакцию 22.08.2025.
Публикуется в авторской редакции.

Ссылка на статью:

Гуцалов, А. А. Практики культурной жизни – вопросы теории. – DOI 10.34685/ИИ.2025.52.20.005. –
Текст : электронный // Культурологический журнал. – 2025. – № 4(62). – С. 25-34. – URL: http://cr-journal.ru/rus/journals/721.html&j_id=66.

**СЕМИОТИКА, ИСКУССТВЕННЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ
И СОХРАНЕНИЕ КУЛЬТУРНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ**

DOI 10.34685/HI.2025.72.34.010

Рыбак Кирилл Евгеньевич,

доктор культурологии, ассоциированный научный сотрудник
Российского научно-исследовательского института культурного
и природного наследия имени Д.С.Лихачёва (Москва)
Email: rybak@mkrf.ru

Избачков Юрий Сергеевич,

соискатель,
Российский научно-исследовательский институт культурного
и природного наследия имени Д.С. Лихачёва (Россия, Москва)

Аннотация. Статья посвящена проблемам задействования разработчиками искусственного интеллекта наборов данных, связанных с локальными культурами, их обработкой и использованием в дальнейшем для обучения новых поколений нейросетей. Отмечается, что нейросети могут стать орудием, с помощью которого можно табуировать (диффамировать) культурные коды и элементы традиционных культур. Эта новая реальность диктует новые требования к репрезентации (популяризации) локальных культур миру, чтобы таковые не были забыты, проигнорированы или искажены. В связи с чем следует тщательно относиться к материалам, которые отражают локальные культуры и увеличивать объемы их представления в сети Интернет с подробным описанием изображений, отражающих элементы национальных культур.

Ключевые слова: семиотика, символ, нейросеть, отмена культуры, инструмент культурного доминирования, искусственный интеллект.

В эпоху цифровых технологий обсуждение модели символа получает новый импульс.

Снова заявляет о себе необходимость выделения случая как отдельного элемента в схеме, связывающего означающее и означаемое. С появлением искусственного интеллекта (ИИ) появляется возможность отделения этой связи от сознания человека. Связь между означающим и означаемым – случай – становится внешней по отношению к творческой деятельности человека. Человеческая культура замещается культурой искусственного интеллекта.

Это можно наглядно продемонстрировать на примере генерации изображений нейронными сетями (нейросетями).

Нейросети – это математические алгоритмы, параметры (коэффициенты) которых зависят от данных, которые эти алгоритмы обрабатывают. Создание нейросети предполагает выбор ее архитектуры, то есть общих правил, как данные внутри нее будут обрабатываться. На практике это означает, в какой последовательности соединены между собой блоки сложного алгоритма, что определяет последовательность прохождения обучающих данных.

Обучающие данные в частном случае генерации изображений схематично можно представить как набор большого числа пар: изображение – описание, что на нем изображено. В процессе обучения нейросети эти пары (весь массив обучающих данных или его часть) многократно пропускаются через алгоритм. После каждого прогона оценивается, насколько текущие коэффициенты алгоритма позволяют преобразовывать исходные данные – описание изображения в собственно изображение. Распознавание образов и оценка может осуществляться как человеком, так и автоматически.

Проверка происходит таким образом: на вход подается описание, итоговый результат – изображение. Если изображение соответствует описанию, результат положительный, если нет – отрицательный. Результат проверки является исходными данными для так называемого «алгоритма обратного распространения ошибки» – набора формул, с помощью которых корректируются коэффициенты алгоритма. Образно это можно представить собой как волну, которая проходит алгоритм с начала до конца, а потом обратно, изменяя параметры алгоритма.

Обучение нейросети как разновидности искусственного интеллекта заключается в многократном повторении описанной процедуры. Количество итераций зависит от объема данных и заданных требований к качеству нейросети и на практике может достигать до миллионов. По времени это может занимать несколько месяцев непрерывной работы самых современных компьютеров.

После того как волна многократно пройдет через алгоритм, каждый раз уточняя коэффициенты нейросети, они оказываются подобранными таким образом, что текстовое описание, поданное на вход алгоритма, преобразуется во вполне пригодный для восприятия человеком визуальный результат – сгенерированное изображение, которое можно использовать сразу или с небольшой корректировкой дизайнера, например, в качестве иллюстраций на сайтах или в книгах.

Здесь существует множество сложных юридических и экономических проблем об авторстве полученных изображений и переносе издержек по обучению нейросети в конечную стоимость услуг и капитализацию компаний.

Но за юридическими и экономическими аспектами незаметны культурологические проблемы. Нейросети могут стать орудием, с помощью которого можно табуировать (диффамировать) культурные коды и элементы традиционных культур.

Для конечного пользователя нейронной сети не особо важно, какой результат он получит. Администратора сайта в конечном итоге устроит изображение, которое сгенерировала нейросеть, лишь бы оно более-менее отвечало представлениям его целевой аудитории. Для него самое главное, чтобы это было дешево или бесплатно: не нужно покупать соответствующее изображение у стороннего живого художника-оформителя, а штатный дизайнер должен получить от нейросети необходимый результат в минимальный срок. Экономическая составляющая – удешевление производства – является основным стимулом развития нейросетей.

Ключевым фактором, определяющим результат, выдаваемый нейросетями, – это обучающие данные и их подбор. Значение второго фактора – участие человека в форме оценки результата, всё больше уменьшается.

Если для обучения нейросети были предоставлены данные, например, соответствующие определенному направлению в живописи, то результат будет создан в соответствии с образцами этого направления. Нейросеть будет создавать изображения в этой же стилистике, случайным образом модифицируя изображение. Так, если все изображения женщин в обучающем наборе данных будут взяты с картин Энди Уорхола, то на сгенерированных изображениях все женщины будут похожи на эти изображения.

Опасность таит навязывание символов определенной культуры и игнорирование элементов других культур вкупе с глобализацией, когда существует небольшое количество используемых нейросетей, что определяются большими затратами на их обучение.

Особенно это касается культуры небольших народов. Например, если образцы культуры аварцев или даргинцев не будут даны нейросетям для обучения, то они останутся незамеченными, проигнорируются.

В современном нам мире нейросети (и как более широкая категория – искусственный интеллект) играют ту же унифицирующую роль, как в свое время – появление централизованной власти, книгопечатания или центрального телевидения.

Возможность отчуждения связи (случая) между означающим и означаемым от человека к искусственному интеллекту корреспондирует с теорией «горячих» и «холодных» источников информации (концепция канадского культуролога Маршалла Маклюэна [1]). Образы в современном мире становятся все более «горячими» медиа, то есть информация чаще всего предоставляется человеку в законченном виде, не предусматривающем ее додумывания и обдумывания.

Вместе с тем реальность, в которой искусственный интеллект будет играть всё большую роль в создании культуры (точнее, переработке культуры и ее доведении до человека), нужно осознать, принять и приспособиться к ней.

Главной проблемой обучения искусственного интеллекта в настоящее время является недостаток качественных обучающих материалов.

Небольшое отступление. Пример набора данных в сети Интернет, содержащих сведения о материальных культурных ценностях, который мог быть использован в качестве обучающего материала для нейросетей – Государственный каталог Музейного фонда Российской Федерации [2]. Каждый предмет, включенный в состав Музейного фонда, на сайте Государственного каталога сопровождается учетными реквизитами (инвентарем), описанием и изображением предмета. Вместе с тем, описания музейного предмета, зачастую не раскрывают существенные стороны предмета и его достоинства, обосновывающие его историко-культурную, художественную и иную ценность. Тем самым ставится под вопрос качество обучения нейросетей на основе данных Государственного каталога.

Итак, нейросети как класс алгоритмов были впервые описаны в 1943 году. Но из-за необходимости использования больших вычислительных мощностей их использование стало возможно только в XXI веке. Прорывных идей, касающихся архитектуры и проектирования искусственного интеллекта не так много. Материалы для обучения становятся самым ценным ресурсом. Особенно те, которые созданы человеком.

Человеческий труд остается самым дорогим ресурсом в сравнении со стоимостью «машинного времени», тем более, когда требуется много человеко-часов. Наборы данных, созданные с участием человека – это качественный, но дорогой ресурс. Технологическая необходимость и конкуренция вынуждает крупных разработчиков искусственного интеллекта искать пути удешевления своих разработок. Речь идет о создании искусственного интеллекта, который сам собирает материалы для обучения другого искусственного интеллекта. Программы-роботы просматривают материалы, собранные программами-роботами поисковых систем, и формируют обучающие наборы данных (следующий шаг в развитии – это когда искусственный интеллект сам непосредственно будет обучать другой искусственный интеллект, а затем – сам обучать себя).

Применительно к генерации графических образов это означает, что найденное в сети изображение будет сопоставлено с имеющимся описанием, будет создана пара изображение – описание, которая будет включена в обучающий набор (их называют «дата-фрейм» или «фрейм данных»).

Поскольку новая реальность диктует новые требования к репрезентации (популяризации) локальных культур миру, чтобы таковые не были забыты, проигнорированы или искажены следует более тщательно относиться к материалам, которые отражают локальные культуры. Необходимо не только увеличивать объемы представления их в сети Интернет, но также подробно описывать изображения. Тогда возрастает вероятность, что робот отберет это изображение и поместит его в качественный дата-фрейм.

В идеале делать дата-фреймы с большей долей человеческого труда. Например, крупная коллекция изображений, имеющих отношение к культуре адыгов (костюмы, музыкальные инструменты, церемонии, быт) с описанием, которое адаптировано под восприятие искусственного интеллекта, поможет не затеряться в информационном потоке генерируемого контента.

Это дорого, но в существующих реалиях идет речь о сохранении культурной идентичности. В условиях ограниченности ресурсов государственной поддержки культуры это напрямую связано с расстановкой приоритетов. Чем шире представлена культура того или иного народа, тем о ней больше знают, тем

больше считаются с ней. Сделать дата-фрейм для обучения искусственного интеллекта или организовать выставочный проект или гастроли национального театра? Полагаем, что искусственный интеллект сейчас более приоритетный вариант. По причине развития технологий искусственного интеллекта, который рискует зайти в мертвый цикл: нейросети будут все более часто использоваться для генерации контента, который потом будет отбираться из сети программами-роботами и представляться для обучения новому поколению нейросетей.

Вмешательство в этот процесс человека, в первую очередь специалиста по культуре – этот круг разрывает. А за счет более качественного подбора обучающих данных, созданных человеком, такие наборы станут основой, «золотым фондом» обучения искусственного интеллекта. И делать это нужно сейчас. Потом будет поздно.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] См.: Маклюэн, М. Понимание Медиа: внешние расширения человека / пер. с англ. В.Г.Николаева. – Москва : Гиперборея ; Кучково поле, 2007. – 464 с.

[2] Государственный каталог Музейного фонда Российской Федерации : [сайт]. – URL: goskatalog.ru (дата обращения: 31.10.2025).

SEMIOTICS, ARTIFICIAL INTELLIGENCE AND THE PRESERVATION OF CULTURAL IDENTITY

Rybak Kirill Yevgenievich,

D. in Cultural Research,

Associate researcher, Likhachev Russian Research Institute
for Cultural and Natural Heritage (Moscow)

Izbachkov Yuri Sergeevich,

Applicant post-graduate student,

Likhachev Russian Research Institute for Cultural
and Natural Heritage (Moscow)

Abstract. *The article is devoted to the problems of artificial intelligence developers using data sets related to local cultures, their processing and further use for training new generations of neural networks. It is noted that neural networks can become a tool with which one can taboo (defame) cultural codes and elements of traditional cultures. This new reality dictates new requirements for the representation (popularization) of local cultures to the world, so that they are not forgotten, ignored or distorted. In this regard, one should carefully treat materials that reflect local cultures and increase the volume of their presentation on the Internet with a selected description of images reflecting elements of national cultures.*

Keywords: *semiotics, symbol, neural network, cancel culture, instrument of cultural domination, artificial intelligence.*

© Рыбак К.Е., Избачков Ю.С., текст, 2025
Статья поступила в редакцию 14.09.2025.

Ссылка на статью:

Рыбак, К. Е., Избачков, Ю. С. Семиотика, искусственный интеллект и сохранение культурной идентичности. – DOI 10.34685/NI.2025.72.34.010. – Текст : электронный // Культурологический журнал. – 2025. – № 4(62). – С. 35-38. – URL: http://cr-journal.ru/rus/journals/734.html&j_id=66.

РУССКОЕ САМОСОЗНАНИЕ КАК ПУШКИНСКИЙ ЗАВЕТ

DOI 10.34685/НЛ.2025.74.19.012

Скотникова Галина Викторовна,
доктор культурологии, профессор,
ведущий научный сотрудник Российского института
истории искусств (Санкт-Петербург)
Email: galina-skotnikov@mail.ru

Аннотация. *Смысл известных слов о Пушкине, обычно цитируемых только как формула, принадлежащая «искателю абсолютного», создателю «органической критики» А.А.Григорьеву, будучи рассмотрен в полноценном текстовом объеме, раскрывается в его архетипической глубине как идеал-завет великого поэта русскому самосознанию, «священнейшему и величайшему делу» народа. Автор статьи отмечает важнейшие особенности «русской народной сущности»: душа как высшая ценность, приоритет правды, иконичность мировосприятия, священное — главное в жизни.*

Ключевые слова: *идеал-завет, русское самосознание, душа, высшая ценность, духовные архетипы, А.С.Пушкин, А.А.Григорьев, П.Е.Астафьев, И.А.Ильин, русская философия.*

*«Не в силе Бог, а в правде»
святой благоверный
великий князь Александр Невский*

Русский человек не может не быть глубоко проникнут интересом самосознания. Будучи погружен лучшими стремлениями в свой внутренний духовный мир, придавая первенствующее значение «внутреннему сокровищу духа» [1], он из всех сфер умственной деятельности более всего призван к философии. Выдающийся представитель магистральной линии [2] русской философии П.Е.Астафьев во второй половине XIX века назвал «дело родного национального самосознания» «одним из священнейших, величайших, самое малое им причастное возвеличивающих дел жизни» [3].

Призвание народа к самосознанию, к этому «священнейшему делу», оказалось воплощено в светлом гении Пушкина как архетипический, житнетворческий идеал-завет. Что с безошибочной точностью духовно-художественного зрения увидел и раскрыл «искатель абсолютного», создатель «органической критики» А.А.Григорьев [4]. Вчитаемся внимательно в его чаще всего цитируемые, но очень редко приводимые целиком слова и, соответственно, почти не обсуждаемые в их смысловой сути: «А Пушкин — наше всё: Пушкин — представитель всего нашего *душевного, особенного*, такого, что остаётся нашим *душевым, особенным* после всех столкновений с чужим, с другими мирами. *Пушкин* — пока единственный полный **очерк** нашей народной личности, самородок, принимавший в себя, при всевозможных столкновениях с другими особенностями и организмами, всё то, что принять следует, отбрасывавший всё, что отбросить следует, полный и цельный, но еще **не красками**, а только **контурами набросанный образ народной нашей сущности**, образ, который мы **долго еще будем** оттенять красками» [5] (**выделено мной.** — Г.С.). По сути дела А.А.Григорьев говорит о познании нашего духовно-душевного внутреннего склада в его определяющих ценностях и опорах. Григорьев подчеркивает слово *душевное, особенное*, указывая тем самым на важность познания своей народности. «Народность по своему первичному смыслу — это внутренне состояние души человека», — подчеркивает петербургский философ Н.П.Ильин, излагая свое учение о народности [6]. «Душа человеческая *всего дороже*, её *спасение*, полнота, цельность и глубина внутреннего мира — прежде всего, а всё прочее само приложится, несущественно — таков девиз “святой Руси”...» (П.Е.Астафьев) [7]

Познание души не может быть сведено к чисто логическим, рассудочным суждениям, оно требует согласования всех сил и способностей человека. Вспомним выработанные в русской философии концепты: «верующий разум» (И.В.Киреевский), «живое знание», «цельное знание», «соборность»

(А.С.Хомяков), «органическая критика» (А.А.Григорьев), «душа всего дороже» (П.Е.Астафьев), «свободно и предметно созерцающее сердце» (И.А.Ильин). Стержневую интенцию отечественного философского сознания выразил Ф.А.Степун: русская мысль «духовно влечется к церкви, как бы силясь вспомнить, осознать и философски высказать святоотеческий опыт» [8], опыт благодатного преобразования души, опыт синергии. Не случайно в своих вершинных образцах отечественная философия становится «особым, описательным искусством» (И.А.Ильин). «Как скоро знание вызреет до жизненной полноты, оно стремится принять литые художественные формы: есть возможность художественной красоты даже в логическом развитии отвлеченной мысли...» — пишет А.А.Григорьев [9]. Русская философия рассматривается сегодня (например, такими разными по своим методологическим парадигмам философами, как Н.П.Ильин и А.Г.Дугин) как особый тип философского сознания, имеющая своеобразную природу, свой корень и исток в византийском церковно-интеллектуальном наследии, воспринятом на славянской почве, и отнюдь не вписывающаяся линейно в европоцентристские координаты.

В своё время А.А.Григорьев высказал мысль, о том, что никакими внешними реформами нельзя надломить народную жизнь, если в ней сохраняется духовное ядро или, как мы предпочитаем говорить сегодня, — *духовные архетипы*. Вся история русской жизни открывает картину внешней неустойчивости, едва ли не постоянной изменчивости, иногда катастрофичности в сочетании с какой-то таинственной внутренней силой, спасающей наше Отечество в самых, казалось бы, неблагоприятных условиях. Важным условием сохранения их жизненной благотворной действенности является во многом отчетливое их осознание, то есть работа нашего самосознания. Однако современные реалии вносят свои коррективы. Следует иметь в виду совершенную специфичность нынешней глобальной апостасийной цивилизации, в которой разрушение базовых традиций, то есть разрушение культуры как таковой, приобрело необратимый характер, и в которой формируется тип человека по модели «биосоциального автомата», не воспринимающего ничего, что выходит за рамки его эгоцентрического гедонизма. В этой ситуации, как пишет В.Ю.Даренский [10], культура уже не может быть ни «народной», ни массовой. Обретая как бы «оазисный» характер, «она транслируется по модели межличностных взаимодействий и личных духовных контактов», в которых важнейшую роль обретает сознательное воспроизведение базовых смыслов, составляющих «ядро» православной культурной традиции и передающихся на уровне нашего мировоззрения.

Обратимся к рассмотрению некоторых из них. Русский человек стремится к правде. Такова одна из основополагающих особенностей его духовно-душевной природы, ощущаемая и осознаваемая поэтическим и философским сознанием как важнейшая в нашем ценностном мире. В словах выдающихся соотечественников воплощены нетленные смыслы, обретающие иногда, в конкретных социально-культурных координатах, как, например, нынешние, потрясающе рельефную, пронзительную смысловую актуальность, бросая вызов нашему самосознанию.

Аполлон Александрович Григорьев («Театра зала вновь полна...» 1854 г.):

Пусть будет фальшь мила Европе старой
Или Америке беззубо-молодой,
Собачьей старостью больной...
Но наша Русь крепка. В ней много силы, жара;
И правду любит Русь, и правду понимать
Дана ей господом святая благодать;
И в ней одной теперь приют себе находит
Всё то, что человека благородит.

Михаил Юрьевич Лермонтов («Мой дом», впервые опублик. в 1889 г.):

Есть чувство правды в сердце человека,
Святое вечности зерно:
Пространство без границ, течение века
Объемлет в краткий миг оно.
И всемогущим мой прекрасный дом
Для чувства этого построен,

И осужден страдать я долго в нём
И в нём лишь буду я спокоен.

Александр Трифонович Твардовский («Василий Тёркин», 1940-е гг.):

А всего иного пуще
Не прожить наверняка —
Без чего? Без правды сущей,
Правды, прямо в душу бьющей,
Да была б она погуще,
Как бы ни была горька.

«Хочу, чтобы звук прямо выражал слово; хочу правды...» — *таков лейтмотив творчества Александра Сергеевича Даргомыжского. «Жизнь, где бы ни сказалась, правда, как бы ни была солонa, смелая, искренняя речь к людям... вот моя закваска, вот чего хочу и вот в чем боялся бы промахнуться» (М.П.Мусоргский).*

В наши дни владыка, митрополит Петрозаводский и Карельский Константин (Горянов) пишет в одном из своих новых трудов: *«Приоритет правды — возведем в закон нашей жизни, тогда все чада наши останутся с нами. А дети Церкви, наследники Христа, духовно разбогатеют»* [11].

Обратимся к стержневым особенностям нашей национальной духовности.

«Мы являемся чадами византийской культуры», – провозгласил Константин Николаевич Леонтьев (1831–1891), обосновывая, как и полагается философу, фундаментальные опоры русской цивилизации, видя их в «византийской симфонии».

Византийское влияние – один из важнейших факторов, «давших нашей истории и всему культурному её строю свою определённую фигуру и своё лицо», – писал историк-византист академик Фёдор Иванович Успенский (1845–1928).

Наш современник, «средиземноморский почвенник», несравненный знаток Византии академик Сергей Сергеевич Аверинцев (1937–2004) рассматривал Византию и Русь как «два типа духовности», два преемственно связанных, но самобытных цивилизационных феномена.

Благодаря византизму в русском характере нет преувеличенного представления о земной человеческой личности, присутствует наклонность к разочарованию во всем земном, в устойчивости человеческой чистоты, нет надежды на всеобщее благоденствие народов, земное всеравенство, всесовершенство и вседовольство.

В отличие от римлян и романизированных народов, самого государственного народа в мире, создателя образцового права, понявшего христианство как *богооткровенную программу общественного устройства*, которая, будучи осуществленной на земле, непременно ведет к вечному спасению, византийцы, **эллинизированные народы** Восточной половины Римской империи, в соответствии со своим духовным складом, ярко выраженной мистической одаренностью поняли христианство преимущественно как богооткровенную метафизику, как свыше указанный путь ко спасению личности, на земле взыскующей Неба. Православная Византия явила собой иной по сравнению с христианским романизированным Западом тип культуры: не линейно-эволюционный, горизонтально-земной, а целостно-углубленный, духовно-Небесный. Её искусство, будучи сферой Богообщения, может быть определено как «динамика в статике», «врата в вечность», «благодатный путь в глубь личности — вертикаль к Небу».

Искусствовед-византист, академик А.М.Лидов (1959-2025), раскрывая лик византийского искусства, выявляет очень важную для нашего самосознанию идею: главное **в унаследованном нами от Византии** – это **«иконическое сознание»**, то есть восприятие мира как иконы, то есть образа-посредника. «Бог устроил этот мир, как некое отображение надмирного мира, – пишет в XIV веке святитель Григорий Палама, — чтобы нам через духовное созерцание его как бы по некоей лестнице

достигнуть одного мира» [12]. Понимание и ощущение иной высшей реальности как идеала всегда присутствовало в нас бессознательно благодаря подспудной силе духовной традиции, о чем свидетельствуют лучшие светские творения в области музыки, литературы, живописи, созданные в секуляризованное Новое и Новейшее время. Речь идёт об идеальной, вертикальной составляющей бытия, раскрывшейся [13] благодаря принятию Русью православия и ставшей одним из **архетипов национального ментального склада**, о котором современный человек предпочитает не думать, по сути дела пренебрегая корневой системой культуры, нарушая исконную органику своего бытия.

Самый разительный пример «вносителя света и правды», согласно А.А.Григорьеву, «имеем мы в нашем Пушкине, которого истинно художническая и, следовательно, в высшей степени правдивая и зрячая натура, все более и более свергая с себя кору чуждых наростов, отряхая прах наносных влияний, стала возвышаться наконец до коренных народных созерцаний, даже до *созерцаний религиозных*, составляющих высшую поверку жизненных и народных стихий, входящих в понятие о нравственности; укажу в этом отношении на такие стихотворения, как “Отрывок”, “Молитва”, на занятие поэта выписками из “Четьих Миней» и т. п.» [14]. И продолжает: «Не подлежит сомнению, что к области этих высших созерцаний приблизило его углубление в самого себя, обретение в самом себе *стихий чистых, беспримесных, совпадающих со стихиями жизни народной*, — стихий, к художественному воссозданию и просветлению которых влекла нашего поэта его натура» [15].

Ключевой ролью правды, этим исконным русским духовным архетипом нашего мироотношения, определяется и особое жизненно-ценностное восприятие искусства — как пути и проводника Правды.

Говоря о тесной взаимосвязи русского философского сознания и художественного начала, нельзя не подчеркнуть ряд моментов, являющихся основополагающими и для русского художника, и для русского философа.

1) Идея о благоустроении души, истекающая из высокого представления о поэтическом и о философском даре.

Поистине, как голубь, чист и цел
Он духом был: хоть мудрости зминой
Не презирал, понять ее умел,
Но веял в нем дух чисто голубиный.
И этою духовной чистотою
Он возмужал, окреп и просветлел.
Душа его возвысилась до строю:
Он стройно жил, он стройно пел...

Тютчев. «Памяти Жуковского»

Обращаясь к личности и творчеству философов А.С.Хомякова, И.В.Киреевского, Н.Я.Данилевского, А.А.Григорьева, Н.Н.Страхова, П.Е.Астафьева, К.Н.Леонтьева, И.А.Ильина, невозможно не заметить, какую важную роль для каждого из них имело состояние их внутреннего строя, чувство правды и истины, неотрывное от работы мысли, во многом её определяющее. У А.А.Григорьева находим: «Наши мысли *вообще* (если они точно мысли, а не баловство одно) суть плоть и кровь наша, суть наши чувства, *вымучившиеся* до формул и определений. Немногие в этом сознаются, ибо и немногие имеют счастье или несчастье *рождать* из себя собственные, а не чужие мысли» [16].

2) Идея духовной силы народа, творящей в художнике и в философе, по А.С.Хомякову «образ самосознающей жизни».

А.А.Григорьев в свой «органической критике», являющейся, по сути, философией культуры, обрисовал основное содержание русского типа христианской философии — философии *«мыслителя, внимательно прислушивающегося к подземной работе зиждательных сил жизни»*, созидającego национальную культуру в свете **идеала души человеческой**.

3) Вопрос о смысле искусства в жизни личности и народа, проблема подлинного художества всегда присутствует в русской философии, имея жизнеопределяющий характер.

Обратимся к словам И.А.Ильина о подлинном искусстве, которое он называл «художественным искусством»: «...художество дает опытное переживание священной глубины в привычно-несвященных образах действительности; «...борьба за художественность произведения (здания, скульптуры, картины, сонаты, пьесы, танца, поэмы, романа) есть в то же время борьба за преодоление пошлости; и обратно»; «Истинное искусство говорить человеческому духу о Духе и духовном; и чем художественнее эта речь, тем ближе искусство подходит к религии, — не в том смысле, что оно выбирает конфессиональные образы и темы, но в том смысле, что оно раскрывает в самом простом, обыденном, светском образе, в с виду незначительной теме — сокровенную значительность, предметную глубину, духовный огонь, Божий луч, Божие веяние и присутствие. И в этом его очистительная сила» [17].

Русская культура в своих подлинных образцах есть художественно-свободное, духовно целостное закрепление волевого устремления к религиозному преображению жизни. Оттого художество и философия, будучи разомкнуты в Жизнь, открывают в ней вертикаль к Небу.

Источник духовной красоты, жизненной силы для русского всегда *запредельный*. Поэтому счастье — в стремлении за горизонт, в преодолении застывших, временных форм, ибо **«священное есть главное в жизни»**, без него **«жизнь становится унижением и пошлостью»**. [18].

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] *Страхов, Н. Н.* Борьба с Западом в нашей литературе. Кн. 3. — Киев, 1897. — С. 145.

[2] Новая историографическая парадигма русской мысли обоснована Н.П.Ильиным (1947-2023) в труде «Трагедия русской философии» (2008), где её магистральная линия именуется линией «метафизического персонализма».

[3] *Астафьев, П. Е.* Национальность и общечеловеческие задачи (к русской народной психологии) // *Астафьев, П. Е.* Избранные произведения. — Москва, 2021. — С. 449.

[4] «Из всех своих современников он был наиболее русский человек, как натура, не говоря как идеал, это разумеется» (Ф.М.Достоевский). А.А.Григорьев о себе писал: «Я человек, по натуре и по развитию, — религиозный, даже не философски, а просто православно-религиозный». — Цит. по: *Аполлон Григорьев*. Одиссея последнего романтика // ЛитЛайф : [сайт]. — URL: <https://litlife.club/books/201303/read?page=94&ysclid=mbnkn9ty5c447717811> (дата обращения: 08. 06.2025).

Очень верно о Григорьеве и о подобных ему широких русских людях, ненасытно-жадно стремящихся пережить жизнь в её действительности, а не внутри себя, высказался К.Н.Леонтьев: «Каковы бы они ни были, они были русские, а нам нужно знать Россию не по одним официальным и обличительным крайностям. нам нужно знать, какие народные начала хорошо бы вырабатывать, нам надо даже знать, какое зло терпеть необходимо, чтобы быть самими собой, а не отсталыми и робкими лакеями европейских успехов...» — Цит. по: *Леонтьев, К. Н.* Несколько воспоминаний и мыслей о покойном Ап. Григорьеве (Письмо к Ник. Ник. Страхову) // Викитека : [сайт]. — URL: [https://ru.wikisource.org/wiki/ce.org/wiki/Несколько_воспоминаний_и_мыслей_о_покойном_Ап._Григорьеве_\(Леонтьев\)](https://ru.wikisource.org/wiki/ce.org/wiki/Несколько_воспоминаний_и_мыслей_о_покойном_Ап._Григорьеве_(Леонтьев)) (дата обращения: 08. 06.2025).

[5] *Григорьев, А. А.* Взгляд на русскую литературу со смерти Пушкина // *Григорьев, А. А.* Апология почвенничества / Отв. ред. О.Платонов. — Москва : Ин-т рус. цивилизации, 2008. — С. 194.

[6] *Ильин Николай.* Душа по природе своей национальна : Беседа о народности с Ириной Калус // Парус. — 01.11.2018. — URL: <https://litbook.ru/article/12254/> (дата обращения: 08. 06.2025).

[7] *Астафьев, П. Е.* Национальность и общечеловеческие задачи // *Астафьев, П. Е.* Философия нации и единство мировоззрения. — Москва : Москва, 2000. — С. 42.

[8] *Степун, Ф. А.* Мысли о России // *Степун, Ф. А.* Сочинения / сост. В.К.Кантор. — Москва, 2000. — С. 324.

[9] *Григорьев, А. А.* Критический взгляд на основы, значение и приемы современной критики искусства // Викитека : [сайт]. — URL: [https://ru.wikisource.org/wiki/ce.org/wiki/Критический_взгляд_на_основы_значение_и_приемы_современной_критики_искусства_\(Григорьев\)](https://ru.wikisource.org/wiki/ce.org/wiki/Критический_взгляд_на_основы_значение_и_приемы_современной_критики_искусства_(Григорьев)) (дата обращения: 05.06. 2025).

[10] *Даренский, В. Ю.* Иконичность русской культуры // Тетради по консерватизму : Альманах. — № 1. — Москва : Фонд ИСЭПИ, 2021. — С. 13.

- [11] *Константин (Горянов), митрополит Петрозаводский и Карельский*. «Побеждающий наследует всё, и буду ему Богом, и он будет Мне сыном», или Дети — наше будущее: чьи дети, того и будущее! // Родная Ладога. — 2024. — № 1. — С. 53.
- [12] *Киприан (Керн), архимандрит*. Антропология свт. Григория Паламы. Ч. 2 // Азбука Веры : [сайт]. — URL: https://azbyka.ru/otechnik/Kiprian_Kern/antropologija-svjatogo-grigorija-palamy/2 (дата обращения: 05.06. 2025).
- [13] *Скотникова, Г.* Крещение русскостью : О поэзии Бориса Орлова // День Литературы : [сайт]. — URL: <https://denliteraturi.ru/article/7788> (дата обращения: 06.11.2025).
- [14] *Григорьев, А. А.* О правде и искренности в искусстве. По поводу одного эстетического вопроса // Викитека : [сайт]. — URL: [https://ru.wikisource.org/wiki/О_правде_и_искренности_в_искусстве._По_поводу_одного_эстетического_вопроса_\(Григорьев\)](https://ru.wikisource.org/wiki/О_правде_и_искренности_в_искусстве._По_поводу_одного_эстетического_вопроса_(Григорьев)) (дата обращения: 05.06. 2025).
- [15] Там же.
- [16] Там же.
- [17] Цит. по: *Ильин, И. А.* О религиозном очищении // Азбука Веры : [сайт]. — URL: https://azbyka.ru/otechnik/Ivan_Ilin/aksiomu-religioznogo-opyta/15 (дата обращения: 05.06. 2025).
- [18] Там же.

RUSSIAN SELF-CONSCIOUSNESS AS PUSHKIN'S TESTAMENT

Skotnikova Galina Viktorovna,
D. in Cultural Research, Full professor,
Russian Institute of Art History (Saint-Petersburg)

Abstract. *The meaning of the famous words about Pushkin, usually quoted only as a formula belonging to the "seekers of the absolute", the creator of "organic criticism" A.A. Grigoriev, being considered in a full text volume, is revealed in its archetypal depth as the ideal-testament of the great poet to Russian self-consciousness, "the most sacred and greatest cause" of the people. The author of the article notes the most important features of the "Russian national essence": the soul as the highest value, the priority of truth, the iconic nature of world perception, the sacred - the main thing in life.*

Keywords: *ideal-testament, Russian self-awareness, soul, highest value, spiritual archetypes, A.S.Pushkin, A.A.Grigoriev, P.E.Astafiev, I.A.Ilyin, Russian philosophy.*

© Скотникова Г.В., текст, 2025
Статья поступила в редакцию 13.09.2025.

Ссылка на статью:

Скотникова, Г. В. Русское самосознание как пушкинский завет. — DOI 10.34685/НЛ.2025.74.19.012. — Текст : электронный // Культурологический журнал. — 2025. — № 4(62). — С. 39-44. — URL: http://cr-journal.ru/rus/journals/722.html&j_id=66.

**НАШЕСТВИЕ ГУННОВ И КУЛЬТУРНО-ГЕОПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРЕДПОСЫЛКИ
ФОРМИРОВАНИЯ МОНОСЛАВЯНСКОГО ПЛЕМЕННОГО АРЕАЛА
КАК ФАКТОРА ЗАРОЖДЕНИЯ РОССИЙСКОЙ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ**

DOI 10.34685/HI.2025.48.48.007

Манаширов Даниил Игоревич,

студент бакалавриата,

Пятигорский государственный университет (Пятигорск)

Email: marcikot1905@gmail.com

Аннотация. Статья посвящена комплексному исследованию гуннского нашествия III–IV вв. н.э. как ключевого фактора трансформации этнополитической карты Восточной Европы. Актуальность исследования обусловлена необходимостью понимать глубинные причины упадка античных структур региона и последующего возвышения славян. Цель исследования – выявить механизмы взаимовлияния гуннской экспансии, дезинтеграции полиэтнических сообществ и последующей консолидации восточнославянских племён. Объектом исследования выступают процессы разрушения полиэтнических общностей, миграции кочевых и оседлых племён. Методология основана на сравнительном анализе археологических данных, письменных источников и историографических концепций. Результаты исследования показывают, что нашествие гуннов привело к серьёзным последствиям: разгрому аланов и готов, разрушению торговых путей и городов, распаду археологических общностей и формированию «культурного вакуума» в Поднепровье. Это уничтожило связи римского влияния в регионе и античные полиэтнические структуры, но создало условия для возникновения протогосударственных объединений восточных славян. Культурный синтез с варягами и наследие догуннских культур заложили основу Древней Руси. Легенды о прародителях-основателях свидетельствуют об осознании славянами своего общего происхождения. Выводы подчёркивают переломную роль гуннского нашествия в становлении российской государственности.

Ключевые слова: государственность, протогосударство, нашествие гуннов, славяне, готы, сарматы, норманны, Древняя Русь, архетип, черняховская культура.

В IV в. н.э. Восточно-Европейская равнина подверглась опустошению и разорению кочевыми племенами гуннов. Наиболее вероятной версией происхождения этой этнической группы является синтез племенного союза хунну с алтайским – тюркским элементом. Поражение в хунно-китайских войнах, частичная ассимиляция, а также истощение пастбищ привели к активной экспансии гуннов на запад. В поисках благоприятных кочевий гунны прошли большой путь, прибегая к грабежу и разорению оседлого автохтонного населения. Дойдя до Восточной Европы, они нанесли первый удар в 372 году. Гунны атаковали периферийные группы аланов, контролировавших степные пути между Волгой и Доном [13, с. 15]. Кочевникам удалось успешно форсировать Волгу. Обратив в бегство противника, гунны обезопасили свой тыл, что позволило облегчить задачу достижения стратегического преимущества в намечавшемся наступлении. В 375 году гунны под предводительством Баламбера переправились через Дон в его нижнем течении, тесня остготов [15, с. 63]. Племенной союз остготов во главе с Германарихом был разбит. Данный маневр открыл дорогу завоевателям на юг – на Кавказ. Одна часть гуннской орды, пройдя через приазовские степи на Таманский полуостров, переправилась через Керченский пролив и опустошила огнём и мечом европейскую часть Боспорского царства [8, с. 479]. Другая часть гуннов в IV в. н.э. обосновалась на территории Северного Дагестана, основав там гуннское царство [3, с. 181–192]. Степи Предкавказья севернее и северо-западнее Дагестана были заняты гуннами-савирами, которые в VI в. н.э. активно участвовали в ирано-византийских войнах в Закавказье. Таким образом, основные аланские земли Центрального Предкавказья и вся территория Причерноморья оказалась под контролем гуннов. Готы были вынуждены мигрировать в Крым и далее на запад. Новый готский правитель Винитарий сразился с гуннами в битве на р. Эрак (р. Днепр), потерпев поражение. Историк Иордан в трактате «О происхождении и деяниях гетов» пишет: «В третьем сражении, когда оба [противника] приблизились один к другому, Баламбер, подкравшись к реке Эрак, пустил стрелу и, ранив Винитария в голову, убил его» [12, с. 115]. Это событие имело

серьёзные последствия. Остготы и вестготы начали отступление во Фракию, а к 376 году гунны достигли восточной границы Римской империи [15, с. 64].

Последствия гуннского нашествия были поистине тектоническими. Сокрушённые гуннами аланы, германские и сарматские племена оказались вовлечёнными в Великое переселение народов, инициированное кочевниками с Востока. Торговые маршруты на Северном Кавказе и Причерноморье, связывавшие античный мир с Азией, перестали существовать или стали крайне опасными для караванов. Упадок товарооборота, нарушение поставок зерна и других ресурсов из черноморских провинций стали одной из существенных, хотя и не единственной, причин ослабления и последующего падения Западной Римской империи, и без того испытывавшей колоссальное давление варваров, спровоцированных гуннским натиском. Гунны не просто уничтожали города и селения; они разрушали саму инфраструктуру римского влияния в регионе, подрывая экономические основы империи.

Роль черняховской археологической культуры и входящих в неё этнических групп

Крупным полиэтническим образованием в ту эпоху являлась группа носителей черняховской археологической культуры. Этнический состав данной общности остаётся спорным. Существует мнение, что в её состав входили сарматы, готы, славяне, формируя полиэтническое образование. В.Д.Баран считает, что памятники черняховского времени не составляют единого целого, поэтому попытки связать их с какой-нибудь одной этнической группой (славянами или германцами) второй четверти I тысячелетия заранее были обречены на неудачу [4, с. 11]. Существует точка зрения о чёткой территориальной дифференциации полиэтнического населения черняховской культуры. М.А.Тиханова, говоря об этническом многообразии черняховской культуры и ее принадлежности скифо-сарматским племенам на востоке, гето-фракийским на западе в Поднестровье и славянским на северо-западе в Волинии выделяет локальные варианты [22, с. 190–194]. Но эта позиция, однако, в недостаточной степени доказана археологическими изысканиями. Данную культуру принято относить к провинциально-римской. В нач. III в. н. э. римляне продвинулись в Причерноморье; к сер. II в. н.э. они овладели Ольвией, тесно связанной с Поднепровьем. Широкое хождение римского денария среди «черняховцев» – яркое свидетельство их вовлеченности в экономическую систему империи и процесса латинизации. Боспорское царство через торговлю также приобщало носителей черняховской культуры к благам цивилизации.

Важным городом причерноморской греческой державы был Танаис, расположенный в устье Дона. Являясь самой северной колонией греков, он был ближе всего к «варварскому миру» и как следствие население этого эмпория имело значительный сарматский элемент, сохраняющий черты черняховской культуры. В сер. III в. н.э. Танаис был разрушен готами в серии походов на Римскую империю. Д.Б.Шелов отмечает, что город восстанавливается в последней четверти IV в. н.э. [26, с. 307] Танаис частично возвращает статус центра земледельческого и ремесленного производства, просуществовав благодаря эллинизированным сарматам до нач. V в. н.э. Более важно то, какое самоназвание имели племена-носители черняховской археологической культуры. Византийский историк Зосим упоминает народ боранов (воранов), которые занимались морским и сухопутным грабежом Римской империи. Он рассуждает о деградации вертикали власти государства и чиновниках, неспособных «защитить государство» из-за того, что «их интересы были ограничены лишь городом Римом». Зосим пишет, что «готы, бораны, уругнды и карпы немедленно разграбили города Европы, захватив всё ценное, что в них еще оставалось» [11, с. 74]. Такая ситуация усугубляла и без того тяжёлое положение Рима. Проживание боранских и иных малоизученных племён в Северном Причерноморье вдоль Днепра даёт возможность предположить об их принадлежности к черняховской культуре. По-прежнему нерешённым остаётся вопрос о родственности боранов по отношению к другим группам. Существуют версии о германском, «скифо-сармато-аланском» и даже славянском происхождении [28, р. 210]. Проблема существования варварских культур без письменности затрудняет исследование этнокультурного пространства того или иного географического региона. Не стоит исключать возможность принадлежности боранов к праславянам.

В кон. I тыс. до н.э. и в нач. н.э., на протяжении столетий балты, славяне и германские племена проживали чересполосно, по соседству, что приводило к интегративным культурным процессам [24, с. 25]. Разнообразная по этническому составу, черняховская общность была одной из выдающихся в развитии материальной культуры. Основной ареал распространения черняховской культуры

охватывает территорию от верховьев Буга и притоков Припяти на северо-западе до нижнего течения Днепра на юго-востоке. В этот период славянский компонент испытывает культурное влияние ираноязычных сарматских племён, что, однако, никак не способствовало развитию идентичности. Д.Т.Березовец утверждает, что «на территории Среднего Поднепровья черняховская культура исчезает где-то к V в., возможно, сохраняясь несколько дольше в более западных районах. Событие это связывается с гуннским нашествием. Гунны частично уничтожили население лесостепи, частично заставили его уйти со своих насиженных мест». И как итог, «население Поднепровья становится очень редким. На территории, ранее густо заселенной племенами черняховской культуры, создается своеобразный вакуум, частично заполненный передвижением населения из более северных районов. В этих условиях исчезает внутренний рынок, прекращается внешняя торговля, перестает поступать, римская монета, исчезают ремесла, прекращается производство гончарной посуды» [6, с. 15]. Создаются предпосылки этногенеза славян.

Ранние формы протогосударственных формирований

После разорения гуннами степей, лесостепей Восточной Европы и периода упадка начинается процесс складывания славянских племенных союзов. Б.А.Рыбаков замечает, что славяне фигурируют в источниках не ранее времени великого расселения славян в VI в. [19, с. 200] В VIII в. возникают протогосударственные формирования: Куявия – южный союз во главе с полянами с центром в Куяве (Киеве), Славия – северный союз во главе со словенами с центром в Славе (Салаве) (Новгороде, Ладоге), Арсания – союз, чьё местонахождение наиболее спорно, с центром в Арсе (Рязани, Чернигове или Тмутаракани). Данные наименования трёх территориально-политических объединений впервые упоминаются в сочинении арабского учёного-географа 1-й пол. X в. Абу Исхака Ибрахима ибн Мухаммада аль-Истахри в «Книге путей и государств». Географический трактат кон. X в. «Худуд аль-алам» даёт представление о границах расселения различных племён, в том числе восточных славян. Неизвестный персидский автор сочинения «помещает в бассейне Дона все три главные города русов: Уртоба (Арта), Салаб (Сала) и Куяту (Куябу) [5, с. 27]. П.П.Толочко отмечает, что «об активных процессах политической консолидации восточных славян свидетельствует рождение новой формы их поселений, "градов"» (ссылка на [14]. – Ред.) с развитым ремесленным производством [23, с. 275]. Ранние грады были, в первую очередь, административными (политическими) средоточиями племён или союзов племён, а также военными крепостями в пограничных районах. Типологически эти формирования были «очень близки между собой и во всех случаях являлись точками роста восточнославянской государственности» [23, с. 163]. Таким образом, существование протогосударств подтверждается восточными источниками и свидетельствует о процессах становления монолитного этнокультурного пространства с незначительными регионально-племенными вариациями. Но их точное расположение остаётся предметом дискуссий.

Этногенетические мифы, легенды и религиозные представления как показатели консолидации

Лех, Чех и Рус – персонажи одной из наиболее известных и распространённых легенд о трёх славянских братьях, основателях и прародителях, соответственно Чехии, Польши и Руси. Три легендарных брата упоминаются в Великопольской хронике, составленной в нач. XIV в. Легенда гласит, что братья во время охоты погнались за разной добычей и, таким образом, отправились (и поселились) в разные направления: Лех – на северо-запад, Чех – на запад, а Рус – на северо-восток. Разделившись, они поселились на трёх землях.

Чешский источниковед Г.Добнер опубликовал несколько фрагментов из рукописи Великопольской хроники, обнаруженной в библиотеке выдающегося чешского гуманиста XVI в. Яна Годиового. Этот кодекс не был известен силезскому историку-краеведу Ф.Соммерсбергу и отличался от напечатанного им текста. Так, в прологе хроники, перепечатанном Добнером, отсутствовало предание о Лехе, Чехе и Русе, подтверждающее историческую общность чешского, польского и русского народов. По мнению Добнера, Соммерсберг составил легенду о трёх братьях под влиянием свидетельств о Чехе и Лехе, имеющих в стихотворной хронике Далимила – первой исторической хроники на чешском языке. Так как время создания сочинения Далимила определяют 1308–1314 гг., то указанный текст Великопольской хроники мог возникнуть только позднее – в XIV в. [7, с. 12–13].

Пролог Великопольской хроники посвящен происхождению и расселению славян. Автор излагает легенду о трех братьях: Лехе, Русе и Чехе, которые, «умножась в роде», владели и будут владеть тремя королевствами: лехитов, русских и чехов [7, с. 23]. В прологе Великопольской хроники написано: «от этих паннонцев родились три брата, сыновья Пана, владыки паннонцев, из которых первенец имел имя Лех, второй – Рус, третий – Чех. Эти трое, умножась в роде, владели тремя королевствами: лехитов, русских и чехов, называемых также богемцами, и в настоящее время владеют и в будущем будут владеть, как долго это будет угодно божественной воле; из них наивысшей властью и господством во всей империи всегда обладали лехиты, как это явствует из хроник и из их территории. У славян существует большое разнообразие в языках и в то же время они понимают друг друга, хотя в некоторых словах и в их произношении существуют, по-видимому, кое-какие различия. Языки эти берут начало от одного отца Слава, откуда и славяне (Slavs) они и до сих пор не перестают пользоваться этим именем, например Томислав, Станислав, Янислав, Венцеслав и др.» [7, с. 52–53]. Существование архетипа легендарного праотца, предка-прародителя свидетельствует о понимании славянами своего общего происхождения.

В.Л.Янин отмечает, что «автора Великопольской хроники можно считать “создателем” Руса – прародителя и эпонима русского народа. Таким образом, именно на польской почве окончательно оформилась традиция, свидетельствующая о давнем родстве чехов, поляков и русских – народов, которых хронист выделяет из остальных славян» [7, с. 24]. Из всего вышеперечисленного следует, что легенда предполагает общее происхождение поляков, чехов и русинов (эндэотным жителей Руси): в последующем русских, белорусов, украинцев, и иллюстрирует тот факт, что уже в XIII в. по крайней мере три разных славянских народа осознавали свою этническую и языковую взаимосвязь.

Т.И.Алексеева указывает на преемственность для следующих этнических и территориальных групп Древней Руси: белорусы – дреговичи, радимичи и западные кривичи; украинцы – тиверцы, уличи, древляне, волыняне, поляне; русские верховьев Десно-Сейминского треугольника – северяне. [2, с. 59]. Литературный памятник также показывает, что родина древних славянских народов находится в Восточной Европе. Эта область совпадает с регионом, который, согласно курганной гипотезе М.Гимбутас, был праиндоевропейской родиной в общем регионе Понтийско-Каспийской степи. Хотя локализация собственно славянской прародины (между Одером и Днепром, к северу от степи) остаётся предметом научных споров сторонников разных вариаций миграционной и автохтонной теорий.

Б.А.Рыбаков считает, что I тыс. до н.э. было временем расцвета праславянского патриархального язычества. Древние культы женских божеств продолжали существовать, но социальное развитие, усиление власти вождей, содействовало созданию славянского Олимпа с мужскими божествами во главе: «Пантеон князя Владимира возглавлял Перун, но Е.В.Аничков убедительно доказал, что выдвижение Перуна на первенствующее место связано с процессом рождения государственности Киевской Руси и не уходит в первобытность» [20, с. 603, 604].

Летописец Нестор упоминает, что все славянские племена «имели обычаи и законы своих отцов и предания, и каждые – свой нрав». Согласно Повести многие племена «имели одинаковый обычай: жили в лесу, как звери, ели все нечистое и срамословили при отцах и при снохах» [17, с. 63]. Таким образом, в религиозном отношении славянские племена следовали традициям почитания предков и их образа жизни. Немало важным аспектом является факт поклонения персонифицированному образу небесного огня – Перуну (у балтов Перкунас). Схожесть скандинавского Тора и славянского Перуна в роли громовержцев позволили варягам наладить контакты с русами. Благодаря общим мировоззренческим системам выходцы из северных морей влились в восточнославянскую общность, сыграв значимую роль в формировании государственности.

Также Нестор в Повести излагает миф об основании Киева – важнейшего города Древней Руси. Летописец пишет: «Жили каждый со своим родом по своим местам и странам, владея каждый родом своим. И было три брата: одному имя Кий, второму же имя Щек, третьему же имя Хорив, а сестра их Лыбедь. И сидел Кий на горе, где ныне въезд Боричев, и жил с родом своим, а брат его Щек на другой горе, прозавшейся от него Щековицей, а третий – Хорив, от которого прозвалась Хоривица. И построили городок во имя старейшего брата, и называли его Киев» [17, с. 63]. Данный отрывок показывает попытку автора объяснить этимологию названий районов города.

Историчность существования этих братьев столь же легендарна, как и упоминание Леха, Чеха и Руса в западославянских источниках. Однако данный сюжет прослеживается не только в культуре славян. Геродот описывает трёх братьев: Липокса, Арпокса и Колоса – сыновей прародителя скифов Таргита: «От Липокса, как говорят, произошло скифское племя, называемое авхатами, от среднего брата – племя катиаров и траспиев, а от младшего из братьев – царя – племя паралатов. Все племена вместе называются скотами, т.е. царскими» [9, с. 188]. Данный этногенетический миф [1] служит подтверждением существования единого культурного пространства в догуннское время. Вероятно, именно эпические традиции ираноязычных народов степей повлияли на позднейшее оформление славянских легенд о прародителях. Скифский мир объединял разные этнические группы, живших схожим образом. Изначально являясь кочевым ираноязычным варварским кластером, он становился всё более дифференцированным благодаря греко-римскому влиянию, переходу некоторых групп к оседлому образу жизни. У представителей восточных славян утвердилось этническое самосознание благодаря длительному развитию единой религиозно-мифологической картины мира, выраженной, в первую очередь, в наличии общего верховного божества – Перуна и этногенетического мифа о трёх братьях в рамках архетипа предка.

Катализатор этнокультурных трансформаций: славянские археологические культуры и этнополитические процессы

Гуннское нашествие как фактор дестабилизации привело к разрушению торговых путей (знаменитого «янтарного пути», путей по Днепру и Дону), упадку городов и кризису римского влияния в Причерноморье. Эти процессы привели к миграции аланов, готов и сарматов в рамках Великого переселения народов, что означало распад общности черняховской культуры. Последующие археологические культуры, ассоциируемые преимущественно со славянами – пражская и пеньковская (соотносимая с антами), – представляли уже гораздо более однородные в этническом плане сообщества. В.В.Седов отмечает развитие славянской керамики пражского типа из пшеворской, догуннского периода, тем самым удревняя становление славянского этноса [21, с. 67]. А.В.Черенцов отмечает, что «славянская принадлежность пшеворской культуры или ее части оказывается крайне проблематичной» и В.В.Седов излишне полагался на археологию в вопросах, касающихся определения этноязыковой идентичности [25, с. 271]. Относящиеся по одной из версий к славянам анты, по мнению М.В.Любичева, – это не обозначение конкретного славянского этноса, а скорее территориальное понятие [16, с. 191]. И.П.Русанова рассматривает пеньковскую культуру как сложное явление, состоящее из нескольких компонентов, что указывает на разнородный этнический состав её носителей. В частности, она отмечает наличие элементов «салтовской культуры и материалов типа Корчак и Луки Райковецкой» [18, с. 100] в ареале пеньковских памятников [18, с. 103]. Это позволяет некоторым исследователям предположить, что среди населения, связанного с пеньковской культурой, были представители ираноязычных групп сарматов.

Но наличие археологических материалов, относящихся к иным культурам, в данном случае стоит рассматривать как возобновление торговых связей после гуннского нашествия. М.Б.Щукин отмечает, что «цикл раннеславянских культур совсем не напоминал предшествующую черняховскую культуру», что подтверждает смешанный состав её представителей и несформированность обособленной славянской общности на том историческом этапе [27, с. 90]. Также немаловажным фактором освоения славянами новых земель стало нашествие аваров. Часть славян была разгромлена и попала в зависимость, что привело в поисках благоприятных условий к миграции на Балканы. На севере же укреплялись славянские племенные союзы благодаря торговле через Балтийское море. Равнинный коридор Северного Причерноморья ещё долгое время оставался во власти кочевников: хазар, печенегов, половцев, определяя даннический характер отношений со славянами под угрозой набегов степняков.

Вышеописанные процессы привели на некоторое время к опустошению лесостепной зоны Поднепровья. В результате сформировался «культурный вакуум». В.В.Седов отмечает, что славяне «не подверглись ассимиляции в римское время, а вышли на историческую арену крепким этноязыковым массивом, вероятно, включившим в себя и некоторые неславянские племена» [21, с. 43]. Последующая консолидация славянских племён представлена появлением трёх протогосударственных объединений (Куявия, Славия, Арсания) с центрами в Киеве, Новгороде и Рязани. Взаимодействие с норманнами означало синтез славянских и скандинавских культов (Перун–Тор), что послужило основой военно-политических союзов. Значительную роль играла эволюция социальной организации от

родоплеменных структур к раннегосударственным институтам (княжеская власть, дружина). Немаловажную роль в складывании племенных союзов сыграла изолированность славян. Долгое время славянская общность, особенно восточная её часть, находилась в окружении всё новых волн кочевников: гуннов, аваров, булгар, что, с одной стороны способствовало независимому развитию, а с другой, ставило под угрозу разорения и потери идентичности. Оставался канал культурного обмена на севере, через Балтийское море с норманнами, что предопределило истоки становления Древнерусского государства в Ладогe.

Как итог, нашествие гуннов стало переломным этапом, уничтожившим античные полиэтнические структуры, но создавшим условия для доминирования славян. Утверждение этнического самосознания, культурный синтез славянских племён с норманнами и угроза на юге со стороны кочевников заложили основу возникновения Киевской Руси. Славянская общность, столкнувшаяся с иранской и тюркской угрозой ассимиляции, смогла выстоять как самостоятельный этнический компонент. Легенды и хроники X–XIV вв. служат доказательством осознания славянами общего происхождения, что способствовало политической консолидации. Гунны спровоцировали переселение варварских племён, уничтоживших Рим. Освободившиеся земли заселили славяне вплоть до р.Эльбы на западе, создав самобытную культуру. До сих пор топонимика Центральной Европы (Германия, Австрия) изобилует славяноязычными структурами (окончания наименований географических объектов на -itz, -in, -ow со славянскими корнями, названия таких городов как Берлин, Лейпциг, Дрезден и др.), а вместе с тем сохраняет память былых времён этнокультурного доминирования в регионе до германской экспансии под лозунгом "Drang nach Osten" («Натиск на Восток» в высоком Средневековье) [10].

* * *

Исследование выполнено при поддержке и под руководством доцента кафедры исторических и социально-философских дисциплин, востоковедения и теологии Пятигорского государственного университета, кандидата исторических наук Гетмановой Елены Сергеевны. Автор признателен за предоставленные рекомендации по литературе и методологии исследования.

ЛИТЕРАТУРА

- [1] *Абаева, Л. Л.* Формирование культурной идентичности в контексте реализации этнофорического образования // *Власть*. – 2012. – № 11. – С. 108–112.
- [2] *Алексеева, Т. И.* Антропологический состав восточнославянских народов и проблемы их происхождения: автореф. дис. ... д-ра ист. – Москва, 1969. – 60 с.
- [3] *Артамонов, М. И.* История хазар // Ленинград : Изд-во Гос. Эрмитажа, 1962. – 523 с.
- [4] *Баран, В. Д.* Черняховская культура в междуречье Верхнего Днестра и Западного Буга в свете новейших исследований. – Б.м., 1970. – С. 7–14.
- [5] *Бартольд, В. В.* Арабские известия о русах // *Советское востоковедение*. – 1940. – Т. I. – С. 15–50.
- [6] *Березовец, Д. Т.* Черняховская культура и культура славянских племен VI–VIII вв. – Б.м., 1970. – С. 15–17.
- [7] «Великая хроника» о Польше, Руси и их соседях XI–XIII вв. : [Перевод] / Под ред. В.Л.Янина. – Москва : Изд-во МГУ, 1987. – 264 с.
- [8] *Гайдукевич, В. Ф.* Боспорское царство. – Москва ; Ленинград : Изд-во АН СССР, 1949. – 624 с.
- [9] *Геродот.* История / пер. Г.А.Стратановского ; под ред. А.А.Губера. – Ленинград : Наука, 1972. – 600 с.
- [10] «Дранг нах Остен» и историческое развитие стран Центральной, Восточной и Юго-Восточной Европы : Материалы Симпозиума. 20–23 апр. 1966 г. / Отв. ред. В.Д.Корольюк. – Москва : Наука, 1967. – 279 с.
- [11] *Зосим.* Новая история / Пер., коммент., указ. Н.Н.Болгова]. – Белгород : Изд-во Белг. гос. ун-та, 2010. – 344 с.
- [12] *Иордан.* «О происхождении и деяниях гетов». *Getica* / Вступ. ст., пер., коммент. Е.Ч.Скржинской. – Москва : Изд-во вост. л-ры, 1960. – 436 с.
- [13] *Кодзоев, Н. Д.* Краткий очерк истории алан. – Магас, 2016. – 60 с.
- [14] *Куза, А. В.* Малые города Древней Руси. – Москва : Наука, 1989. – С. 142–163.

- [15] Кузнецов, В. А. Очерки истории алан / 2-е изд., доп. – Владикавказ : Ир, 1992. – 392с.
- [16] Любичев, М. В. Ранняя история днепро-донецкой лесостепи I–V веков. – Харьков, 2019. – 268 с.
- [17] Повесть временных лет / Сост., примеч. и указ. А. Г. Кузьмина, В. В. Фомина; отв. ред. О. А. Платонов. – Москва : Ин-т рус. цив-ции, 2014. – 544 с.
- [18] Русанова, И. П. Славянские древности VI–VII вв. – Москва : Наука, 1976. – 215 с.
- [19] Рыбаков, Б. А. Геродотова Скифия : Историко-географический анализ. – Москва : Наука, 1979. – 248 с.
- [20] Рыбаков, Б. А. Язычество древних славян. – Москва : Наука, 1994. – 608 с.
- [21] Седов, В. В. Происхождение и ранняя история славян. – Москва : Наука, 1979. – 157 с.
- [22] Тиханова, М. А. О локальных вариантах черняховской культуры // Советская археология. – 1957. – № 4. – С. 168–194.
- [23] Толочко, П. П. Откуда пошла Русская земля. – Москва : Дом рус. зарубежья им. А. Солженицына, 2023. – 272 с.
- [24] Третьяков, П. Н. У истоков древнерусской народности. – Ленинград : Наука, 1970. – 156 с.
- [25] Чернецов, А. В. Проблемы археологической славистики и отдел славяно-русской археологии Института археологии РАН // Мир Средневековья. Познавая прошлое : к 70-летию отдела средневековой археологии : сб. ст. / сост.: И. Н. Кузина, В. С. Курмановский. – Москва : ИА РАН, 2021. – С. 259–289.
- [26] Шелов, Д. Б. Танаис и Нижний Дон в первые века нашей эры. – Москва : Наука, 1972. – 351 с.
- [27] Шукин, М. Б. Феномен черняховской культуры эпохи Константина – Констанция, или что такое черняховская культура? // Stratum plus. Археология и культурная антропология. – 1999. – №4. – С. 66–101.
- [28] Shidt, L. Geschichte der deutschen Stämme biszum Ausgang der Völkerwanderung. Die Ostgermanen, – München, 1934. – 647 p.

THE INVASION OF THE HUNS AND THE CULTURAL AND GEOPOLITICAL PRECONDITIONS FOR THE FORMATION OF THE MONO-SLAVIC TRIBAL AREA AS A FACTOR IN THE EMERGENCE OF RUSSIAN STATEHOOD

Manashirov Daniil Igorevich,
Undergraduate student,
Pyatigorsk State University (Pyatigorsk)

Abstract. *The article is devoted to a comprehensive study of the Hunnic invasion of the III–IV centuries A.D. as a key factor in the transformation of the ethnopolitical map of Eastern Europe. The relevance of the research is due to the need to understand the underlying causes of the decline of the ancient structures of the region and the subsequent rise of the Slavs. The purpose of the study is to identify the mechanisms of mutual influence of the Hunnic expansion, the disintegration of multiethnic communities and the subsequent consolidation of East Slavic tribes. The object of the study is the processes of destruction of multiethnic communities, migration of nomadic and settled tribes. The methodology is based on a comparative analysis of archaeological data, written sources and historiographical concepts. The results of the study show that the invasion of the Huns led to serious consequences: the defeat of the Alans and Goths, the destruction of trade routes and cities, the disintegration of archaeological communities and the formation of a ‘cultural vacuum’ in the Dnieper region. This destroyed the ties of Roman influence in the region and the ancient multiethnic structures, but created the conditions for the emergence of proto-state associations of the Eastern Slavs. Cultural synthesis with the Varangians and the legacy of the pre-Hunnic cultures laid the foundation of Ancient Russia. The legends about the founding ancestors testify to the Slavs' awareness of their common origin. The conclusions emphasize the crucial role of the Hunnic invasion in the formation of Russian statehood.*

Keywords: *statehood, proto-state, invasion of the Huns, Slavs, Goths, Sarmatians, Normans, Ancient Rus, archetype, Chernyakhovskaya culture.*

Ссылка на статью:

Манаширов, Д. И. Нашествие гуннов и культурно-геополитические предпосылки формирования монославянского племенного ареала как фактора зарождения российской государственности. – DOI 10.34685/НЛ.2025.48.48.007. – Текст : электронный // Культурологический журнал. – 2025. – № 4(62). – С. 45-51. – URL: http://cr-journal.ru/rus/journals/723.html&j_id=66.

**ОСНОВНЫЕ ФАКТОРЫ И УСЛОВИЯ, ОПРЕДЕЛЯВШИЕ ХАРАКТЕР ВОИНСКОГО ВОСПИТАНИЯ
В РУССКОЙ АРМИИ В ПЕРИОД ВОЕННЫХ РЕФОРМ (1855-1914 ГГ.)**

DOI 10.34685/ИИ.2025.66.14.008

Пряхин Юрий Владимирович,
начальник факультета Военного университета
имени князя Александра Невского (Москва)
Email: YUPryahin@mail.ru

Аннотация. *Статья посвящена рассмотрению экономических, социально-политических и собственно военных факторов, определявших особенности воинского воспитания в русской армии во второй половине XIX – начале XX вв. Подчеркивается, что главным катализатором прогрессивных тенденций воинского воспитания стали военные реформы исследуемого периода. Делается вывод, что центральным событием строительства Вооружённых Сил в рамках обозначенного периода истории русской армии, которое оказало существенное влияние на характер воинского воспитания военнослужащих, стал переход на новый способ комплектования вооружённых сил на основе всеобщей воинской повинности.*

Ключевые слова: *русская армия, воинское воспитание, офицеры, нижние чины, метод принуждения, метод убеждения, военные реформы, воинская повинность.*

Сложившаяся в настоящее время внешнеполитическая ситуация, когда Российская армия в очередной раз отстаивает суверенитет и независимость России в жестком военном противостоянии с Западом, вызывает необходимость усиления мер по укреплению морального духа и дисциплины войск, совершенствования форм и методов воинского воспитания. В этой связи представляет интерес дореволюционный опыт воинского воспитания в русской армии, в том числе второй половины XIX – начале XX вв.

Основными составляющими процесса воинского воспитания в исследуемый период являлись три. Это *военно-профессиональное воспитание*, которое осуществляется, главным образом, через обеспечение «соответствующего войскового режима» как внутреннего порядка, устанавливаемого воинскими уставами. Во-вторых, это *привитие дисциплины* через систему мер (в рамках исследуемого периода в основном наказаний), призванных обеспечить полное повиновение руководителю. В-третьих, это *духовно-нравственное воспитание* через систему организационно-атрибутивных факторов [1].

Во второй половине XIX в. в развитии Российского государства и русской армии началась новая эпоха. Проигранные сражения в годы Крымской войны (1853-1856), тем не менее, после правильно сделанных руководством страны выводов, в последующем положительно сказались на государственном строительстве и совершенствовании боеспособности русской армии. С приходом во власть нового императора Александра II, наконец-то, начала осуществляться вынашиваемая еще со времен Александра I идея отмены крепостного права, в армии постепенно стали отказываться от «палочной» дисциплины, плац-парадных форм подготовки армии к войне.

Кроме того, необходимость создания оптимальной системы воинского воспитания в этот период была обусловлена рядом факторов: экономическими, социально-политическими и собственно военными.

Исходным пунктом, определившим все дальнейшие изменения в обществе и в русской армии второй половины XIX – начала XX вв., явились факторы *экономического* характера. Отмена крепостного права (1861 г.) привела к миграции сельского населения в города и, следовательно, притоку наёмной рабочей силы. В сельском хозяйстве возрастает количество зажиточных дворов, использующих наёмный труд. Поэтому во второй половине XIX – начале XX вв. интенсивно происходили *изменения в социальном составе нижних чинов* – увеличивалась прослойка представителей рабочих, ремесленников и мелкой буржуазии.

Представители фабричных и заводских рабочих отличались более высоким уровнем умственного развития, социальной активностью, но в тоже время проявляли большую склонность к различного рода нарушениям воинской дисциплины и уставного порядка. Сходными с рабочими по своему поведению считались ремесленники. Отмечалось их пристрастие к спиртному, однако в отношении нравственности войсковое командование оценивало их более высоко. В работе с мелкими торговцами и приказчиками командиром подразделений рекомендовалось учитывать их хозяйственную смекалку, религиозность, сохранение тесной связи с семьями, но одновременно скупость и плутовство.

Под влиянием протекавших в стране процессов в исследуемый период начинает быстро *меняться облик типичного офицера*: «Доля офицеров недворянского происхождения резко выросла и в конце XIX века составляла 50-60%, а среди офицеров – потомственных дворян преобладали представители чисто офицерских служилых родов, тогда как значительная часть знатных фамилий утрачивает интерес к службе <...> К началу XX века большинство служилого сословия составляли представители родов, начавших служить не ранее середины XIX века, т.е. принадлежавших к нему в первом-втором поколении» [2]. Перед Первой мировой войной «российское кадровое офицерство было, по своему происхождению, всесословным» [3].

Изменения социального состава офицерского корпуса России, с одной стороны, было результатом длительного процесса оскудения дворянства, начавшегося под влиянием складывания новых экономических отношений, с другой – вызывалось к жизни новыми условиями службы: отменой с конца XVIII в. земельных пожертвований тем, кто получил дворянские звания с первым офицерским чином; введением с 1845 г. закона, по которому потомственное дворянское звание давалось лишь с присвоением первого штабс-офицерского (майорского), а с 1856 г. – полковничьего воинского чина.

Представители новых социальных групп в офицерском корпусе внесли в армию свои взгляды, идейные убеждения, привычки, культуру. Они существенным образом изменяли психологию воинских коллективов и существовавшую в них практику воинского воспитания. Офицерство как профессиональная группа становилось относительно более замкнутым [4].

В ряду объективных факторов на первое место следует поставить *внешнеполитический* и его главное следствие – войну. Огромность территории России приводило к тому, что, как и ранее, элита европейских стран продолжала с завистью глядеть на российские территории, стремилась вооруженным путем к их сокращению. Главными геополитическими противниками России во второй половине XIX – начале XX в. оставались на западе – Германия и Франция, на Балтике – Англия, на юге – Турция, на востоке – Япония.

Влияние характера целей и задач внешнеполитической деятельности государства на развитие содержания, форм и методов воинского воспитания мы усматриваем, прежде всего, в том, что сам этот процесс проходил в условиях непрерывной борьбы за независимость и территориальную целостность государства, а также при реализации благородных целей оказания помощи другим народам в защите их суверенитета от посягательств захватчиков. На протяжении столетий в народных массах складывалось соответствующее отношение к войне и военному делу. Война в российском обществе в защиту Отечества издревле почиталось делом священным. Авторитет армии и престижность воинской службы во многом поддерживалась силой общественного мнения. Не являлся исключением и исследуемый период.

Исторический анализ событий второй половины XIX – начала XX вв. свидетельствует, что уровень воинского воспитания в армии напрямую зависел от господствовавших в стране взглядов и установок. Так, вступление в войну с Турцией в 1877 г. преследовало цель упрочить положение России на Черноморском побережье и оказать братскую помощь в освобождении славянских народов, подвергавшихся гонениям со стороны мусульманских завоевателей. Общественное мнение страны выступило в поддержку заграничного похода Российской армии. В этом одна из причин проявления высоких воинских доблестей, характерных для нашей армии в прошлом. По отзывам иностранных наблюдателей, находившихся в турецкой армии, «русские солдаты показали себя достойными суворовских преданий» [5].

С другой стороны, война с Японией в 1904-1905 гг., призванная, с точки зрения российского государственного руководства, осуществить сдерживание гегемонистских устремлений молодого империалистического государства на восточных границах империи, не встретила поддержки в обществе и в армии. Её задачи не соответствовали традиционным направлениям международной политики России. И хотя боевые действия российских войск были насыщены героическими примерами действий военнослужащих, главнокомандующий Маньчжурской армией А.Н.Куропаткин в своём донесении Николаю II отмечал, что «в армии нет особого боевого одушевления, которое в прежние времена охватывало русский народ и русскую армию, когда приходилось сражаться за близкие всем и всем дорогие и понятные интересы» [6].

Непопулярность войны 1904-1905 гг. в народе обострила социально-политические противоречия в стране, стала одной из причин первой русской революции, резонансом откликнулись в вооружённых силах, существенно подорвав состояние дисциплинированности войск и сил флота.

К числу факторов, оказавших в исследуемый период наибольшее влияние на духовный облик личного состава армии, на его поведение, на методы воинского воспитания, на наш взгляд, необходимо отнести *политические*.

После отмены крепостного права руководство страны взяло курс на укрепление демократических начал в общественной жизни. Создаются бессословные выборные органы местного самоуправления, учреждается бессословный гласный суд с участием присяжных заседателей, адвокатурой и состязательностью сторон. Создание новых либеральных форм общественной жизни приводит к появлению в обществе и армии свободной личности, требующей новых отношений, новых методов влияния на поведение.

Всё большее воздействие на поведение военнослужащих начинает оказывать «свободная пресса». Несмотря на определённые ограничения, вызванные предварительной цензурой, наблюдалась постоянная тенденция к либерализации средств печати. Общественно-политическая печать очень часто подвергала массированной критике как государство, так и его вооружённые силы, распространяла антивоенные идеи среди различных слоёв русского общества, что способствовало непопулярности военной службы, унижало и разлагало армию, ослабляло её боевой потенциал, подрывало основы воинского воспитания военнослужащих. По свидетельству генерала Куропаткина, в период и после Русско-японской войны «газеты и журналы в лице своих сотрудников <...> заливали грязью армию и её представителей» [7].

В отличие от гражданской печати военная пресса считала, что травля людей, самоотверженно отдавших себя на служение обществу – явление некрасивое, бессмысленное и даже гнусное. Военно-политические вопросы, вопросы воинской дисциплины и воспитания в различной степени обсуждались на страницах таких журналов, как «Братская помощь», «Верность», «Вестник русского солдата», «Вопросы истории», «Разведчик», «Армия», «Вече», «Военная газета», «Воин», «Русский инвалид» и др.

Существенное влияние на морально-психологическое состояние войск оказывали изменения, которые происходили в *социально-политической системе общества*. Под влиянием революционного движения на рубеже XIX-XX вв. устройство высших органов государственной власти и управления России претерпело значительные изменения. Из абсолютной монархии она превратилась в представительную. Если до этих изменений император на высшем уровне воплощал в себе исполнительную и законодательную власть [8], то в результате вышеописанных изменений законодательная власть стала осуществляться императором «в единении с Государственной Думой и Государственным Советом» [9].

Общество стремительно «левело», «из “оппозиционного” превращалось в революционное. Стоило лишь объявиться в Европе какому-нибудь радикальному материалистическому учению, как неизменно русская общественность оказывалась на левом его крыле. Антигосударственные теории охватывали духовно неокрепшее общество с быстротой пожара, охватывающего сухой валежник» [10].

Проникновение радикальных идей в армию было весьма интенсивным. Главной социальной базой для распространения революционных идей в армии становятся фабричные и заводские рабочие. Однако естественным объектом пропагандистского воздействия стал и офицерский корпус. Офицерство как достаточно образованный слой общества имело возможность читать официально издаваемую прессу такого радикально-оппозиционного толка, как «Отечественные записки», «Слово», «Вестник Европы» и др.

Видный революционный демократ Н.А.Добролюбов еще в 60-х годах XIX в. был связан с двумя революционными кружками, которые вели свою работу в стенах Военной академии Генерального штаба. Один состоял из офицеров – слушателей академии, а другой – из её профессоров. Среди них выделялись: Н.Н.Обручев, С.Сераковский, Н.Д.Новицкий, К.Степанов, М.Станкевич, В.М.Аничков и др. [11].

Революционные народники 1870-х – начала 1880-х гг., первые социал-демократы 1880–1890-х гг., революционеры-радикалы начала XX в. также искали и находили пути воздействия на личный состав Российской армии. В войска и военно-учебные заведения по различным каналам попадала запрещенная литература, которая распространялась среди военнослужащих. Всё это исподволь подтачивало самые глубинные основы воинского воспитания, как нижних чинов, так и части офицерства.

Необходимость воинского воспитания в Российской армии в исследуемый период была продиктована и *факторами военного характера*.

Большое влияние на состояние воинской дисциплины и содержание работы по её укреплению оказали военные реформы 1862-1874 гг. В этот период под руководством военного министра Милютин был проведена децентрализация военного управления, созданы военные округа, осуществлена реорганизация боевой подготовки войск (разработка новых уставов пехоты, артиллерии, кавалерии), происходило обновление военной техники. Существенные изменения претерпела система обучения и воспитания войск.

Преобразовательные процессы в Российской армии происходили и в периоды правления Александра III и Николая II. После поражения России в Русско-японской войне 1904–1905 гг. руководство страны было вынуждено пойти на изменения в военном деле, которые вошли в историю под названием *военных реформ 1905-12 гг.* В это время была усилена централизация военного управления; сокращены сроки службы по призыву, омоложен офицерский корпус, приняты новые программы для военных училищ, новые уставы и новые образцы артиллерийских орудий, создана полевая тяжелая артиллерия, усилены инженерные войска и улучшено материальное обеспечение офицеров и нижних чинов.

Осуществляемые в ходе военных реформ второй половины XIX–начала XX вв. преобразования сопровождались постепенным повышением требований к обучению солдат и офицеров, их дисциплинированности, точности, организованности.

Центральным событием строительства Вооружённых Сил второй половины XIX – начала XX вв., которое оказало существенное влияние на характер формирования дисциплинированности военнослужащих в исследуемый период, стал переход на новый способ комплектования вооружённых сил на основе *всеобщей воинской повинности*.

Порядок службы в российской армии, существовавший до 1874 г., определял и соответствующую практику обучения и воспитания войск. Уровень воинского воспитания солдат формировался не только в процессе длительной службы, но и в ходе общения опытных бойцов («дядек») с молодёжью. Становление молодых воинов шло постепенно, не требуя той громадной работы, которая необходима для подготовки солдата в условиях более коротких сроков службы.

Согласно Закону в армию стали призываться лица, достигшие 20 лет, независимо от социального происхождения. Сроки службы были ограничены до 15 лет, из них на действительную военную службу приходилось 6 лет и 9 лет в запасе, на флоте – 7 лет и 3 года в запасе (с 1912 г. в соответствии с

новым законом о воинской повинности срок действительной воинской службы в пехоте был сокращен до 3 лет, в остальных родах войск – до 4 лет, а во флоте – 5 лет).

Существовавший ранее порядок комплектования армии на основе рекрутских наборов, создавший благоприятные условия для процветания системы откупа от службы, приводил к тому, что служить шли далеко не самые лучшие элементы общества. Введение всеобщей воинской повинности позволило улучшить качественный состав призывного контингента. Из войск было уволено немало людей, неблагополучных в моральном отношении, склонных к различного рода нарушениям и преступлениям. «От такой перемены, – указывал военный министр Д.А.Милютин, – армия наша много выиграла» [12].

Принятие Устава о всеобщей воинской повинности повлекло за собой изменение всего содержания процесса укрепления дисциплины в армии. Появилась возможность снизить жёсткость наказаний, не снижая уровня воинской дисциплины. Перестала существовать проблема побегов, в разы снизилось количество телесных наказаний по суду.

Новый принцип комплектования и связанное с ним правовое положение нижних воинских чинов усилили в практике проводимой офицерами воспитательной работы тенденции гуманизма и законности. В новых условиях постепенно меняется тональность в оценке армии, роли и места солдата – защитника Родины. «Горячее сочувствие, – отмечалось в одном номере журнала «Военный сборник», – должно быть обращено к этому сильному, простому человеку, идущему против невзгод и лишений».

Подвергается переоценке роль и место офицеров в обучении и воспитании подчиненных. В условиях сокращения сроков службы потребовались более активные воспитательные усилия, чтобы за годы солдатской службы превратить новобранца, полуграмотного, а чаще всего безграмотного в умственно и физически развитого, дисциплинированного, морально крепкого воина, способного выполнять долг на полях сражений. Если ранее эти задачи решались в основном младшими командирами, то теперь эта роль отводилась офицерскому составу. «Теперь бытовые условия нашего общества изменились, – писал видный военачальник и военный теоретик М.И.Драгомиров, – да и в воинском организме переворот полный: весьма мало учителей, весьма много учеников. При таком положении верно одно: если офицер не сделает, то и никто не сделает...» [13]

Практика работы по воинскому воспитанию во второй половине XIX – начале XX вв. во многом зависела от склада мышления, темперамента, природных особенностей и духовного облика представителей различных национальностей и религиозных конфессий, проходивших службу в армии.

Всеобщая воинская повинность способствовала укреплению связей между народами, населявшими просторы Российской империи. В начале XX в. в России проживали около 150 наций, народностей и племен. Главную часть призывного контингента, как и прежде, составляли славяне: русские, украинцы и белорусы (74,4% от общего числа военнослужащих). Одновременно увеличивалась доля представителей других народностей.

В этот период в армии проходили службу поляки (7%), прибалты (6,8%), евреи (5,62%), татары (1,9%), немцы (1,6%). Доля других народов России в вооруженных силах составляла 3,6%. [14]. К их числу следует отнести представителей оседлого населения Семиречья, Закавказья и Северного Кавказа. Военная подготовка этих народов была сопряжена с определенными трудностями. В основном они заключались в преодолении языкового барьера, в отличиях психического склада ума, привычек и нравов.

Многонациональный состав призывного контингента требовал от органов военного управления проведения соответствующей работы по обеспечению политической благонадёжности инородческого элемента. Как подчёркивалось военным министром Куропаткиным, в связи с призывом 26,6% неславянских народностей, перед вооруженными силами стоит задача сделать их в течение 4 лет «вполне надежными во всех отношениях, преданными Царю и Великой России» [Там же].

Достижение этой цели виделось, прежде всего, в «русификации» представителей национальных меньшинств через соответствующую организацию воинского быта, идеологическую обработку,

изучение русского языка и т.п. В отношении некоторых народов предусматривались различные ограничения по службе. Наиболее жесткая дискриминация касалась лиц еврейской национальности. Анализ статистики конца XIX – начала XX вв. показывает рост числа евреев, уклонявшихся от воинской службы [15].

Таким образом, национальные качества российских военнослужащих оказывали прямое воздействие на организацию работы по воинскому воспитанию, требовали внесения некоторых изменений в содержание воспитательной работы.

При организации работы по воинскому воспитанию военнослужащих приходилось учитывать то обстоятельство, что на территории России помимо православной церкви действовали достаточно многочисленные иноверческие конфессии, охватывавшие, по данным переписи 1915 г., 67 млн. человек. Подавляющее большинство представителей мужского пола этих вероисповеданий несли государеву службу. В начале XX в. (1902 г.) среди нижних чинов доля православных составляла 75%, католиков – 9, магометан – 2, лютеран – 1,5, других – 12,5%, в т.ч. и не заявивших о своей конфессиональной принадлежности [16].

Все они были подданными Российского государства, имели право на доброжелательность государственной власти и покровительство законов. В то же время в воспитательной работе с нижними чинами требовался учёт особенностей религий, которые они исповедовали.

Эволюция работы по воинскому воспитанию в Российской армии второй половины XIX – начале XX вв. осуществлялась с учётом опыта зарубежного военного строительства, в особенности Пруссии и Франции. Во многом этому содействовали личные убеждения графа Д.А.Милютина, которые сложились под впечатлением заграничных поездок по странам Западной Европы. В своих воспоминаниях он неоднократно отмечал отсталость России в сравнении с Западной Европой и полезность использования военного опыта зарубежных стран [17].

Высказывая свои предположения по поводу порядка организации армии на условиях всеобщей воинской повинности, он пишет: «Мы лишены прочного основания, на котором могли бы построить полный план мобилизации, сколько-нибудь похожий на прусский <...> Тем не менее, необходимо во что бы то ни стало предпринять работу, хотя бы приближающую к немецкому образцу» [18].

Опыт военного строительства западных стран широко использовался при реорганизации органов военного управления. Так, по требованию Александра II устройство Генерального штаба Российской армии было осуществлено по французскому образцу [19]. Многие перенимались из иностранных армий по вопросам организации службы и быта войск.

Вместе с тем, несмотря на влияние западного опыта и использование его на практике, многое было изменено применительно к местным условиям, что способствовало созданию нового в военном деле [20].

Таким образом, воинское воспитание в рассматриваемый период занимало важнейшее место в строительстве Российской армии. Этот процесс шёл в борьбе двух противоречащих друг другу тенденций. С одной стороны, предпочтение отдавалось главным образом насильственным способам достижения порядка в войсках, таким как чрезмерная муштра, телесные наказания т.д. С другой, существовало стремление ряда выдающихся военачальников, полководцев и флотоводцев к установлению в армии и на флоте дисциплины, основанной на осознанном отношении солдатских масс к выполнению воинского долга.

Происходящие во второй половине XIX – начале XX вв. преобразования в стране и армии, военные реформы 1862-1874 гг. и 1905-1912 гг. предъявляли к личности офицера и солдата повышенные требования, объективно требовали от государственного и военного руководства совершенствования всего процесса воинского воспитания в Российской армии. Эта работа опиралась на отечественный исторический опыт, находилась под воздействием различных факторов, среди которых ведущими были: тенденции экономического развития страны; изменения, происходившие в социально-политической и духовно-нравственной жизни общества; военные преобразования; влияние опыта зарубежных армий и др.

ПРИМЕЧАНИЯ

- [1] Военная энциклопедия : в 18 т. Т. 6: Верещагин, В.В. – Воинская повинность / под ред. В.Ф.Новицкого, А.В. Шварца и др. – Санкт-Петербург : Т-во Н.Д.Сытина, 1912. – С. 485.
- [2] Волков С. Российское офицерство как служилое сословие // Российский военный сборник. Вып. 17: Офицерский корпус русской армии. Опыт самопознания. – Москва : Рус. путь, 2000. – С. 517.
- [3] Российские офицеры // Российский военный сборник. Вып.17... С. 128.
- [4] Волков С. Указ. соч. С. 517.
- [5] Отзывы иностранцев о русско-турецкой войне 1877-1878 гг. // Военный сборник. –1878. – № 4. – С. 230.
- [6] Российский государственный военно-исторический архив (далее – РГВИА). Ф. 487. Оп. 1. Д. 2522. Л. 33.
- [7] Записки генерала Куропаткина о Русско-японской войне : Итоги войны. – Berlin : J.Ladyschnikow, 1909. – С. 3-4.
- [8] Свод Законов Российской Империи. Т.1. [изд.1893 г.] Ст. 47 Основных государственных законов Российской Империи.
- [9] Свод Законов Российской Империи. Т.1 изд.1893 г. по прод.1906 г. Ст.7 Основных государственных законов Российской Империи.
- [10] Керсновский А. История русской армии // Российский военный сборник. Вып.3. – Москва, 1994. – С. 97.
- [11] Добролюбов Н.А. Первое полное собрание сочинений : В 4 т. / под ред. М.К.Лемке. – Санкт-Петербург : С.А. Панафидина, 1912. – С. 23.
- [12] РГВИА. Ф.1. Оп. 2. Д. 20. Л.2-3.
- [13] Сборник оригинальных и переводных статей М.И.Драгомирова 1856-1880 : в 2 т. Т. 1. – Санкт-Петербург : Тип. В.С.Балашева, 1881. – С. 2.
- [14] РГВИА. Ф.165. Оп.1. Д.602. Л.44.
- [15] Шеин, И. А. Развитие воинских традиций русской армии во второй половине XIX – начале XX вв.: исторический опыт и уроки: дис. ... канд. ист наук. – Москва, 1994. – С. 69.
- [16] См.: Режепо, П. А. Статистика генералов / П.Режепо. – Санкт-Петербург, 1903.
- [17] Воспоминания генерал-фельдмаршала графа Дмитрия Алексеевича Милютин : в 2 т. Т. 1. – Пермь, 1919. – С. 314.
- [18] Дневник Д.А.Милютин : в 2 т. Т. 1: 1873-1875 / ред., примеч. П.А.Зайончковского. – Москва :Тип. журн. «Пограничник» в Бабушкине, 1947. – С. 178.
- [19] Столетие военного министерства. 1802-1902 : Очерк развития военного управления в России. – Санкт-Петербург, 1902. – С. 454.
- [20] Зайончковский, П. А. Д.А.Милютин : биографический очерк // Дневник Д.А.Милютин... Т. 1. С. 178.

THE MAIN FACTORS AND CONDITIONS THAT DETERMINED THE NATURE OF MILITARY EDUCATION IN THE RUSSIAN ARMY DURING THE PERIOD OF MILITARY REFORMS (1855-1914)

Pryakhin Yuri Vladimirovich,

Head of Faculty,

Prince Alexander Nevsky Military University (Moscow)

Abstract. *The article is devoted to the consideration of economic, socio-political and military factors that determined the features of military education in the Russian army in the second half of the 19th century - early 20th century. It is emphasized that the main catalyst for progressive trends in military education were the military reforms of the period under study. It is concluded that the central event in the development of the Armed Forces within the designated period of the history of the Russian army, which had a significant impact on the nature of military education of servicemen, was the transition to a new method of recruiting the armed forces based on universal military service.*

Keywords: *Russian army, military education, officers, lower ranks, method of coercion, method of persuasion, military reforms, military service.*

Ссылка на статью:

Пряхин, Ю. В. Основные факторы и условия, определявшие характер воинского воспитания в русской армии в период военных реформ (1855-1914 гг.). – DOI 10.34685/HI.2025.66.14.008. – Текст : электронный // Культурологический журнал. – 2025. – № 4(62). – С. 53-60. – URL: http://cr-journal.ru/rus/journals/724.html&j_id=66.

**ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ СОВЕТСКОЙ ВОЕННОЙ АДМИНИСТРАЦИИ
В ГЕРМАНИИ ПО ДЕНАЦИФИКАЦИИ КУЛЬТУРЫ СОВЕТСКОЙ ЗОНЫ ОККУПАЦИИ В 1945–1949 гг.**

DOI 10.34685/ИИ.2025.41.28.006

Степанова Елена Евгеньевна,

доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник
Военного университета имени князя Александра Невского (Москва)
Email: step40871@mail.ru

Окороков Александр Васильевич,

доктор исторических наук, заместитель директора
по научной работе Российского научно-исследовательского
института культурного и природного наследия
имени Д.С.Лихачёва (Москва)
Email: info@heritage-institute.ru

Аннотация. В статье на основе комплексного анализа научных работ и архивных документов рассмотрена деятельность Советской военной администрации в Германии по денацификации искусства, литературы, театра, кино, религиозной сферы жизни немецкого общества в Советской зоне оккупации. Показаны основные тенденции социально-политических, организационных и практических мероприятий Советской военной администрации в Германии, направленных на создание всеобъемлющей системы регулирования культурной жизни. Особое внимание уделено практике очищения культуры от нацистских элементов. Раскрыты механизмы формирования общественного мнения на основе демократии и гуманизма. Выявлены особенности денацификации культуры в Советской зоне оккупации, связанные с распространением коммунистической субкультур. Показана роль в процессе денацификации немецких деятелей культуры и искусства, священнослужителей. Отмечен корректный дифференцированный подход, проявленный в отношении классической немецкой культуры.

Ключевые слова: Советская военная администрация в Германии, СВАГ, Советская зона оккупации, денацификация культуры.

После прихода к власти в январе 1933 г. лидеры НСДАП взяли под контроль не только политическую, экономическую, социальную и образовательную сферы жизни немецкого общества. Одной из центральных задач лидеров нацистской партии стала «синхронизация» культуры в соответствии с целями национал-социализма. Для этого была создана всеобъемлющая система регулирования культурной жизни Германии. Культура, воздействуя на сознание немцев художественными средствами, не только манипулировала общественным мнением, она создавала его. На благодатной почве идей реваншизма за поражение в Первой мировой войне, под воздействием «нацифицированной» культуры сознание людей оказалось отравлено расизмом, шовинистическим высокомерием, культом войны.

История свидетельствует, что большинство немцев испытание нацизмом не выдержали, приняв за аксиому веру в торжество национал-социализма, непобедимость немецкой нации и несокрушимость Третьего Рейха. Поэтому поражение Германии в войне стало не только экономической, но и цивилизационной, нравственной катастрофой для подавляющего большинства немецких граждан.

Денацификация культуры в Германии странами-участницами антигитлеровской коалиции осуществлялась на принципах демократии и гуманизма. При этом формы и методы деятельности в американской, британской, советской и французской зонах оккупаций определялись внешнеполитическими задачами этих стран.

Цели послевоенной политики СССР в Европе были обозначены И.В. Сталиным в беседе с югославской делегацией 11 апреля 1945 г.: «Эта война отличается от всех предыдущих: кто занимает территорию,

тот устанавливает свой собственный общественный порядок. Каждый вводит свою систему, куда входит его армия. По-другому и быть не может» [1, с. 15]. Исходя из этих установок денацификация культуры в Советской зоне оккупации (далее – СЗО) проходила под контролем центральных органов государственного и политического управления СССР, а деятельность по преодолению идейного наследия нацизма в культурной сфере выражалась в распространении коммунистических ценностей.

Советская военная администрация в Германии (далее – СВАГ) в ходе решения этой задачи учитывала широкий спектр социальных взаимодействий. Этот процесс предполагал не только очищение всех организаций культуры от активных нацистов, но и искоренение идеологии национал-социализма, направленной на продвижение «нацистских, расовых, милитаристических и других реакционных идей и тенденций» [2, л. 173]. Решение этой проблемы усложнялось масштабным разрушением материальных объектов культуры Германии, изгнанием или физическим уничтожением прогрессивных деятелей культуры, морально-нравственным растлением и деградацией общечеловеческой культуры значительной части немецкого населения.

Денацификация культуры в управленческой деятельности СВАГ была включена в общий денацификационный процесс СЗО. Эта работа проводилась не изолированно, в отрыве от политической, экономической и социальной перестройки, а являлась «составной частью организованной, планомерной <...> партийной работы» [3, с. 101]. Процесс занял около трех лет и включил в себя конкретные организационные и практические мероприятия.

Изначально в Положении о СВАГ не было определено подразделение, отвечающее за работу с немецкими организациями культуры в СЗО. Созданный 30 мая 1945 г. аппарат Политсоветника СВАГ, обеспечивал, в том числе, цензуру и влияние на общественный порядок [4, с. 582]. Решением Политбюро ЦК ВКП(б) руководителем аппарата был назначен Заместитель наркома иностранных дел СССР А.Я. Вышинский. С июля 1945 г. непосредственный контроль всех средств воздействия на общественное мнение осуществлял созданный при политическом отделе СВАГ сектор пропаганды и цензуры. Его начальником стал заместитель начальника политического отдела СВАГ И.Ф. Филиппов. Широкий спектр вопросов, возложенный на это подразделение, не позволял оперативно обеспечить эффективное преобразование сферы культуры в СЗО. Учитывая это, в августе 1945 г. в составе СВАГ началось формирование Управления пропаганды (с июля 1947 г. – Управление информации) [5, с. 90-91].

Официально Управление пропаганды (далее – УП) и его местные органы в провинциях и землях было создано постановлением СНК СССР № 2534-679-с от 5 октября 1945 г. и приказом Главного начальствующего СВАГ № 74 от 23 октября 1945 г. [6, с. 72]. Его возглавил полковник С.И. Тюльпанов¹. Организационная структура УП в 1945–1949 гг. неоднократно преобразовывалась, численность отделов и сотрудников постоянно менялась. Кроме немецкой художественной культуры УП курировало прессу, радио, религиозные организации, отделы политических партий и профсоюзов, осуществляло взаимодействие с местными органами власти, молодежными и женскими союзами [7, с. 143–146]. Довольно быстро «общее руководство и координация советской политики в области культуры, содействие культурной жизни Германии и распространение советской культуры» стало одной из основных функций этого структурного подразделения СВАГ [8, с. 360-361].

Позднее в структуре УП появился отдел культуры и искусства. В ноябре 1945 г. его возглавил А.Л. Дымшиц², занимавший до этого в Берлине должность инспектора по делам печати и сотрудника газеты *Tagliche Rundschau* (Таглихе Рундштау). Немецкий журналист Х. Боргельт в своей статье «Это

¹ Тюльпанов Сергей Иванович (1901–1984) – начальник Управления пропаганды (с июля 1947 г. – Управления информации) СВАГ с 5 октября 1949 г. по 18 сентября 1949 г. Генерал-майор с 11 мая 1949 г.

² Дымшиц Александр Львович (1910–1975) – доктор филологических наук, профессор, специалист по истории немецкой литературы. С июня 1945 г. по декабрь 1949 г. в звании майора, затем подполковника проходил военную службу в должности начальника отдела культуры в Управлении пропаганды СВАГ. При его непосредственном участии возобновил свою работу Немецкий театр, были открыты музыкальный «Комише опер» и драматический «Берлингер ансамбль» театры, кинокомпания ДЕФА. А.Л. Дымшиц оказывал помощь в трудоустройстве, обеспечении жильем и получении медицинской помощи возвращавшимся из эмиграции и концентрационных лагерей деятелям немецкой культуры.

была берлинская весна или золотые голодные годы» характеризует его не только как профессионала и энтузиаста своего дела, но и как «непосредственного инициатора оживления культурной жизни в послевоенном Берлине», «одного из тех, кто сделал эти годы золотыми» [9, с. 201]. В компетенцию отдела входила не только работа с представителями творческой интеллигенции и деятелями культуры СЗО. Важнейшим направлением работы являлось определение масштабов «нацификации» немецкой культуры за годы тоталитарного нацистского режима и определение путей ликвидации этих последствий. В 1945 г. именно на этот отдел была возложена обязанность по восстановлению старых и созданию новых художественных учреждений.

Необходимость денацификации культуры нашла отражение в программных документах воссозданных в СЗО антифашистско-демократических партий. В их обращениях к немецкому народу содержались призывы «провести чистку всей системы воспитания и образования от фашистской и реакционной заразы», «вновь подняться к вершинам человеческой культуры», «помочь в моральном возрождении нашего народа», «культурно возродить немецкий народ» [10, с. 74, 81-82, 89, 98]. 14 июля 1945 г., созданный единый антифашистско-демократический блок из коммунистической, социал-демократической, либерально-демократической партий и христианско-демократического союза Германии (далее – КПГ, СДПГ, ЛДПГ и ХДСГ) одной из своих важнейших задач провозгласил «борьбу против дурмана нацистской идеологии» [10, с. 100].

Объединение мастеров немецкой культуры для очищения культуры от нацистской идеологии произошло в июле 1945 г. по инициативе СВАГ. Инициаторами создания Союза деятелей культуры за демократическое обновление Германии (Культурбунд) со стороны немецких демократических сил стали И. Бехер, Б. Келлерман, Ф. Фриденсбург. В него вошли представители разных творческих профессий. Их деятельность внесла значительный вклад в понимание происхождения и сущности германского нацизма.

Решительная и широкомасштабная «чистка кадров» стала первоочередной задачей СВАГ. Ее активная фаза прошла с июня по декабрь 1945 г. Была ликвидирована Имперская палата культуры, вся подчиненная ей система организаций и учреждений. На первом этапе отстранение нацистских кадров из культурной сферы осуществлялось путем репрессий. Директива Союзнического контрольного совета в Германии (далее – СКС) от 12 января 1946 г. № 24 «Об устранении нацистов и других лиц, враждебных союзным целям из учреждений и ответственных постов» упорядочила процесс денацификации, в том числе в области культуры. Ею были определены категории лиц, подлежащих обязательному или временному устранению, а также перечень санкций в их отношении. Директива активизировала деятельность соответствующих органов СВАГ по проверке немецких представителей культуры. В марте 1946 г. начальник отдела культуры и искусства УП СВАГ А.Л. Дымшиц направил указание начальнику отделения культуры отдела пропаганды федеральной земли Тюрингия об использовании «материалов местных архивов», содержащих информацию «о политическом прошлом различных представителей культуры и искусства» [11, с. 120]. В дальнейшем СВАГ осуществляла целенаправленную кадровую политику, согласно которой на ключевые посты учреждений и организаций культуры назначались «надежные немецкие товарищи», что позволяло эффективно осуществлять «скрытое» управление всех проявлений культурной жизни в СЗО¹.

Руководством СВАГ были приняты меры, направленные на подготовку специалистов-антифашистов для сферы культуры в высших учебных заведениях СЗО. В 1946 г. были возобновлены занятия в консерватории г. Веймара и Высшей школе архитектуры и изобразительных искусств г. Веймара. В рекомендациях Немецкого центрального управления народного образования (далее – НУНО) отмечалось, что запрещено «допускать к чтению лекций и проведению практических занятий в Школах лиц, которые были более чем номинальными членами нацистской партии» и «принимать в число

¹ Например, президентом ЦУНО был назначен П. Вандель, являвшийся главным редактором ежедневной газеты КПГ «Немецкая народная газета»; по инициативе руководства Управления пропаганды СВАГ в составе ЦУНО в ноябре 1945 г. отдел искусств возглавил Э. Вайнерт. Должность муниципального советника Дрездена по вопросам культуры и народного образования была предложена актеру и писателю Г.Грейфу, членов правления Культурбунда – писателю Ф. Вольфу и публицисту Ф. Эрпенбеку, активно занимавшимся культурной деятельностью в СЗО.

студентов бывших активных членов нацистской партии и бывших руководителей гитлеровской молодежи» [12, с. 47-48].

С 1946 г. кадровая политика в области культуры опиралась на рекомендации представителей социалистической единой партии Германии (далее – СЕПГ). Ориентация лишь на партийную принадлежность при подборе кандидатур на должности в немецких органах, организациях и учреждениях культуры иногда приводила к серьезным кадровым просчетам. В докладной записке о результатах комплексной проверки деятельности Управления пропаганды СВАГ осенью 1946 г. на имя Председателя Совета Союза Верховного Совета СССР А.А. Жданова отмечалось: «Отдел [культуры и искусства Центрального Правления СЕПГ] возглавляет бывший социал-демократ Вейман, человек совершенного некомпетентный в искусстве. Заведующий отделом искусства центрального органа СЕПГ Кинд – невежа. Его нелепые рецензии на театральные постановки вызывают смех и недоумение у немецкой интеллигенции...» [13, л. 80-81]. Но в основном кадры для немецких органов культуры подбирались продуманно и серьезно. На руководящие должности в немецких органах, организациях и учреждениях культуры отбирались компетентные специалисты. Многие из них имели опыт борьбы против гитлеровского режима.

Для денацификации немецких средств массовой информации советской оккупационной властью незамедлительно был установлен жесткий контроль всех доступных каналов политической пропаганды и агитации. Было запрещено издание всех немецких газет нацистской Германии. Денацификация их редакций производилась «в первую очередь и самым решительным образом», «поскольку в таких отраслях, как полиция, суды и прокуратура, печать и т.д., была особенно велика засоренность фашистскими элементами, причем наиболее активными» [14, с. 50]. Всего в СЗО по состоянию на 1 января 1947 г. в области печати, издательства и других ведомств, ведавших пропагандой и агитацией было отстранено 6 519 человек. Учитывая острую нехватку профессиональных кадров, было временно оставлено на службе 403 человека [14, с. 51].

При восстановлении работы немецких издательств и газет, с целью недопущения проникновения в них активных нацистов, СВАГ ввела систему лицензирования. Выдачу лицензий осуществляло Управление по делам полиграфической промышленности, издательств и книжной торговли, созданное на основе издательства СВАГ «SVA-Verlag»¹. Летом 1945 г. лицензию СВАГ на издание собственных газет получили все партии, деятельность которых была разрешена в СЗО. Партийные газеты выходили в издательстве Berliner Verlag (Берлинер ферлаг)² – Deutsche Volkszeitung (Дойче Фольксцайтунг – КПГ), Das Volk (Дас Фольк – СДПГ), Neue Zeit (Нойе Цайт – ХДСГ), Der Morgen (Дер Морген – ЛДПГ). К концу 1945 г. в Восточной Германии выходило 22 газеты и работало 7 издательств [15, с. 216]. Особенностью лицензирования в СЗО являлось то, что право на издание получали не частные лица, а политические партии и общественные организации.

Для контроля идеологического содержания печатных изданий была введена предварительная цензура. Цензуре подвергались все материалы, выходящие в СЗО и вся печатная продукция, издаваемая западными союзниками³. Под ее контролем находилось и созданное в сентябре 1946 г. восточногерманское информационное агентство Allgemeiner Deutscher Nachrichtendienst (Альгемайнер Дойчер Нахрихтендинст, АДН)⁴. 27 ноября 1946 г. об отмене предварительной цензуры сообщила

¹ Издательство «SVA-Verlag» было создано в августе 1945 г. по решению Военного совета Группы советских оккупационных войск в Германии от 12 августа 1945 г. и на основании постановления ЦК ВКП (б) от 23 августа 1945 г.

² Издательство «Берлинер ферлаг» (Berliner Verlag) было основано в мае 1945 г. в Советской зоне оккупации Германии.

³ В марте 1946 г. В.С.Семенов – политический советник СВАГ – внес Главноначальствующему СВАГ В.Д. Соколовскому предложение проводить предварительную цензуру всех книг, журналов и прочей печатной продукции, издававшейся западными союзниками. АВП РФ. Ф. 04576. Оп. 2. П. 8. Д. 16. Л. 28.

⁴ Агентство «Альгемайнер Дойчер Нахрихтендинст» было создано для улучшения обеспечения СЗО международной и внутригерманской информацией. Общее руководство и контроль за деятельностью агентства было возложено на начальника Бюро информации СВАГ Г.М. Беспалова. Приказ СВАГ № 0292 от 23–26 сентября 1946 г.

газета «Tagliche Rundschau», но контроль за идеологическим содержанием немецкой печати со стороны СВАГ не прекратился. В соответствии с указаниями начальника УП С.И. Тюльпанова редакторы газет были обязаны согласовывать план выпуска, тематику передовых и политических статей с органами контроля СВАГ [5, с. 880]. С января 1947 г. за идеологическое содержание издательской деятельности и подбор лояльного политике СВАГ персонала редакций отвечал Совет по культуре издательского дела (Совет по идеологическим вопросам издательского дела) под руководством вице-президента Немецкого управления по народному образованию (далее – НУНО) Э. Вейнерта. Кроме этого, на Совет возлагалась ответственность за «работу по воспитанию новых писательских сил новой демократической Германии» [16, л. 121-122].

Говоря об особенностях идеологической направленности денацификации культуры в СЗО, нельзя не отметить феномен, связанный с экспортом культа Сталина. Этот культурный трансфер являлся неотъемлемым компонентом «советизации» немецкой культуры. Патерналистическая роль Сталина в отношении Восточной Германии формировалась в немецком обществе последовательно с широким использованием средств массовой культуры и достигла своего апогея к празднованию 70-летнего юбилея советского политического лидера [17].

Важным направлением деятельности СВАГ по денацификации культуры являлось изъятие материальных носителей идеологии нацизма. В соответствии с приказом № 039 Главного начальствующего СВАГ от 8 сентября 1945 г. все владельцы частных библиотек, книжных магазинов и издательств, все частные лица были обязаны сдать к 1 октября 1945 г. запрещенную книжную продукцию в районные комендатуры СВАГ [10, с. 147-148]. Это требование относилось и к литературе военно-технического содержания, и сочинениям, запрещенным по политическим мотивам в СССР. Изъятие литературы из фондов немецких библиотек в 1945–1949 гг. происходило неоднократно. Оно инициировалось как приказом СКС от 13 мая 1946 г. № 4 «Об изъятии литературы и произведений национал-социалистического и милитаристского характера» [18, с. 151-152], так и рекомендованными Главлитом «Алфавитными списками», которыми Управление информации СВАГ руководствовалось с 1948 г. для санации немецких библиотек. Количество запрещенных изданий в СЗО постоянно возрастало, и к началу 1950-х гг. составляло уже 35 тыс. наименований [19].

В музейной сфере денацификационная политика протекала аналогично последовательно. Она регламентировалась приказом Главного начальствующего СВАГ от 2 октября 1945 г. № 85 «Об учете и охране музейных ценностей и возобновлении деятельности музеев» [10, с. 161-163], который был дополнен затем директивой СКС № 30 от 13 мая 1946 г. «О ликвидации немецких военных и нацистских памятников и музеев, подлежащих закрытию, уничтожению или ликвидации не позднее 1 января 1947 г.» [18, с. 154-155] и приказом от 18 июня 1946 г. Главного начальствующего СВАГ № 177 о реэвакуации музейных ценностей и открытии музеев [10, с. 256-257]. В соответствии с положением о музеях отдела народного образования СВАГ экспонаты милитаристского и фашистского характера изымались и сдавались в местные комендатуры. Музеи, признанные «полностью милитаристскими», подлежали закрытию. Уничтожению подлежали также общественные памятники, мемориалы, плакаты, статуи, здания, связанные с сохранением немецких военных традиций, возрождением милитаризма или увековечением памяти НСДАП.

Культурное воздействие на массы видов искусства, в которых слово и музыка соединяются со зрительным образом, наиболее эффективно способствуют формированию массового сознания и воспитания граждан в соответствии с идеологическими ценностями государства. Поэтому в деятельности СВАГ по денацификации культуры исключительное место отводилось театру и кинематографу.

В кинопрокате предпочтение отдавалось советским фильмам. В 1945–1947 гг. их посмотрели 149,8 млн зрителей (в том числе 5 млн в западных зонах Германии), а за три месяца 1948 г. – свыше 10 млн [20, л. 91]. Усилиями кино создавалась основа для советской агитации и пропаганды – формирование притягательного, положительного образа СССР. Идеологически выверенное знакомство немцев с российской историей и культурой способствовало преодолению сформированного в годы нацистской диктатуры враждебного отношения ко всему русскому, вследствие чего создавалась основа для формирования в общественном сознании конфронтации с нацистской идеологией.

Денацификация немецкой киноиндустрии осуществлялась под непосредственным контролем СВАГ. Сразу после капитуляции Германии в соответствии с распоряжением оккупационных властей производство фильмов прекратила крупнейшая немецкая киностудия Universum Film GmbH (далее – УФА)¹. Созданная весной 1946 г. на базе Бабельсбергской студии УФА кинопроизводственная компания DEFA (далее – ДЕФА) стала инструментом, обличавшим фашистский режим и его идеологию. Первоначальный совет директоров состоял из А. Линдермана, К.Х. Бергмана и Г. Фолькмана. Лицензирование и контроль немецкого кинематографа в СЗО не ослабевал на протяжении всего исследуемого периода. По идеологическим причинам работа над фильмом на киностудии ДЕФА могла быть приостановлена на любом этапе его создания. В июне 1947 г. на конференции сценаристов в Потсдаме было достигнуто общее согласие, что новое немецкое кино будет избегать сюжетов и стилистических элементов, напоминающих о том, «что можно было увидеть на экранах нацистской Германии». 10 мая 1949 г. был издан приказ Главного начальствующего СВАГ В.И. Чуйкова № 0197 «О создании комиссии по приему художественных фильмов акционерного общества «ДЕФА». В состав этой комиссии, наряду с шестью сотрудниками СВАГ, вошли А. Аккерман – от Центрального Правления СЕПГ и А. Абуш – от «Культурбунда» [21, л. 75-77].

Денацификация в театральной сфере заключалась в изгнании «профашистских и милитаристских тенденций немецкого театрального искусства» [22, л. 23]. В сентябре 1945 г. приказом Главного начальствующего СВАГ «О восстановлении и порядке деятельности учреждений искусств на территории Советской зоны оккупации Германии» были определены основные задачи сети театральных и музыкальных предприятий. К ним относилось полное освобождение искусства от нацистских, расовых, милитаристских и других реакционных идей и тенденций, активное использование потенциала искусства для борьбы с фашизмом в деле перевоспитания германского народа в духе последовательной демократии и широкое ознакомление с ценностями мирового и русского искусства [23]. Репертуарные планы театров, кандидатуры директоров и художественных руководителей проходили согласование с соответствующими структурами и отделами СВАГ. Например, в ходе подготовки нового театрального сезона осенью 1945 г. в Веймаре выяснилось, что абсолютное большинство театральной труппы состояло из бывших членов НСДАП, и представители земельного профсоюзного правления работников искусств Тюрингии настаивало на их полном исключении из театрального процесса. Для того чтобы не нанести непоправимый ущерб творческому коллективу веймарского театра, сотрудники УСВА Тюрингии, удостоверившись, что большинство актеров являлись номинальными нацистами, убедили земельный профсоюзный актив сохранить их в труппе.

Обновление театрального репертуара происходило медленно – антифашистские сценические произведения на немецком языке отсутствовали. По состоянию на начало 1946 г. в Тюрингии только в двух театрах были поставлены утвержденные сектором цензуры СВАГ пьесы: «Профессор Мамлок» Ф. Вольфа² (г. Эрфурт) и «Капитан из Кепеника» К. Цукмайера³ (г. Веймар). Цензоры принимали участие в просмотрах репетиций и организации их публичных обсуждений с участием В. Пика, И. Бехера, А. Аккермана, О. Винцера и др. [24, л. 35-41]. Например, в ходе работы коллектива Эрфуртского театра над спектаклем «Профессор Мамлок» режиссеру были даны указания изменить образ коммуниста, который был показан «очень гордым и самоуверенным в отношении к людям» [5, с. 113]. В дальнейшем репертуарные планы театров все более отражали советскую культурную экспансию. Весной 1948 г. все 88 театров СЗО имели в своем репертуаре хотя бы одну советскую

¹ Universum Film (УФА) – основана в 1917 г. как немецкая кинокомпания и является одной из старейших кинокомпаний Европы. После прихода к власти НСДАП в 1933 г. была взята под контроль Министерства пропаганды Германии. В 1942 г. в результате нацистской политики «принудительной координации», УФА и все ее конкуренты, включая Tobis, Terra, Bavaria Film и Wien-Film, были объединены с иностранными кинопроизводственными компаниями, подконтрольными нацистам, в суперкорпорацию UFA-Film GmbH.

² Вольф Фридрих (1888–1853) – врач, писатель, драматург. В годы нацистской диктатуры находился в эмиграции в СССР. В 1946 г. являлся одним из основателей киностудии «ДЕФА». В 1949–1951 гг. – первый посол ГДР в Польше.

³ Цукмайер Карл (1896–1977) – немецкий писатель, поэт, драматург. В 1933–1946 гг. находился в эмиграции в США. Инспектировал послевоенную Германию в качестве атташе США по культуре. Его пьеса «Генерал дьявола» – одна из первых послевоенных литературных попыток затронуть тему нацизма. Впервые была поставлена в Цюрихе 14 декабря 1946 г.

пьесу. Постановки русских классических и советских пьес неизменно контролировались цензурой СВАГ.

В процессе денацификации религиозных объединений СЗО сразу были ликвидированы те церковные конфессии, чья догматика и идеология носила расистский характер, в первую очередь религиозная организация «Немецкие христиане»¹. При этом с разрешения СВАГ некоторые общины евангелической церкви продолжали свою деятельность длительное время. В провинции Мекленбург действовала секта «Свидетели Иеговы»², другие секты и религиозные молодежные группы различной направленности³. Контроль над их влиянием на население СЗО осуществлялся постоянно. В бюллетене Управления информации СВАГ № 1 от 15 марта 1948 г. содержалось наименование 13 запрещенных церквей и религиозных сект, действовавших в СЗО [5, с. 70].

В отношении священнослужителей действовала стандартная денацификационная практика – от должностей отстранялись те, которые являлись опорой нацистского режима в церковной среде. В большей степени денацификация священнослужителей в СЗО затронула евангелическо-лютеранские конфессии. Например, в Тюрингии, провинциях Мекленбург и Саксония пронацистские руководители отдельных земельных и провинциальных церквей были арестованы или отстранены сразу после прихода союзных войск. В провинциях и землях СЗО деятельность по денацификации религиозных организаций выполняли специальные комиссариаты и епархии, которые создавали судебные церковные инстанции.

Наиболее жестко денацификация священнослужителей прошла в Тюрингии – из 700 человек были уволены 93 (13,3%). При этом процент нацистских элементов на руководящих церковных должностях в Тюрингии был значительно выше – 22 из 37 суперинтендантов (60%). В более мягкой форме денацификация прошла в евангелическо-лютеранской церкви земли Саксония – из 1161 человека были уволены 28 (2,4%), а 139 (12%) были объявлены «ограниченно годными» для дальнейшей службы [25, с. 79]. В других земельных и провинциальных церквях показатели отстранения священнослужителей были еще ниже – в евангелической церкви Ангальта из 100 человек был уволен только один, в евангелической церкви провинции Саксония по состоянию на август 1947 г. 7 священников были уволены, 2 отправлены в отставку, а еще 15 человек после расследования сохранили свои церковные должности. В судебных церковных инстанциях провинции Мекленбург по состоянию на 30 сентября 1947 г. было рассмотрено 107 дел по денацификации священнослужителей. Из них только 6 (5,6%) человек были отстранены от исполнения обязанностей священного культа, в отношении остальных были приняты незначительные меры административного или церковного воздействия [25, с. 79].

Как свидетельствуют факты, общий размах денацификационного процесса в религиозной сфере в СЗО не был масштабным и коснулся 15–20% немецких священнослужителей. Можно предположить, что

¹ «Немецкие христиане» (Deutsche Christen) – пронацистское церковное движение, организованное в мае 1932 г. на базе лютеранской ветви протестантской церкви сторонниками национал-социализма среди немецкого духовенства. Сторонники движения именовали себя «штурмовыми отрядами Христа» и распространяли среди верующих новую нацистскую теологию. «Немецкие христиане» пытались соединить немецкий национализм с христианством и стремились к духовной легитимации нацизма со стороны церкви. Возглавлялось епископом Л.Мюллером.

² Секта «Серьезные исследователи Библии» (Ernst Bibelforscher), с 1931 г. – «Свидетели Иеговы» (Jehovas Zeugen) – основана Ресселем в США в 1881 г. Региональный центр секты в Германии находился в г. Магдебург (провинция Саксония-Ангальт). Члены секты крайне отрицательно относились к государственным институтам и политике, считая, что изменение существующих условий жизни достижимо только путем вмешательства Бога. В нацистской Германии была запрещена. СВАГ разрешила деятельность секты в СЗО, но жестко контролировала жизнь ее общин, учитывая принципиальную позицию «Свидетелей Иеговы» в отношении любой существующей власти. Кроме Магдебурга, секта действовала в Берлине, Лейпциге, Дрездене, Хемнице, Эрфурте, Шверине и др. крупных центрах.

³ Только в одном районе Эльсниц в конце мая сего года [1947] была отмечена деятельность четырех групп: христианской, католической, баптистской и протестантской. Общества «Решительного христианства» для молодежи созданы в Нойвюршниц и Хормерсдорф. Характер деятельности религиозных групп выходит далеко за сугубо церковные рамки, т.к. церкви и секты, компрометируя СНМ [имеется в виду ССНМ], стараются вытеснить последний в сфере культурно-политической работы с молодежью.

такая мягкая позиция СВАГ объясняется конкретными причинами практического и политического свойства. В послевоенной Германии ощущался острый недостаток служителей церкви. Очевидно, что массовая денацификация в религиозной сфере могла усугубить этот кадровый кризис. В условиях краха идеологии национал-социализма, когда немецкое общество оказалось в идеологическом вакууме, церковь являлась тем общественным институтом, который был способен предложить понятные и приемлемые для большинства населения мировоззренческие ориентиры. Именно поэтому советские оккупационные власти временно и в ограниченном масштабе позволили церкви заполнить религией образовавшийся вакуум духовно-культурной сферы немецкого общества.

В заключение отметим, что мероприятия СВАГ по денацификации культуры послевоенной Германии (1945–1949 гг.) достигли целей, обозначенных потсдамскими соглашениями, документами СКС и советских оккупационных властей. Организационные мероприятия СВАГ были направлены на создание всеобъемлющей системы регулирования культурной жизни, очищение культуры от нацистских элементов и недопущения их в дальнейшем к механизмам формирования общественного мнения.

На первом этапе эта деятельность осуществлялась непосредственно СВАГ. Затем, по мере формирования немецких организаций и учреждений культуры, СВАГ сохраняла контроль за деятельностью организаций и учреждений культуры. Особенностью денацификации культуры в СЗО являлось то, что преодоление идейного наследия нацизма предполагало распространение коммунистической субкультуры с присущей ей системой ценностей. Выполнить эту задачу должны были немецкие деятели культуры и искусства, лояльные советской оккупационной политике.

Необходимо признать, что в отношении немецкой культуры проявлялся корректный дифференцированный подход. Политика СВАГ позволила сохранить многих талантливых представителей творческой интеллигенции, не запятнавших себя преступлениями против человечности. В результате был сформирован «культурный фронт», внесший впоследствии весомый вклад в процесс демократического переустройства различных сфер общественной жизни. Вектор творческого потенциала направлялся на решение задач антифашистско-демократического преобразования Восточной Германии.

Можно констатировать, что практические мероприятия СВАГ по денацификации немецкой культуры Восточной Германии в 1945–1949 гг. послужили основой для создания условий, закрепивших в сознании немецкого общества иммунитет против идеологии нацизма. Денацификация культуры на основе многовековых традиций Германии, ее очищение от наследия национал-социализма во многом способствовали тому, что большинством восточногерманских немцев нацистская идеология была довольно быстро отвергнута. Курс СВАГ взятый на денацификацию сознания масс посредством денацификации культуры оказался исторически верным.

ЛИТЕРАТУРА

- [1] *Петров, Н. В.* Формирование органов немецкого самоуправления и советизация Восточной Германии // СВАГ и немецкие органы самоуправления. 1945-1949 : Сб. док. / Отв. ред. и сост. Н.В.Петров. – Москва : РОССПЭН, 2006. – 760 С.
- [2] Приказ № 51 Главноначальствующего СВАГ о восстановлении и порядке деятельности учреждений искусства на территории советской зоны оккупации, 4 сентября 1945 г. – Государственный архив Российской Федерации (далее – ГА РФ). Ф. 7317. Оп. 8. Д. 1. Л. 173-175.
- [3] *Ленин, В. И.* Партийная организация и партийная литература // *Ленин, В. И.* Полное собрание сочинений. Т. 12. – Москва : Политиздат, 1968. – 575 с.
- [4] Советская военная администрация в Германии. 1945–1949 : справ. / Кол. авт. – Москва : РОССПЭН, 2009. – 1031 с.
- [5] Политика СВАГ в области культуры, науки и образования: цели, методы, результаты : Сб. док. / Отв. ред., сост.: Н.П. Тимофеева, Я.Фойтцк. – Москва : РОССПЭН, 2006. – 976 с.
- [6] *Захаров, В. В.* Материалы по истории советской военной администрации в Германии 1945-1949 гг. : науч.-справ. изд. / *В.В.Захаров, Д.Н.Филипповых, М.Хайнеманн*; отв. ред. Окорочков А.В. Вып. 1: Политические структуры СВАГ. – Москва : 1998. – 247 с.

- [7] *Foitzik, J.* Sowjetische Militäradministration in Deutschland (SMAD) // SBZ-Handbuch. Staatliche Verwaltungen, Parteien, gesellschaftliche Organisationen und ihre Führungskräfte in der Sowjetischen Besatzungszone Deutschlands 1946–1949 / Hrsg. von M. Broszat / H. Weber. München, 1990. S. 143–146.
- [8] *Handel, G.* Zum internationalistischen Wirken von S.I. Tjulpanow als Politoffizier der Sowjetarmee // Wissenschaftliche Zeitschrift der Karl-Marx-Universität Leipzig. Gesellschafts- und sprachwissenschaftliche Reihe. 1976. H. 4. S. 360–361.
- [9] *Borgelt H.* Das war der Frühling von Berlin oder Die goldenen Hungerjahre. Eine Berlin-Chronik. München, 1980. S. 201.
- [10] Воззвание ЦК КПГ к немецкому народу от 11 июня 1945 г. // За антифашистскую демократическую Германию : Сборник документов 1945–1949 гг. / М-во иностр. дел СССР. М-во иностр. дел ГДР. – Москва : Политиздат. 1969. – 704 с.
- [11] «Организуйте немедленно поиски, найденные архивы возьмите под охрану и сообщите нам о характере найденных материалов. При организации поисков руководствуйтесь следующим списком адресов: Hohenbruch/Mark, Gasthof zur Schleuse – für Akten der ehemaligen Reichs-pressekammer; Greussen/Thuringen, Ratskeller (oder Verlagerungsort); Thuringen (Ortsangabe wird ermittelt); Thuringen – Weimar – Landesmuseum...» – См.: Политика СВАГ в области культуры, науки и образования: цели, методы, результаты : Сб. док. / Отв. ред., сост.: Н.П.Тимофеева, Я.Фойтцик. – Москва : РОССПЭН, 2006. – 976 с.
- [12] *Магдебурга, В. В.* Деятельность Советской военной администрации в Германии в области культуры (1945–1949 гг.): историческое исследование: дис. ... канд. ист. наук. – Москва, 2005. – 207 с.
- [13] Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 17. Оп. 117. Д. 674.
- [14] Доклад Контрольного совета в Германии Совету министров иностранных дел. Раздел II. Денацификация. – Берлин : Изд-во СВАГ, 1947. – 72 с.
- [15] *Семиряга, М. И.* Как мы управляли Германией. – Москва : РОССПЭН, 1995. – 400 с.
- [16] ГА РФ. Ф. Р-7317. Оп. 8. Д. 9.
- [17] Protokoll Nr. 31 der Sitzung des Politbüros am 5 Juli 1949 Vorbereitung des 70 Geburtstages J.W. Stalins // SAPMO-BArch (Stiftung Archiv der Parteien und Massenorganisationen der ehemaligen DDR im Bundesarchiv), DY 30/IV 2/2/31. Bl. 13.
- [18] Ведомости Контрольного совета в Германии. – 1946. – 31 мая.
- [19] Liste der auszusondernden Literatur / Hrsg. vom Ministerium für Volksbildung der Deutschen Demokratischen Republik; Dritter Nachtrag. Nach dem Stand vom 1. April 1952. Berlin (Ost): VEB Deutscher Zentral-Verl., 1952.
- [20] Архив внешней политики Российской Федерации (далее – АВП РФ). Ф. 0457 б. Оп. 6. П. 25. Д. 38.
- [21] ГА РФ. Ф. Р-7317. Оп. 8. Д. 17.
- [22] ГА РФ. Ф. Р-7184. Оп. 1. Д. 159.
- [23] В штабе Советской военной администрации. О восстановлении и порядке деятельности учреждений искусства на территории Советской зоны оккупации Германии // Известия Советов депутатов трудящихся СССР. – 1945. – 26 сент.
- [24] АВП РФ. Ф. 082. Оп. 27. П. 121. Д. 15.
- [25] СВАГ и религиозные конфессии Советской зоны оккупации Германии, 1945–1949 : Сб. документов / Отв. ред. В.В.Захаров. – Москва : РОССПЭН, 2006. – 591 с.

ACTIVITIES OF THE SOVIET MILITARY ADMINISTRATION IN GERMANY TO DENAZIFY THE CULTURE OF THE SOVIET OCCUPATION ZONE IN 1945–1949

Stepanova Elena Evgenievna,

PhD in History,
Prince Alexander Nevsky Military University (Moscow)

Okorokov Alexander Vasilyevich,

D. in History, Deputy Director for Research,
Likhachev Russian Research Institute for Cultural
and Natural Heritage (Moscow)

Abstract. Based on a comprehensive analysis of scientific works and archival documents, the article examines the activities of the Soviet Military Administration in Germany aimed at denazifying the arts, literature, theater, cinema, and the religious sphere of German society in the Soviet occupation zone. The article highlights the main trends of the socio-political, organizational, and practical measures taken by the Soviet Military Administration in Germany to create a comprehensive system for regulating cultural life. Special attention is given to the practice of purifying culture from Nazi elements. The article also explores the mechanisms for shaping public opinion based on democracy and humanism. The article identifies the features of the denazification of culture in the Soviet occupation zone, which are related to the spread of communist subcultures. The role of German cultural and artistic figures, as well as clergymen, in the denazification process is shown. The article also highlights the correct and differentiated approach taken towards classical German culture.

Keywords: Soviet Military Administration in Germany, SVAG, Soviet Occupation Zone, denazification of culture.

© Степанова Е.Е., Окорочков А.В., текст, 2025
Статья поступила в редакцию 16.09.2025.

Ссылка на статью:

Степанова, Е. Е., Окорочков, А. В. Деятельность советской военной администрации в Германии по денацификации культуры советской зоны оккупации в 1945–1949 гг. – DOI 10.34685/HI.2025.41.28.006. – Текст : электронный // Культурологический журнал. – 2025. – № 4(62). – С. 61-70. – URL: http://cr-journal.ru/rus/journals/725.html&j_id=66.

**ОТРАЖЕНИЕ КОЛЛЕКТИВНОЙ ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ
В ПРАЗДНИЧНОЙ КУЛЬТУРЕ ИТАЛИИ НА ПРИМЕРЕ РЕГИОНА УМБРИЯ**

DOI 10.34685/HI.2025.23.32.004

Азарова Татьяна Викторовна,
преподаватель итальянского языка,
Российская академия народного хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации (Москва)
Email: azarovatv@yandex.ru

Аннотация. Понятие коллективной памяти, введенное французским социологом М.Хальбваксом, последователем школы Э.Дюркгейма, в научной литературе стало использоваться применительно к разным феноменам. Вариативность дискурса коллективной памяти привела к множествам ее трактовок. В настоящем исследовании рассматривается праздничная культура Италии в аспекте трансформации исторического знания. В результате широкого распространения *memory studies*, а также сегментации понятия памяти появились различные сферы употребления понятий историческая и коллективная память, которые могут не только противопоставляться, но и дополнять друг друга в зависимости от специфики самого явления и сферы его исследования. В данной статье описывается соотношение различных типов памяти применительно к праздничной культуре региона Умбрия в Италии. Сделана попытка описать специфику употребления понятия коллективная историческая память народного праздника, в основе которого – событие исторического характера, важного для идентичности локального сообщества. В качестве примера выбрана категория народных исторических праздников, для описания которых использованы исторический, событийный и коммуникативный подходы.

Ключевые слова: коллективная историческая память, типология памяти, праздничная культура Италии, праздник.

Представитель социологической школы, французский историк М.Хальбвакс, говоря о памяти коллектива, устанавливает понятие «рамки событий», представляющей собой конструкцию пространства и времени, внутри которых концентрируются воспоминания. Пространственно-временной континуум становится социальной конструкцией, принадлежащей уже не отдельно взятому индивидууму, а коллективу как выразителю национально-этнического начала. Обозначив метафорическое пространство коллективной памяти, М.Хальбвакс говорит о способности хранить воспоминания о периодах, бесследно исчезнувших для восприятия индивидуума. История, по его мнению, не является набором всего, что происходило в прошлом и одновременно не становится суммой оставшихся материалов или воспоминаний: «Существуют основания различать две памяти, одну из которых можно, если угодно, назвать внутренней, а другую – внешней, или же первую личной, а вторую – социальной. Говоря еще точнее (с только что указанной точки зрения): автобиографическая память и историческая память» [14]. Исторические констатации не входят в жизнь групп до тех пор, пока остаются абстрактными определениями, то есть коллективная память в таком случае остается внешней: «В наших огромных национальных обществах многие люди проживают жизнь, не соприкасаясь с общими интересами тех, кто читает газеты и обращает какое-то внимание на общественные события» [14]. Можно предположить, что для Хальбвакса термины коллективная, историческая и социальная память являются синонимами, эти категории получают разницу при определенных условиях, в том числе внутри пространственно-временных рамок, установленных конкретным сообществом в тот или иной исторический период. Открытие коллективной памяти позволило расширить и дополнить историческую реальность, которая в кризисные или переходные моменты ставит неоднозначные вопросы перед сообществом, «когда идет трансформация исторического сознания человека и общества, происходит “подстройка” прошлого под “нужды” настоящего. При этом “осовременивание культурных смыслов” приводит к обратному эффекту – вместо творческого прочтения традиции осуществляется псевдоаутентичная реанимация... В ситуации сложнейших общественных преобразований история и культура подвергаются серьезным процессам “ревизии” и “пересмотра”» [2, с. 73].

Расширение контекста памяти происходит, в том числе, из-за кризиса исторического знания, которое А.Мегилл связывает с требованиями «правильно помнить историю» [9, с. 88]. Потрясения XX в. и их причины являются забытыми воспоминаниями, в оправдании, актуализации которых нуждается современное общество. Неоднозначные оценки событий прошлого приводят в состояние кризиса идентичность, как следствие возникает необходимость конструирования памяти. Накопление даже достоверных свидетельств очевидцев не позволяет увидеть реальную ситуацию, поэтому современное общество обладает качественно новым, постмодернистским способом сохранения и анализа информации о прошлом: «История, скорее, должна элиминировать память и заменить ее чем-то другим, что не так привязано к потребностям настоящего» [Там же, с. 100]. Историческая память должна быть свободной от сиюминутных потребностей в ее трактовке, совмещая при этом высокий уровень документальности, избавляясь от избытка памяти о каких-либо событиях. История, в отличие от памяти, определенным образом восстанавливает события, которых больше нет, являясь репрезентацией прошлого.

Память позволяет в настоящем пережить события, ставшие точкой отсчета для сообщества. «Память порождается той социальной группой, которую она сплавливает, история принадлежит всем и никому, что делает универсальность ее призванием», – считает П.Нора [10, с. 59]. Современность требует от локальных сообществ необходимость разбираться в историческом процессе, идентифицировать место всего сообщества и его отдельного представителя в истории. По мнению французского историка Ф.Фюре, «сейчас, в конце столетия, на глазах у утратившего Бога демократического индивида содрогаются основы “божества истории”, и человеку надо заговорить свою тревогу. Помимо неуверенности в настоящем, его сознание испытывает и неуверенность в будущем!» [13, с. 128].

Если предположить, что коллективная (социальная) память является своего рода метафорой, то остальные виды памяти, такие как историческая, культурная, религиозная, семейная, праздничная, составляют некоторые рамки для точечного рассмотрения отдельных феноменов социальной жизни сообщества. Это не значит, что коллективная или историческая память могут существовать отдельно или сталкиваться: механизм функционирования отдельных видов памяти можно сравнить с действием прожектора, который высвечивает значимо важные части явлений в конкретной ситуации. Необходимость отделить коллективную и историческую память приводит к противоречиям и разночтениям, в случае рассмотрения их контаминации возникает культурный контекст, позволяющий выявить характеристики явлений в пространстве памяти. «В отличие от истории, память – это эмоциональное переживание, связанное с реальным или воображаемым воспоминанием и допускающее всевозможные манипуляции, изменения, вытеснения, забвения» [6, с. 95].

Исследования коллективной исторической памяти могут стать подходом по рассмотрению отношений истории и времени, истории и человека. В этом случае историческая память является некоторой реальностью, которой можно управлять, по мнению французского историка Ж. ле Гоффа: «Историческая память чаще всего имеет бессознательный характер; в действительности существует гораздо большая опасность, что со временем в мыслящих сообществах манипулированию будет скорее подвергнута она, чем сама история как отрасль знания» [7, с. 115]. Коллективная память развивается наряду с эволюцией человека как стремление узнать самого себя внутри данного сообщества. Коллективная память метафорична, историческая – предметна. Понятие коллективной памяти возникает для описания пространства самосознания сообщества, которое пытается определить само себя в различных аспектах. В основном такое самоопределение возникает и происходит в области истории, поэтому чаще всего коллективная память соотносится с исторической, которая выделилась относительно недавно «последние тридцать лет бытия исторической науки отмечены появлением “истории памяти”, которая по-новому оценивает связи между историей, памятью и идентичностью» [11, с. 24].

Ж. ле Гофф в своей книге «История и память» говорит, что «не существует коллективной памяти в чистом виде», а есть опорные пункты, по которым происходит социальная эволюция памяти, своего рода формы реализации памяти [7, с. 88]. Он ссылается на мнение французского антрополога А.Леруа-Гурана, согласно которому такое изобретение, как письменность, «фиксирует то, что не создается и не живет нормальным образом, а образует костяк урбанизированного общества, средоточие вегетативной системы которого находится в области связей, возникающих между производителями, небесными или человеческими, и правителями <...> Ткань воспоминаний образует тройственная проблема времени, пространства и человека» [цит по: 7, с. 87].

С помощью подобных изобретений, по мнению исследователей, человек стремится запечатлеть свое место и роль в истории, благодаря чему возникает «искусственная» память, которая влечет за собой установление институтов, например, иерархии власти: «Память, поскольку она отличается от привычки, представляет собой сложное изобретение – последовательное освоение человеком собственного индивидуального прошлого, точно так же как история дает возможность определенной социальной группе освоить ее коллективное прошлое» [3, с. 87].

В научных трудах последнего времени отечественные ученые С.В.Устикин, Н.С.Корнющенко-Ермолаева и др. [1; 5; 12] предлагают рассматривать коллективную историческую память не как способ документирования, а как инструмент для рассмотрения и анализа событий, формирующих представление нации о себе и своей истории. В такой связи коллективная историческая память восполняет уходящую из практики общения между разными поколениями связь [5, с. 35]. На схеме представлены типы памяти и структура их взаимодействия. Коллективная (социальная) память соединяется с другими типами памяти, чтобы выявить специфические зоны проработки проблемы данного сообщества.

Соотношение типов памяти.
Роль коллективной исторической памяти в праздничной культуре

Исходя из перечисленных выше характеристик коллективной исторической памяти, отметим следующие критерии, которые находят отражение в праздничной культуре: в празднике восстанавливаются порядок времени и связь времен; переживание истории как драмы коллективной идентичности в празднике позволяет изжить некоторые события и факты прошлого; избежать неуверенности в настоящем и будущем. Исследователи заключают: «Праздничная культура из способа своеобразного ухода от будней в особый праздничный мир, в котором жизненные противоречия на ограниченное время либо устранялись, либо смягчались (так было, например, в случае карнавала эпохи Средневековья), превращалась в один из активных способов реального обновления и переделки действительности» [8, с. 52].

В народном историческом празднике раскрывается коллективная историческая память – в отличие, например, от национальной памяти, которая, по мнению А.Конфино, «состоит из разных, часто противоположных воспоминаний, которые, несмотря на их соперничество, создают общие знаменатели, преодолевающие на символическом уровне реальные социальные и политические различия для создания воображаемого сообщества» [16]. Историческая основа народных праздников создает мемориальную ткань сообщества, включающую в себя информационные источники по распознаванию собственной идентичности. Такие скрепы до постинформационного шока создавались естественным путем в виде передачи информации от старших поколений младшим. Специфика праздничной культуры состоит в том, что при переживании праздничности воспроизводится механизм воспоминания внутри сообщества: «Основа воспоминания не пребывает ни на поверхностном уровне,

на котором действует запоминание слово в слово, ни на уровне "глубинных" структур, которые вскрывают многочисленные мифологи <...> наоборот, как представляется, важную роль играют масштаб повествования и иные событийные структуры» [4, с. 76].

Определенный контекст или проблематика требуют выделения того или иного типа памяти. В частности, праздничная культура концентрирует в себе несколько формально-содержательных факторов, позволяющих сообществу осознать и актуализировать свою идентичность по средствам реализации этих факторов в разных видах памяти. В отношении этого итальянский исследователь Фурио Джези выделяет в архаический период итальянской традиции в сообществе «диких» (*salvaggi*) праздники «мирные» (*pacifiche*) или естественные и жестокие (*crudeli*), появившиеся в результате коллективного переживания беды, горя в виде извержения вулкана или чумы. В период же Средних веков выделяются праздники коллективные или фольклорные (*folkloriche*), которые, в отличие от первых двух, являются приостановкой от «долженствования быть» [17, р. 143]. Такие праздники можно охарактеризовать как мгновение, в котором космический порядок приостанавливается и нарушение привычного повседневного хода вещей воспринимается как иное измерение времени.

Истинное значение праздника определяется культурно-историческим контекстом; например, в Средние века праздник стал своего рода путешествием по сказочной стране, что характеризует этот период как юность человечества: по замечанию М.Элиаде, люди этой эпохи «рождались старыми и умирали детьми» [15, с. 158]. Формирование праздничных традиций других эпох следует рассматривать отдельно, здесь же остановимся только на средневековых, потому что именно с ними связаны традиционные народные праздники Италии с исторической событийной основой.

«Герои фольклорных праздников в большинстве случаев – сельское население в пределах современных светских зон – находятся в промежуточном состоянии между «диким» и «цивилизованным» [17, р. 67]. Праздник на метафизическом уровне актуализирует отношения между людьми и сообществом, людьми и Богом, в празднике реализуется желание человека прикоснуться к вечности. Материальная ценность праздника выражена в обрядово-ритуальной стороне, которая создает культурно-историческую рамку внутри сообщества. Несмотря на различия в смысловом ядре праздников, большая часть из них строится на исторической основе с воспоминанием об определенном событии, которое актуализируется каждый раз заново.

Вопрос определения типологии праздников в Италии неоднозначен, потому что отнести тот или иной праздник к одной категории возможно только с определенной долей условности. В данной статье рассмотрим механизм действия коллективной исторической памяти на примере народного праздника центрального региона Италии – Умбрии. Отдельное событие, ставшее важным ключевым моментом для коллективной истории, представляет интерес вместе с культурным контекстом представляемой эпохи. Вызов Святого Фортунато (*La Disfida di San Fortunato*) представляет собой комплекс праздничных мероприятий, которые посвящены воспоминанию конкретного человека, епископа, который прославился в VI в. своей добродетельной жизнью, благотворительностью, помощью больным. При этом проживается не конкретное событие, но часть истории в культурно-историческом контексте эпохи, с основными, элементами, позволяющими сообществу, в частности, жителям небольшого города Тоди региона Умбрия восстановить в данный момент дух прошедшей эпохи.

Покровительство Святого Фортунато вывела эту местность на качественно новый уровень, подтвердило значимость локального сообщества среди соседей, утвердило право на локальную идентичность. Это подтверждают такие составляющие празднований, как скачки, ярмарка ремесел и обязательный элемент – исторический кортеж, который вовлекает в историческое переживание весь город, создавая условия для осознания идентичности своей земли. После завершения торжеств в храме, посвященном Святому Фортунато, перед его могилой зажигается лампада в присутствии светских и религиозных властей. Пример данного праздника демонстрирует, что отделить исторический праздник от религиозного в Италии представляется крайне сложным, поэтому типологическое деление праздников становится весьма условным.

Специфика праздничной культуры предполагает исследования с использованием концепции коллективной исторической памяти, которая позволит наиболее полным образом описать структуру восприятия исторических событий сообществом. Праздничная культура базируется во многом на историческом событийном материале, который выражается в сознательном культивировании того или

иного события или его забвении. В праздничной культуре коллективное прошлое избирает те события, которые помогают возрастить или поддерживать статус группы. Праздники центральных регионов Италии сохранили стабильность репрезентации и патриархальное понимание праздничного события. Об этом свидетельствует насыщенность праздничного календаря памятными датами об исторических событиях.

В заключение отметим, что коллективная историческая память праздничной культуры предоставляет ряд доказательств того, что в исторических праздниках восстанавливается не псевдоаутентичность. Формирование национальной идеи происходит при помощи актуализации памяти об историческом событии. Человека через память о том, как проживали конкретное событие его предки, отождествляет себя с данной местностью и ощущает современность прошлого для настоящего. Такая связь настоящего с прошлым реализуется посредством сохранения традиций самого празднования и его оснащения, в том числе артефакты, элементы фольклора и народной культуры. Неукоснительное сохранение традиционных для праздника элементов, таких как песни, танцы, последовательность исторического кортежа, вплетает праздник в ткань сообщества. Уникальной чертой народной праздничной культуры Италии является соединение аутентичности праздничного события, адекватной его оценки самим сообществом, и использование этого события как инструмента политического контроля со стороны правителей разных эпох. Этим праздник устанавливает границы коллективной исторической памяти.

Необходимость подтвердить локальную идентичность в Италии связана с покровительством святых как знаком особого благоволения высших сил конкретному городу, что позволяет вырабатывать систему самоидентификации. Развитие ремесел, локальной кухни, значимых продуктов выделяют данную местность из ряда других, находящихся по соседству, и формирует у каждого представителя сообщества понимание собственной важности.

ЛИТЕРАТУРА

- [1] *Ассман, Я.* Культурная память. Письмо, память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности. – Москва : Языки славян. культуры, 2004. – С. 368.
- [2] *Астафьева, О. Н.* Историческая память как ресурс культурной политики и формирование коллективной идентичности // Культурная память в контексте формирования национальной идентичности России в XXI веке : кол. моногр. / Рос. ин-т культурологии. – Москва : Совпадение, 2012. – 168 с.
- [3] *Вернан, Ж.-П.* Происхождение древнегреческой мысли / Ж.-П. Вернан ; пер. с франц. – Москва : Прогресс, 1988. – 224 с.
- [4] *Гуди, Дж.* Похищение истории / Джек Гуди ; пер. с англ. – Москва : Весь мир, 2015. – С. 432.
- [5] *Корнющенко-Ермолаева, Н. С.* Коллективная историческая память: основания выделения понятия и роль в современной культуре // Векторы благополучия: экономика и социум. – 2020. – № 3(38). – С. 32-42.
- [6] *Кочеляева, Н. А.* Проблемы взаимодействия механизмов памяти и забвения в формировании гражданского общества // Культурная память в контексте формирования национальной идентичности России в XXI веке : колл. моногр. / Рос. ин-т культурологии. – Москва : Совпадение, 2012. – 168 с.
- [7] *Ле Гофф, Ж.* История и память / Жак Ле Гофф ; пер. с франц. – Москва : РОССПЭН, 2013. – 303 с.
- [8] *Мазаев, А. И.* Празднества Французской революции 1789–1793 годов // Смыслы праздника. – Москва : ГИИ, 2009. – 460 с.
- [9] *Мегилл, А.* Историческая эпистемология / Аллан Мегилл ; пер. с англ. – Москва : Канон+ ; Реабилитация, 2009. – 480 с.
- [10] *Нора, П.* Франция–память / Пьер Нора, Мона Озуф, Жерар де Пюимеж, Мишель Винок ; пер. с франц. – Санкт-Петербург : Изд-во С.-Петерб. ун-та, 1999. – 324 с.
- [11] *Релина, Л. П.* Прошлое для настоящего: История-память и нарративы национальной идентичности : кол. моногр. / Под общ. ред. Л.П.Репиной. – Москва : Аквилон, 2020. — 464 с.
- [12] *Устикин, С. В.* Коллективная историческая память как фактор формирования образа будущего // Власть. – 2022. – № 6. – С. 151-165.
- [13] *Фюре, Ф.* Прошлое одной иллюзии / Франсуа Фюре ; пер. с франц. – Москва : Ad marginem, 1985. – С. 417.

- [14] Хальбвакс, М. Коллективная историческая память / Морис Хальбвакс // Неприкосновенный запас. – 2005. – № 2(40-41). – С. 6-7. – То же: <https://magazines.gorky.media/nz/2005/2/kollektivnaya-i-istoricheskaya-pamyat.html> (дата обращения: 13.01.2025).
- [15] Элиаде, М. Аспекты мифа ; пер. с франц. – 4-е изд. – Москва : Акад. Проект, 2010. – 251 с.
- [16] Confino, A. Collective Memory and Cultural History: Problems of Method // The American Historical Review. – 1997. – Vol.105. – N 2. – P. 1386-1403. – URL: <https://gpmproject.wordpress.com/wp-content/uploads/2012/09/8-confino.pdf> (дата обращения: 05.01.2025).
- [17] Jesi, F. Il tempo della festa. – Milano : Nottetempo, 2013. – 177 p.

REFLECTION OF COLLECTIVE HISTORICAL MEMORY IN THE FESTIVE CULTURE OF ITALY ON THE EXAMPLE OF THE FEAST OF ST. FORTUNATO IN THE UMBRIA REGION

Abstract. The concept of collective memory, introduced by the French sociologist M. Halbwaks, a follower of the E. Durkheim school, began to be used in scientific literature in relation to various phenomena. The variability of the discourse of collective memory has led to many interpretations of it. This study examines the festive culture of Italy in the aspect of the transformation of historical knowledge. As a result of the widespread use of memory studies, as well as the segmentation of the concept of memory, various areas of use of the concepts of historical and collective memory have emerged, which can not only be opposed, but also complement each other, depending on the specifics of the phenomenon itself and the scope of its research. This article describes the relationship of different types of memory in relation to the festive culture of the Umbria region of Italy. An attempt is made to describe the specifics of the use of the concept of collective historical memory of a national holiday, which is based on an event of a historical nature, important for the identity of the local community. As an example, the category of folk historical holidays is chosen, for the description of which historical, event-based and communicative approaches are used.

Keywords: collective historical memory, typology of memory, festive culture of Italy, holiday.

© Азарова Т.В., текст, 2025
Статья поступила в редакцию 10.06.2025.

Ссылка на статью:

Азарова, Т. В. Отражение коллективной исторической памяти в праздничной культуре Италии на примере региона Умбрия. – DOI 10.34685/HI.2025.23.32.004. – Текст : электронный // Культурологический журнал. – 2025. – № 4(62). – С. 71-76. – URL: http://cr-journal.ru/rus/journals/726.html&j_id=66.

**ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНОЕ НАСЛЕДИЕ КАК ИСТОЧНИК ФОРМИРОВАНИЯ
ТУРИСТИЧЕСКОЙ ИНДУСТРИИ (НА ПРИМЕРЕ РЕСПУБЛИКИ ЮЖНАЯ ОСЕТИЯ)**

DOI 10.34685/HI.2025.20.88.016

Гассиева Мадина Александровна,
кандидат философских наук, доцент,
Южно-Осетинский научно-исследовательский институт
им. З.Н.Ванеева при Президенте РЮО
(Цхинвал, Республика Южная Осетия)
Email: madinakoritina@yandex.ru

Джигоева Дзерасса Аполлоновна,
кандидат философских наук, доцент,
Горский государственный аграрный университет,
(Владикавказ, Республика Северная Осетия-Алания)
Email: madinakoritina@yandex.ru

Аннотация. В статье рассматривается туристический потенциал природных и историко-культурных объектов Республики Южная Осетия. Обозначены проблемы сохранения культурного наследия и признания его на международном уровне. Обосновываются выводы о важности использования историко-культурных ценностей для развития туристической инфраструктуры республики в целом, в особенности – для продвижения различных видов туризма, среди которых в современных условиях наиболее успешно осваиваются этнический и экологический в форме эколагерей.

Ключевые слова: Республика Южная Осетия, историко-культурные ценности, наследие, памятники, достопримечательные места, территориальный брендинг, туризм, этнический туризм, этнодеревня, эколагерь, экопарк.

С начала XXI столетия в Республике Южная Осетия (РЮО) все активнее обсуждаются проблемы туризма, развитие которого связывают с ее благоприятными природно-климатическими условиями и уникальными историко-культурными ценностями (ИКЦ). В советский период в Южной Осетии существовала развитая база туризма. Здесь были всесоюзный молодежный лагерь «Кроз» в Дзауском районе, база отдыха «Мзиугом» республиканского значения, турбаза в г.Цхинвале, а также детские лагеря. Кроме того, функционировали пешие туристические маршруты и автобусные экскурсии через Большой Кавказский хребет и в Грузию.

Территория РЮО богата минеральными источниками и лечебными грязями. Одним из главных направлений рекреационного туризма в советской Юго-Осетии (ныне Республика Южная Осетия) был бальнеологический санаторий «Дзау», который посещали туристы со всего СССР. В свое время В.Б.Пфаф отмечал: «На Южных склонах Большого Кавказа расположено племя осетин, которые бедны тем, что золото спускают в воду» [1; с. 31]. Всего в Южной Осетии насчитывается более 200 минеральных источников: «Казалось бы, на сравнительно небольшой территории, в относительно одинаковых геологических условиях, должны быть однотипные минеральные воды, однако, на территории Южной Осетии минеральных источников различных целебных типов более восемнадцати» [1; с. 31]. Достаточно назвать источники в Багиата, Нагутни, Згубир, Дзау, Сба, Дзимы и другие. На базе многих из них перспективна организация бальнеологических курортов и грязелечебниц, что значительно содействовало бы как поддержке здоровья, так и развитию экономики Республики и способствовало бы созданию территориального брендинга. В настоящее время в Республике Южная Осетия функционируют лишь сезонные бальнеологические лечебницы «Нагутни» и «Аландон».

В современных условиях территориальный брендинг больше связывают с историей и культурой, с достопримечательностями и экологией страны. В 2012 году с принятием закона «Об объектах

культурного наследия (памятниках истории и культуры) народа Республики Южная Осетия» начинает формироваться нормативно-правовая база по сохранению ИКЦ. Документ относит к объектам культурного наследия источники информации о зарождении и развитии культуры, которые подразделяются на памятники, ансамбли, достопримечательные места.

Несмотря на разработанную нормативно-правовую базу, в РЮО проблема сохранения памятников культурного значения до сих пор в значительной мере не решена и остается открытой. Еще не сформирована система правовых, организационных, финансовых, материально-технических, научных, информационных и иных мероприятий. Как следствие, не определен алгоритм действий по сохранению культурного достояния, отсутствуют теоретические и практические разработки принципов консервационных и реставрационных работ и т.д. Немаловажным фактором становится отсутствие специалистов-реставраторов в Южной Осетии. По мере финансирования в Республике периодически проводятся ремонтно-реставрационные работы объектов культурного наследия силами подрядных строительных организаций как на средства Инвестиционной программы содействия социально-экономическому развитию РЮО, так и местных меценатов или выходцев из республики.

Вместе с тем эти работы не имеют отношения к профессиональной реставрации и могут навредить аутентичности памятника. Так, 2015 году в Тирском монастыре (XII-XIII вв), расположенном в Цхинвальском районе Южной Осетии, строители, не имевшие опыта реставрации исторических памятников, во время небольших ремонтных работ повредили отделку стен, на которых сохранились фрагменты фресок XIV века. Все это образно описывает весь спектр проблем, сложившийся вокруг памятников культуры в РЮО.

В Единый государственный реестр объектов культурного наследия Республики на 2024 год внесены 1500 объектов, которые имеют республиканское и местное значение (категории). В соответствии с законом «Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народа Республики Южная Осетия» к объектам культурного наследия республиканского значения относятся «объекты, обладающие историко-архитектурной, научной и мемориальной ценностью, имеющие особое значение для истории и культуры Республики Южная Осетия, а также объекты археологического наследия». Под объектами культурного наследия местного значения понимаются памятники, обладающие историко-архитектурной, научной и мемориальной ценностью, «имеющие особое значение для истории и культуры административно-территориальных образований Республики Южная Осетия» [2].

К сожалению, развитие туризма в РЮО сдерживает также ее ограниченная правосубъектность в системе сложившихся международных отношений, и, как следствие этого, о ее достопримечательностях в широком масштабе мало что известно. Южная Осетия лишь в конце XX века обрела государственность, и из 193 членов ООН независимость ее от Грузии признали 5 стран, среди них Российская Федерация, Никарагуа, Венесуэла, Абхазия и Сирия. Большинство стран и международных организаций продолжают считать ее частью Грузии, и такая политическая ситуация усложняет процесс всемирного признания памятников культуры Республики, и присвоение им соответствующих их значимости категории.

Научные работы П.С.Уваровой, С.В.Безсонова, Е.Г.Пчелиной, П.П. Закарая, Г.К.Отхмезури, Б.В.Техова, Р.Г.Дзаттиаты, Р.Х.Гагловой, И.Т.Маргиева посвящены изучению (описанию) памятников культуры Южной Осетии, которые могли бы быть отнесены к международной и выше категории. Культурное наследие требует фундаментального изучения, профессиональных действий, предотвращающих дальнейшее разрушение и способствующих их сохранению.

Историко-культурные объекты Республики Южная Осетия разнообразны: археологические объекты (пещеры каменного и медного века – Кударо, Тлийский акрополь, городище *Царциаты калак* и др.); исторические территории (где расположены уцелевшие фортификационные сооружения крепости, башни и др.); культовая архитектура (монастыри, храмы, святылища, часовни и др.). За исключением археологических объектов, которые, как правило, находятся в труднодоступных горных местах, все остальные памятники Южной Осетии могут быть применены в той или иной степени в туристической индустрии.

Культурное прошлое Республики может стать фундаментом таких видов туризма, как лечебно-оздоровительный отдых, культурно-познавательный, экотуризм, глэмпинг, пешеходный, горный, кемпинг и др. По данным Роскачества (Центра изучения потребительского поведения), в 2024 г. культурно-познавательный отдых интересовал 87% опрошенных, в топе были культурный отдых с осмотром достопримечательностей, лечебно-оздоровительный, а также морской или речной круиз. 71% интересовался гастрономическим туризмом. 65% предпочли отдых вдали от цивилизации. Примечательно, что глэмпинг (более комфортный вид кемпинга) интересен 62% россиян – больше, чем сам кемпинг (48%) [3].

Как видно из проведенного опроса граждан России, первое место среди видов туризма занимает посещение морского курорта, а на втором месте уже культурно-исторический туризм, что обусловлено интересом людей к истории и культуре различных народов, стран и регионов. Он позволяет туристам расширить свои знания, погрузиться в уникальную атмосферу прошлого, насладиться красотой искусств и архитектуры, а познакомиться с культурными традициями и бытом других народов. Данное направление туризма является важным инструментом сохранения и продвижения культурного наследия и включает в себя посещение исторических мест, памятников, музеев, знакомство с традиционной кухней и искусством. В Южной Осетии находят развитие авторские экскурсии частных предпринимателей, в которых они пытаются в совокупности охватить все мероприятия, чтобы заинтересовать туристов и местных жителей. При этом практикуются индивидуальные и групповые поездки. Отметим, что поездки по родной республике все чаще становятся вариантом семейного досуга у самих осетин.

Сравнительно недавно общественным деятелем Ю.Бетеевым была открыта этнодеревня, расположенная в селе Борджнис Дзауского района. Основная цель объекта – знакомство людей с этнографией, приобщение к культурному наследию осетинского народа: «Приезжают из Москвы, Питера, северокавказских республик. Людям интересны наши обычаи и традиции, кухня и напитки, поэтому желающих попасть в этнодеревню не мало» [4].

При этом отметим, что туристические маршруты, ориентированные на многофункциональность, то есть охватывающие широкий спектр объектов культурного достояния, вызывают заметно более живой интерес у туристов, нежели тематические, касающиеся только лишь культовых, этнических или археологических и других памятников.

В настоящее время большую популярность набирает эколого-просветительская деятельность в Республике, и связано это с экологическим движением «Зеленая Алания». В октябре 2022 года администрация Цхинвальского района передала «Зеленой Алании» почти 70 га территории Ново-Куртинской сельской администрации (севернее г.Цхинвала – столицы РЮО). В будущем в планах «Зеленой Алании» – приложить все усилия по созданию базы развития экологического туризма на данной территории, а также закладка ботанического сада. В настоящее время в данном направлении идет поиск необходимых специалистов и спонсоров.

На территории будущего парка были высажены сибирские и корейские кедр. Организация «Кедр России» в рамках проекта «Кедр Родины» прислала для «Зеленой Алании» сибирские и корейские кедровые сосны, ели и лиственницы [5]. В результате активистами движения было высажено более 500 саженцев корейского и сибирского кедров.

С 2022 года «Зеленая Алания» проводит различные мероприятия на территории экопарка: например, однодневные походы с целью изучения местности, ее водных ресурсов, флоры и фауны, культурных достопримечательностей. В августе 2024 года в экопарке был организован экспериментальный эколагерь, в ходе которого проводились тренинги по экологическому образу жизни, основам самооздоровления, навыкам безопасности жизни на природе и др. В программу занятий помимо изучения флоры и фауны Южной Осетии, входило также обсуждение ее культурно-исторических достопримечательностей.

На территории экопарка находится Кехвская крепость XVII-XVIII вв., памятник культуры. Главная функция крепостного комплекса – защита от врагов. Абрис крепости свидетельствует о мощном укреплении, её месторасположение выбрано удачно: «Отсюда можно было вести наблюдение как по

руслу реки, где проходила главная дорога, так и обозрывать расположенные на западе и на севере горы» [6; с. 163].

Исторические сведения о Кехвской крепости можно найти в «Парижской хронике», согласно которой в XVI веке здесь был заточен грузинский князь Вахтанг Мухран-Батони, сторонник турок. Следовательно, крепость функционировала еще в XVI веке. Она строилась и расширялась на протяжении нескольких веков, к ней пристраивались башни, ограждения и т.д.

Башни Кехвской крепости незатейливы, лаконичны и суровы и лишены какой-либо вычурности и излишества, так как архитектурными приоритетами того времени являлись целесообразная простота и необходимая функциональность – то есть максимальная обороноспособность. Данное монументальное сооружение находится в полуразрушенном состоянии и требует консервации, комплекса профессиональных мероприятий, которые помогли бы предотвратить ухудшение состояния объекта.

Кехвская крепость, XVII - XVIII вв.

Организация этнолагеря на особо охраняемой территории с уникальным памятником культуры и истории оказалась удачным опытом гармоничного сочетания различных задач: создана успешная площадка, позволяющая формировать бережное отношение к природе на основе не только специально установленных правил поведения и существующих ограничений, но и живого интереса к объектам истории.

Все это позволяет рассматривать экологический туризм как комплексную форму туристской деятельности, включающую в себя активный отдых, экологическое просвещение и культурное развитие. Опыт Республики убедительно подтверждает верность утверждений специалистов: «Экотуризм в его комплексном понимании неразрывно связан с особо охраняемыми природными территориями (ООПТ), ценнейший ресурс которых – природный и культурный ландшафт, одновременно являющийся как «объектом», так и «средой», то есть, и объектом показа, и фоном, позволяющим более глубоко воспринимать памятники природы, истории и культуры. Особенно сильно эта черта проявляется на особо ценных территориях: музеях-заповедниках, национальных и природных парках» [7; с. 187].

Таким образом, РЮО располагает большим природным и культурно-историческим потенциалами, которые могут стать эффективным источником, базой развития туристической индустрии. Историко-культурное наследие Республики может и должно использоваться в современных реалиях жизни. При этом важнейшим фактором гармонизации работы является слаженный контакт туристических структур с организациями по охране культуры.

Отдельные виды туризма в Республике апробированы и находятся на стадии развития, но необходимы стабильная государственная поддержка туристической инфраструктуры, внимание на состояние дорог, на глэмпинг и кемпинг. В Республике пока не сформировалась выраженная государственная политика в отношении охраны памятников, а также развития туристической индустрии, проведения различных познавательных маршрутов различной направленности (экологической, исторической, этнографической и т.п.), способствующих практическому ознакомлению и распространению знаний о культурно-национальной самобытности, сохранению наследия прошлого. Разработка различных культурно-познавательных, эко- и этнотуристических маршрутов и троп способствует брендированию территории, популяризации наследия Осетии, развитию экономики, решению многих социальных проблем.

ЛИТЕРАТУРА

[1] *Дзагоев, Н. Г.* Минеральные воды Южной Осетии. – Москва : Тетру, 2009. – 272 с.

[2] Закон Республики Южная Осетия «Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народа Республики Южная Осетия» // Южная Осетия : [сайт]. – URL: <https://ugo-osetia.ru/politika/ofitsialno/zakon-respubliki-yuzhnaya-osetiya-7?ysclid=m6rjltq8i5345398404> (дата обращения: 16.01 2025).

[3] Названы самые востребованные виды туризма в России // Роскачество : [сайт]. – URL: <https://rskrf.ru/news/turizm-v-rossii> (дата обращения: 03.02 2025).

[4] Туристам интересны наши обычаи, традиции, наша кухня: Юрий Бетеев об этнодеревне // Рес: информ. агентство : [сайт]. – URL: <https://cominf.org/node/1166545098> (дата обращения: 22.01 2025).

[5] В пригороде Цхинвала «зеленые» высаживают кедр на территории экопарка // Sputnik. Южная Осетия: новостное агентство : [сайт]. – URL: <https://sputnik-ossetia.ru/20211031/v-prigorode-tskhinvala-zelnye-vysazhivayut-kedry-na-territorii-ekoparka-> (дата обращения: 22.01 2025)

[6] Закарая, П. П. Древние крепости Грузии. – Тбилиси : Мграни, 1969. – 280 с.

[7] Колбовский, Е. Ю. Ландшафтное планирование и экологическое проектирование в России: проблемы, возможности, рынок услуг : Ч. 2 // Ярославский педагогический вестник. – 2011. – № 1. – Т. 3: Естественные науки. – С. 185-189.

HISTORICAL AND CULTURAL HERITAGE AS A SOURCE OF FORMATION TOURISM INDUSTRY (EXAMPLE OF THE REPUBLIC OF SOUTH OSSETIA)

Gassieva Madina Alexandrovna,

PhD in Philosophy, Z.N.Vaneev South Ossetian Research Institute
under the President of the Republic of South Ossetia
(Tskhinval, Republic of South Ossetia)

Dzhioeva Dzerassa Apollonovna,

PhD in Philosophy, Associate Professor,
Gorsky State Agrarian University
(Vladikavkaz, Republic of North Ossetia-Alania)

Abstract. *This article examines the tourism potential of the natural, historical, and cultural sites of the Republic of South Ossetia. It identifies challenges in preserving cultural heritage and recognizing it internationally. It also substantiates the importance of utilizing historical and cultural assets for the development of the republic's tourism infrastructure overall, particularly for promoting various types of tourism, of which ethnic and ecological tourism, such as ecocamps, are currently being successfully developed.*

Keywords: *Republic of South Ossetia, historical and cultural assets, heritage, monuments, landmarks, territorial branding, tourism, ethnic tourism, ethnovillage, ecocamp, ecopark.*

© Гассиева М.А., Джioева Д.А., текст, фото, 2025
Статья поступила в редакцию 26.09.2025.

Ссылка на статью:

Гассиева, М. А., Джioева, Д. А. Историко-культурное наследие как источник формирования туристической индустрии (на примере Республики Южная Осетия). – DOI 10.34685/HI.2025.20.88.016. – Текст : электронный // Культурологический журнал. – 2025. – № 4(62). – С. 77-81. – URL: http://cr-journal.ru/rus/journals/727.html&j_id=66.

**ДУХОВНО-НРАВСТВЕННЫЕ ЦЕННОСТИ В КУЛЬТУРЕ ВОСПРИЯТИЯ
ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ СТУДЕНЧЕСКОЙ МОЛОДЕЖЬЮ
КАК СРЕДСТВО РАЗВИТИЯ ПАТРИОТИЗМА В КОНТЕКСТЕ ПЕНТАБАЗИСА
И ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ**

DOI 10.34685/HI.2025.35.34.014

Хилько Николай Федорович,
доктор педагогических наук, доцент,
старший научный сотрудник Сибирского филиала
Российского научно-исследовательского института
культурного и природного наследия имени Д.С.Лихачёва (Омск)
Email: fedorovch59@mail.ru

Горелова Юлия Робертовна,
кандидат исторических наук, профессор,
ученый секретарь Сибирского филиала
Российского научно-исследовательского института
культурного и природного наследия имени Д.С.Лихачёва (Омск)
Email: gorelovaj@mail.ru

Аннотация. В статье рассмотрено отношение современной студенческой молодежи в к Великой Отечественной войне как особому, значительному историческому событию, рассматриваемому авторами в рамках одного из элементов пентабазиса «страна-патриотизм» и с позиций духовно-нравственных ценностей России. В системе инструментов культуры восприятия Великой Отечественной войны студенческой молодежью памяти исходным звеном является развитие патриотизма как исходная часть ценностных принципов пентабазиса, испытывающая колоссальное влияние индивидуальной и коллективной исторической памяти.

Ключевые слова: духовно-нравственные ценности, восприятие Великой Отечественной войны, студенческая молодежь, патриотизм, историческая память, патриотические чувства, концепция пентабазиса.

Одной из ярких страниц героической истории России является память о подвиге народа в годы Великой Отечественной войны (далее – ВОВ). Именно поэтому изучение ценностных ориентаций студенческой молодежи о ВОВ является крайне актуальным, так как позволяет судить протекании процессов трансляции и сохранения историко-культурной памяти в российском обществе и, соответственно, о реализации на практике одного из значительных элементов – патриотизма и отношения к родной стране.

Актуальность проблемы обусловлена необходимостью повышения уровня духовно-нравственного сопровождения развития патриотизма молодежи как социальной группы высокой общественной активности. Процесс формирования патриотизма направлен на подготовку молодежи к активной общественной жизни, а также – обусловлен спецификой современной общественно-политической ситуации, на что неоднократно обращалось внимание в официальных государственных документах [1, 2].

Научная новизна заключается в том, что определены особенности отражения духовно-нравственных ценностей в развитии патриотизма и исторической памяти студентов как составной части пентабазиса, раскрытие через восприятие Великой Отечественной войны студенческой молодежью, инструменты развития патриотизма и сохранения исторической памяти студентов, критерии и показатели сохранения исторической памяти в ценностях патриотизма.

Проблема духовно-нравственного сопровождения патриотизма в системе ценностей раскрыта в современных исследованиях достаточно глубоко. Так, Л.А.Соколова рассматривает патриотизм как духовную ценность, имеющую исторические тенденции своего становления [3, с. 1].

В современных условиях становления гражданского общества, как отмечает Р.Р.Галиев, идет процесс формирования аксиологической системы, включающей как традиционные ценности народов Российской Федерации, исторические и национально-культурные традиции, так и новые духовно-нравственные ценности [4, с. 143].

На возможность воспитания патриотизма в ценностной составляющей справедливо указывают Е.А.Мацефук, и П.В.Разбегаев. Авторы акцентируют внимание на трактовке категории «патриотизм» как результате присвоения духовно-нравственных ценностей: Человек Цивилизации, Отечество и его защита, Человек труда и труд на благо Отечества, традиции, ответственность и гражданственность. Нельзя не согласиться с их мнением, что ценностное значение патриотизма «придает значение и смысл усваиваемым знаниям, нацеливает личность на активную деятельность в социуме» [5, с. 200].

Одним из ключевых элементов методологии исследования мы считаем мировоззренческую модель пентабазиса. Ее сущность состоит во влиянии эмоционально-образного видения базовых факторов и структур, определяющих мировоззрение российского общества, выступающих в качестве социальных векторов стабилизации, объединения и коллективной мотивации для выработки национальных стратегий в сфере «понимания базовых конструктивных ценностей в перспективе создания полноценного интегрального «общенационального кода», сформированного из интуитивных архетипов и образов». Рассматривая ценностное развитие патриотизма, С.Г.Абрамкина, В.В.Кулиш, Л.В.Рыжикова указывают на активизацию исторической памяти молодежи, особенно студентов педагогического вуза, которая будет способствовать формированию высокого патриотического сознания, чувства верности своему Отечеству, готовности к выполнению гражданского долга и конституционных обязанностей [6, с.17].

В то же время традиционную точку зрения на патриотизм высказывает Н.В.Ходякова, рассматривающая его как традиционную российскую духовно-нравственную ценность «в рамках целостности более высокого порядка – личностной патриотической позиции». При этом, по мнению автора, патриотизм имеет в своей основе социальные и личностные ценности, рассогласование которых требует «вдохновляющих образов патриотов (героев, выдающихся деятелей культуры и науки), а также образцы патриотических поступков и решений» [7, с. 116].

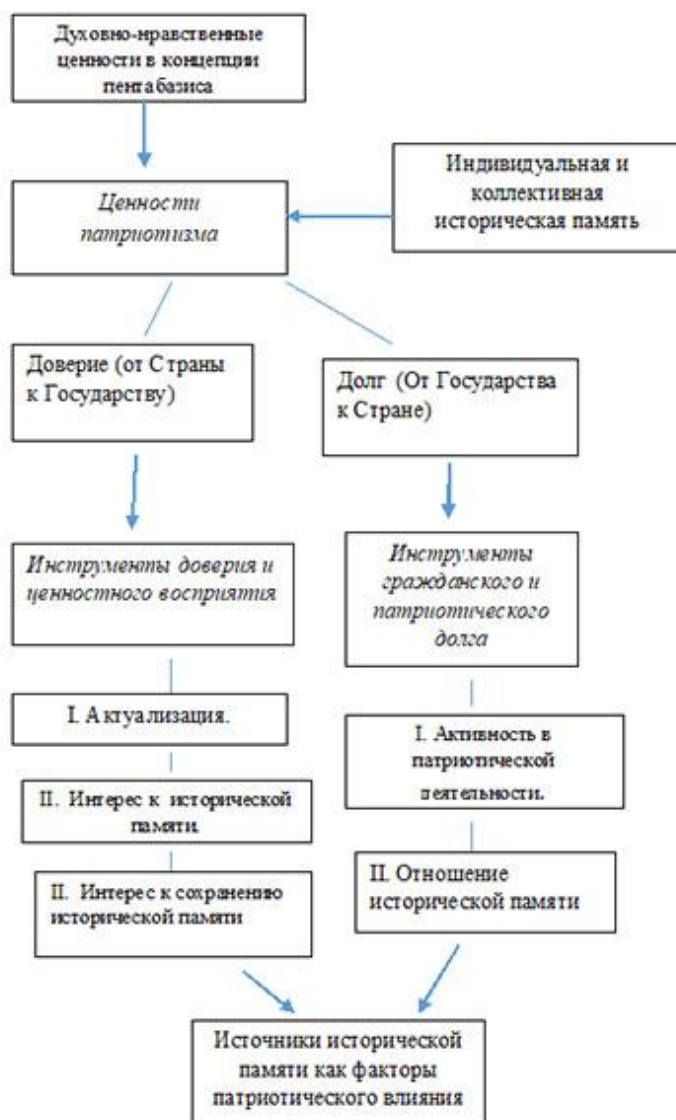
Проблема духовно-нравственных ценностей восприятия Великой Отечественной войны в представлениях студенческой молодежи как ресурса развития патриотизма и сохранения исторической памяти, включая развитие патриотических чувств в ценностных ориентациях современной молодежи, часто поднимается в научных трудах современных исследователей.

В исторической памяти аккумулируются индивидуальная память о прошлом и коллективная историческая память. При этом совокупность массовых представлений о прошлом отражается в образах исторической памяти как совокупный образ. В нашей работе использовался метод анкетирования, в котором приняли участие студентов факультета архитектуры Сибирской автомобильно-дорожной академии. На основе пяти критериев последовательно раскрывались образные представления студентов в сфере исторической памяти о Великой Отечественной войне: (1) значимость и актуализация исторической памяти, (2) интерес к Великой Отечественной войне и исторической памяти, (3) понимание исторической памяти, (4) активность в патриотической деятельности, ее образном отражении, следование патриотическим традициям и (5) отношение к исторической памяти и ветеранам Великой Отечественной войны.

Нам наиболее близка точке зрения, сформулированная Л.П.Репиной. Она соединяет в понятие «историческая память» коллективные и социальные, массовые представления о прошлом, трактуя последнюю как *социальную память* (в той степени, как она входит в историческое сознание общества и ее отдельных представителей), коллективную память (в той мере, в какой она включается в историческое сознание группы) или в целом – как совокупность массовых представлений социума об общем прошлом. Исходя из выше сказанного, представим понятие «образы исторической памяти». С

нашей точки зрения, под образами исторической памяти, возникшими в процессе получения молодыми людьми образования, формируется *устойчивый конструкт* совокупности стереотипов восприятия исторического прошлого, соединяющий в себе совокупность массовых представлений и образов. Его можно представить следующим образом (см. рис.):

Система инструментов культуры восприятия BOB
через сохранение исторической памяти
в проявлении духовно-нравственных ценностей
(концепция пентабазиса)

Очевидно, что среди инструментов сохранения исторической памяти исходным звеном является патриотизм как исходная часть ценностных принципов пентабазиса, испытывающая колоссальное влияние индивидуальной и коллективной исторической памяти. Ее проявление выглядит как Доверие (от Страны к Государству) и Долг (От Государства к Стране), что находит свое отражение в соответствующих инструментах доверия, а также гражданского и патриотического долга. К первым относятся: актуализация, интерес к исторической памяти и интерес к сохранению исторической памяти, ко вторым – активность в патриотической деятельности и отношение исторической памяти. При этом скрепляющим инструментом патриотически направленной деятельности будут источники исторической памяти как факторы патриотического влияния. В исторической памяти аккумулируются индивидуальная

память о прошлом и коллективная историческая память. При этом совокупность массовых представлений о прошлом отражается в образах исторической памяти как совокупный образ.

На данной теоретической основе нами были разработаны критерии и показатели сохранения исторической памяти в развитии патриотизма: значимость и актуализация исторической памяти, формирование исторической памяти через интерес к Великой Отечественной войне, сохранение исторической памяти, активность в патриотической деятельности, критерий восприятия исторической памяти в отношениях к исторической памяти и ветеранам Великой Отечественной войны.

Большинство опрошенных понимают, что Парад Победы проводят, чтобы почтить память погибших, ведь миллионы людей погибли, сражаясь за мирное небо и свободу. Большая часть опрошенных проявляют интерес к такому важному историческому событию, как Великая Отечественная война, стремятся сохранить память об этом и передать последующим поколениям.

Достаточное количество опрошенных студентов не имеют возможности поздравлять ветеранов Великой Отечественной войны с праздником, чуть меньшее количество студентов поздравляют, но только тех, с кем знакомы лично. Данные результаты свидетельствуют о понимании молодым поколением важности тех людей, которые отдали часть своей жизни войне. Приведенные критерии и показатели свидетельствуют о значимости Дня Победы, о стремлении к сохранению памяти о Великой Отечественной войне, об актуальности патриотической деятельности и ее образного отражения, о соблюдении патриотических традиций; важнейшее значение при этом имеет отношение к ветеранам.

Большая часть студентов узнали о Великой Отечественной войне от своих родителей. Семьи помнят об этом событии и передают своим детям высочайшие ценности, такие как патриотизм и любовь к своей Родине. Это историческая память о великом и трагическом событии нашего народа, которую нужно пронести через года.

При этом мнения, касающиеся структуры исторической памяти и источников ее формирования, как и позиции студентов разных специальностей расходятся в силу различного понимания гражданского и патриотического долга в составе ценностных принципов пентабазиса.

В целом результаты исследования показали, что культурная память не утрачена, молодое поколение позитивно оценивает героическое прошлое своего народа. При этом можно отметить превалирование эмоционально-аксиологического аспекта и недостаточную информационную просвещенность молодежи, что говорит о необходимости продолжения и активизации деятельности в области просвещения о событиях ВОВ и подвиге нашего народа.

Данное исследование перспективно в связи с тем, что есть немало ресурсов в развитии патриотизма молодёжи, сосредоточенных в раскрытии их патриотического потенциала через осознанное восприятие исторической памяти, построенное на соотношении живой и цифровой памяти.

1. Осознание и актуализация значимости исторической памяти проявлялась в представлениях студентов о том, что такое День Победы и каковы цели его празднования.

По показателю значимости и актуализации Дня Победы и исторической памяти о Великой Отечественной войне. Большая часть опрошенных считают, что День Победы — важное историческое событие (90,3%). Однако есть люди, которые считают, что это такой же праздник, как и все, а также дополнительный выходной. Относительно цели празднования Дня Победы преобладало следующее мнение. Подавляющее большинство (96,9%), ответили, что Парад Победы проводят для того, чтобы история страны, память о подвиге народа не была забыта, чтобы отдать дань памяти павшим в войне. Вместе с тем, примерно 0,6% ответили, что Парад проводится как веселое массовое мероприятие. Примерно 2,5% людей ответили, что они не знают, для чего проводится такое мероприятие, как Парад Победы.

Можно сделать вывод, что всё же большинство опрошенных понимают, что Парад Победы проводят, чтобы почтить память погибших, ведь миллионы людей погибли, сражаясь за мирное небо и свободу.

2. Знание и проявление интереса к Великой Отечественной войне и исторической памяти было выявлено на основе двух показателей: знания Дня Победы и форм его празднования.

Знание Дня Победы. Для проверки знаний о юбилее Победы был задан вопрос: «Сколько отмечается лет Победы в Великой Отечественной войне в 2025 году?» Большинство (92,3%) дали ответ — 80 лет. Эти данные говорят о том, что молодежь помнит дату Победы, историю; люди небезразличны. Однако небольшой процент (7,7%) ответили: 85 лет. В данном случае присутствуют пробелы в знаниях.

3. Интерес к сохранению исторической памяти был исследован на основе показателей интереса к исторической памяти вообще и проявлению конкретного интереса к военному периоду жизни ветеранов.

Интерес к исторической памяти вообще. Большинство опрошенных (81,6%) считают, что в учебных заведениях необходимо больше уделять внимание изучению информации о Великой Отечественной войне; 17,9% респондентов считают, что у школьников и студентов и так достаточно знаний о Великой Отечественной войне. Исходя из этого, можно сделать вывод о том, что большая часть опрошенных проявляют интерес к такому важному историческому событию, как Великая Отечественная война, стремится сохранить память об этом и передать последующим поколениям.

4. Активность в патриотической деятельности и ее образом отражении и следование патриотическим традициям была зафиксирована в градации семи форм активности.

4.1. Посещение патриотических музеев, выставок.

По результатам анкетирования, 71,4% с удовольствием проводят время в музеях и посещают выставки, посвященные Великой Отечественной войне.

4.2. Ношение георгиевской ленты: 86,5% респондентов ответили, что 9 мая они обязательно носят георгиевскую ленту.

4.3. Посещение Дня Победы. По результатам анкетирования, 56,6% опрошенных посещают в этот день парад ветеранов, 25,5% — посещают с друзьями салют, вручают ветеранам цветы. У 82,1% студентов есть среди родственников живые или погибшие участники Великой Отечественной войны, 17,9% утверждают, что среди их родственников таких не имеется.

4.4. Участие в акции «Бессмертный полк»: 75,8% респондентов ответили, что принимают участие в этой и делают это ежегодно. Так как голосование анонимное, можно предположить, что 6,8% студентов ответили (а что это такое?) несерьезно или они действительно не понимают, о чем речь.

4.5. Поздравление ветеранов: 31,6% респондентов ответили, что им некого поздравлять в День Победы; 27,6% сказали, что поздравляют с Днем Победы своих родных; 21,9% — поздравляют с Днем Победы своих знакомых; 18,9% — поздравляют ветеранов с Днем Победы только в качестве общественного поручения. Исходя из данных результатов, можно сделать вывод о том, что достаточное количество студентов архитектурного отделения Омского государственного автомобильно-дорожного института не имеют возможности поздравлять ветеранов Великой Отечественной войны с праздником, чуть меньшее количество студентов поздравляет, но только тех, с кем знакомы лично.

4.6. Участие в патриотических мероприятиях. Принимаете ли вы участие в мероприятиях, посвященных Великой Отечественной войне? Получен 191 ответ: 63,1% — «иногда» (это самый большой показатель), 28,2% — «очень часто», а остальные 8,7% — «в тех случаях, если ставят за это баллы». Мы видим, что большинство опрошенных активно участвуют в мероприятиях, интересуются этим памятным днем, но 63,1% ответили «иногда».

4.7. *Участие в волонтерском движении*: 71,9% опрошенных никогда не входили в состав группы волонтеров помощи ветеранам Великой Отечественной войны; 23,5% студентов были участниками группы волонтеров помощи ветеранам Великой Отечественной войны.

5. Отношение к исторической памяти и ветеранам Великой Отечественной войны проявилось как на эмоциональном уровне, так и в деятельностной форме: в отношении к празднованию этой памятной и священной даты, к символам и ветеранам Великой Отечественной войны.

5.1. *Эмоциональное отношение ко Дню Победы*: 62,6% опрошенных считают, что испытывают чувство гордости за свой народ (это 122 человека); 31,3% ответили, что для них это самый великий праздник и равному ему не будет; около 2% считают, что это просто радостный день. Таким образом, почти 94% считают это великим праздником, а также чувствуют гордость за свой народ, но есть 6%, которые не разделяют такого мнения. Чувства в отношении к 9 мая у большинства опрошенных положительные.

5.2. *Отношение к празднованию Дня Победы и перспективам дальнейшего празднования Дня Победы и к символам Великой Отечественной войны*. По результатам проведенного исследования, на вопрос о том, будут ли отмечать 9 мая через 50 лет, большинство респондентов ответили «обязательно» (44,4%). Второе место занял ответ «скорее всего, да» (39,8%). Затрудняются с ответом 8,2% опрошенных, и примерно такое же количество респондентов посчитали, что 9 мая через 50 лет перестанут отмечать.

Таким образом, примерно 80% опрошенных считают, что этот великий праздник не забудут спустя несколько десятков, а может, и сотен лет. Учитывая возраст респондентов, такой показатель достаточно хороший и свидетельствует о том, что студенты осознают важность и необходимость отмечать праздник 9 мая.

5.3. *Отношение к ветеранам Великой Отечественной войны*. По результатам проведенного исследования на вопрос о том, кем для опрашиваемого является ветеран Великой Отечественной войны, большинство респондентов, а именно 71,9%, дали ответ: «герой». Следующий по популярности ответ: ветеран Великой Отечественной войны — «живая история» (26%). Данные результаты свидетельствуют о понимании молодым поколением важности тех людей, которые отдали часть своей жизни войне. Несмотря на анонимность ответов, следует понимать, что определенная часть ответов может быть недостоверной, так как респондент мог выбрать наиболее благоприятный ответ из предложенных.

В ходе исследования были выявлены *пять источников образных представлений об исторической памяти*: родители, учебники, кино, свидетели военных событий, научные книги. Исходя из этого, можно сказать, что всё же большая часть людей узнали о Великой Отечественной войне от своих родителей. Семьи помнят об этом событии и передают своим детям высочайшие ценности, такие как патриотизм и любовь к своей Родине. Это историческая память о великом и трагическом событии нашего народа, которую нужно пронести сквозь года.

Приведенные критерии и показатели свидетельствуют о значимости Дня Победы, о стремлении к сохранению памяти о Великой Отечественной войне, об актуальности патриотической деятельности и ее образного отражения, о соблюдении патриотических традиций; важнейшее значение при этом имеет отношение к ветеранам.

ЛИТЕРАТУРА

[1] Указ Президента РФ от 9 ноября 2022 года № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей» // Президент России : официальный сайт. – URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/48502> (дата обращения: 24.10.2025).

[2] Указ Президента Российской Федерации от 19.12.2012 г. № 1666 «О Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года» // Президент России : официальный сайт. – URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/36512> (дата обращения: 24.10.2025).

[3] Соколова, Л. А. Патриотизм как духовная ценность // Вестник молодежной науки. – 2016. № 1. – С. 1-3. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/patriotizm-kak-duhovnaya-tsennost> (дата обращения: 24.10.2025).

- [4] Галиев, Р. Р. формирование духовно-нравственных ценностей и патриотизма в современной России // Социально-гуманитарные знания. – 2022. – № 5. – С. 143. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/formirovanie-duhovno-nravstvennyh-tsennostey-i-patriotizma-v-sovremennoy-rossii> (дата обращения: 24.10.2025).
- [5] Мацефук, Е. А., Разбегаев, П. В. Духовно-нравственные ценности как основа воспитания патриотизма // Мир науки, культуры, образования. – 2020. – № 4(83). – С. 200. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/duhovno-nravstvennye-tsennosti-kak-osnova-vospitaniya-patriotizma> (дата обращения: 24.10.2025).
- [6] Абрамкина, С. Г. Формирование гражданско-патриотической позиции студентов в условиях реализации воспитательного компонента подготовки будущих педагогов / Абрамкина С.Г., Кулиш В.В. Рыжикова Л.В. // Вестник АлтГПУ. – 2022. – № 52. – С. 17-23.
- [7] Ходякова, Н. В. Патриотизм как традиционная российская духовно-нравственная ценность и его воспитание // Академическая мысль. – 2023. – № 1(22). – С. 116. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/patriotizm-kak-traditsionnaya-rossiyskaya-duhovno-nravstvennaya-tsennost-i-ego-vospitanie> (дата обращения: 24.10.2025).

**SPIRITUAL AND MORAL VALUES IN THE CULTURE OF PERCEPTION
OF THE GREAT PATRIOTIC WAR BY STUDENT YOUTH
AS A MEANS OF DEVELOPING PATRIOTISM IN THE CONTEXT OF PENTABASIS
AND HISTORICAL MEMORY**

Khilko Nikolay Fedorovich

D. in Pedagogics, Full professor,
Siberian Branch of the Likhachev Russian Research
Institute for Cultural and Natural Heritage (Omsk)

Gorelova Julia Robertovna

PhD in History,
Academic secretary, Siberian Branch of the Likhachev Russian
Research Institute for Cultural and Natural Heritage (Omsk)

Abstract. *The article considers the attitude of modern student youth in the Great Patriotic War as a special, significant historical event considered by the authors within the framework of one of the elements of the pentabasis "country-patriotism" and from the standpoint of the spiritual and moral values of Russia. In the system of instruments of the culture of perception of the Great Patriotic War, student youth of memory, the initial link is the development of patriotism as the initial part of the value principles of pentabasis, which is greatly influenced by individual and collective historical memory.*

Key words: *spiritual and moral values, perception of the Great Patriotic War, student youth, development trends, patriotism, historical memory, patriotic feelings, the concept of pentabasis.*

© Хилько Н.Ф., Горелова Ю.Р., текст, 2025
Статья поступила в редакцию 22.08.2025.

Ссылка на статью:

Хилько, Н. Ф., Горелова, Ю. Р. Духовно-нравственные ценности в культуре восприятия Великой Отечественной войны студенческой молодежью как средство развития патриотизма в контексте пентабазиса и исторической памяти. – DOI 10.34685/HI.2025.35.34.014. – Текст : электронный // Культурологический журнал. – 2025. – № 4(62). – С. 82-88. – URL: http://cr-journal.ru/rus/journals/728.html&j_id=66.

**ОТДЕЛЬНЫЕ ИДЕНТИЧНЫЕ ПРИЕМЫ ИСПОЛНИТЕЛЬСТВА
В ВОКАЛЬНОМ, СКРИПичНОМ И ФОРТЕПИАННОМ ИСКУССТВЕ.
ВОКАЛИЗАЦИЯ. ИНСТРУМЕНТАЛИЗАЦИЯ**

DOI 10.34685/ИИ.2025.22.35.003

Авакян Мария Арменовна,
профессор Института «Академия имени Маймонида»
РГУ им. А.Н.Косыгина (Москва)
Email: marry-1@mail.ru

Чекменев Алексей Игоревич,
доцент Института «Академия имени Маймонида»
РГУ им. А.Н.Косыгина (Москва)
Email: vertekscom@gmail.com

Чекменева Регина Робертовна,
кандидат искусствоведения,
Институт «Академия имени Маймонида»
РГУ им. А.Н.Косыгина (Москва)
Email: r.budagyan@mail.ru

Аннотация. В статье проанализированы и выявлены основные схожие приемы исполнительства в вокальном, скрипичном и фортепианном искусстве. Определена роль для качественного и профессионального исполнения произведений ряда приемов исполнительства: *vibrato*, резонанция, дыхание, *legato*, вокализация – в скрипичном и фортепианном искусствах, инструментализация – в вокальном. Авторы анализируют идентичные приемы исполнительства, схожие методы реализации, говорят об определенном триединстве вокального, фортепианного и скрипичного искусства. Доказывают, что это наличие массы схожих черт и пересечений важно не только с художественной, но и с практической стороны исполнительских искусств.

Ключевые слова: вокальное искусство, скрипичное искусство, фортепианное искусство, профессиональное исполнительство, вокализация, инструментализация, *vibrato*, *legato*, резонаторы.

Начать данное исследование следует с идеи тесной взаимосвязи вокального, фортепианного и скрипичного искусств, реализуемой на протяжении нескольких столетий. Несмотря на объективную и зримую корреляцию трех видов искусств, отдельного исследования, посвященного своеобразному триединству, в настоящее время не обнаружено. Безусловно, существуют труды, основанные на специфике исполнения различных вокальных произведений под фортепианный аккомпанемент, их методико-исполнительского анализа, особенностях работы в концертмейстерском классе с позиции пианиста и вокалиста, организации интегрированного обучения вокалу и фортепиано с точки зрения анализа российского научно-педагогического опыта. Или же исследованию различных опер композиторов, в которых в непосредственной взаимосвязи выступают не только фортепиано и голос, но и скрипка, вся струнно-смычковая группа симфонического оркестра. Однако определенные методы игры и пения в триединстве вокального, фортепианного и скрипичного искусства до настоящего момента не были scrupulously проанализированы, что авторы и попытаются осуществить в данной работе.

Помимо этого в статье будут использованы и проанализированы такие общеизвестные понятия, как «вокализация» и «инструментализация», относительно вокального, фортепианного и скрипичного искусств.

Начнем с термина «вокализация». В музыкальном искусстве вокальная и инструментальная составляющие всегда шли в особой взаимосвязи друг с другом, что мы и отмечали ранее. Э.С.Алимова справедливо отмечает в своем исследовании: «Соединение двух способов музыкально-интонационного выражения – вокального и инструментального – уходит вглубь веков. В разных исторических, национальных и “персональных” (композиторских и исполнительских) претворениях эти начала взаимодействовали по-разному в трех логических вариантах: 1) паритетно; 2) с доминированием вокально-речевого истока; 3) с приоритетом инструментальной интонации» [1, с. 100].

Таким образом, можно заверить читателей, что в течение огромного количества времени происходит, своего рода, вокализация инструментальной музыки и инструментализация вокальной. Отметим, что широко известен термин «вокализация» относительно академического и эстрадного пения. Однако относительно инструментального исполнительства анализируемое понятие применяется исключительно в практической деятельности множества преподавателей и музыкантов. Тем не менее, вокализация инструментального начала какого-либо произведения является, пожалуй, одним из самых необходимых и важных критериев качественной и профессиональной игры. По этим причинам данный термин объективно заслуживает внимания со стороны современных исследователей. Именно по этим причинам данная работа отличается своей особенной актуальностью и практической значимостью.

Нередко, знакомясь с творчеством выдающихся преподавателей как предыдущего, так и нынешнего столетий, можно встретить в их речевом обиходе следующий тезис: «Исполнять произведение на инструменте необходимо ориентируясь на голос вокалиста». В данной работе мы будем исследовать творческую деятельность известных педагогов-инструменталистов по классам скрипки и фортепиано, выстраивать сравнительный анализ рабочего процесса как вокалистов, так и инструменталистов в части взаимообогащения и использования идентичных приемов игры и пения для достижения наилучшего результата исполнения какого-либо сочинения, роста и развития современного поколения музыкантов.

Исходя из исторической справки, а также особенностей преподавания скрипки в классах выдающихся мастеров XX столетия, отметим, что известный скрипач, педагог и дирижер Давид Федорович (Фишелевич) Ойстрах настоятельно рекомендовал своим студентам посещать Большой театр с целью прослушивания опер в исполнении профессиональных вокалистов. Часть его деятельности сводилась к тому, что скрипач запоминал звучание и тембр голоса певцов, а после спектакля во время собственных занятий всякий раз искал необходимый услышанный тембр на скрипке. Сам выдающийся музыкант вспоминал: «Идеалом была красота кантиленного пения крупных мастеров. До сих пор у меня в ушах Ариозо Мазепы в исполнении певца Большого театра Головина. Он меня потряс поразительным металлом в голосе. Я попытался тогда воспроизвести его звучание на скрипке. Мне близко звучание голоса таких певцов, как В.А.Атлантов, Ю.А.Мазурок» [2].

Известным трио является ансамбль Оборина, Ойстраха и Кнушевицкого. В посвященной ему статье К.Аджемова подчеркивалась гармоничность трио: «замечательная густая кантилена Кнушевицкого своим звуком, бархатистым тембром прекрасно сочеталась с серебристым звуком Ойстраха. Их звучание дополнял пением на рояле Оборин» [3, с. 147]. Автор также отметил, что деятельность трио имеет ценное просветительское значение, участники ансамбля следуют одному из главных жизненных правил музыканта, высказанным когда-то Шуманом: «Пользуйся всяким случаем играть что-либо сообща, как-то: дуэт, трио и т.п. Это сделает твою игру плавною, полною жизни, осмысленною...» [Там же, с. 148] В данном случае мы можем ярко убедиться в том, что Роберт Шуман в числе основных постулатов профессионального музыкального исполнительства называл плавность звука, его протяжность. Этот прием возможен не только при корректно выстроенном игровом аппарате, но и при богатом художественном и эстетическом воспитании музыканта, что и сводится к заветам Давида Фишелевича в части прослушивания профессиональных вокалистов скрипачами.

Участники ансамбля – Оборин, Ойстрах, Кнушевицкий всегда добивались полного слияния не только творческих намерений, но и богатства звукового выражения, чему объективно существенно способствовало ориентирование музыкантов-инструменталистов на академический вокал. Однако стоит отметить, что певческо-мелодическая природа струнно-смычковых инструментов, конкретно – скрипки, не сразу позиционировалась с этим инструментом. Как известно, «до XVI века в устной музыкальной практике струнные инструменты обычно сопровождали народные танцы при помощи моторного и звукоподражательного аккомпанемента» [4, с. 5]. Данные приемы используются в

народной музыке различных национальностей, в частности, у белорусов, цыган, поляков и многих других. Наряду с этим, скрипка используется и как народно-увеселительный музыкальный инструмент. Так, в Беларуси исторически скрипачи именовались как скоморохи, выполняя особо важную функцию в свадебном обряде. Традиционно цыганские мелодии, наряду с пронзительно печальными, основаны и на задорном ритме, виртуозных штрихах и приемах скрипичной игры. Однако и в академической скрипичной музыке также известны случаи звукоподражания, в творчестве – Никколо Паганини. Безусловно, существуют и другие особенно яркие ансамбли, в которых главным образом проявилась качественная и профессионально-певческая игра музыкантов на различных инструментах. Тем не менее, основная задача данной работы заключается в исследовании ориентиров вокализации и инструментализации в вокальном, скрипичном и фортепианном искусствах с технологической и практической сторон. По этой причине мы привели пример одного трио.

Что в данной работе мы характеризуем как вокализация инструментальной музыки? Каким образом данный прием реализуется в скрипичном и далее – фортепианном исполнительстве? Как же происходит инструментализация вокальной музыки? Отвечая на эти вопросы, отметим, что в скрипичной литературе присутствует огромное количество разнообразных сочинений, в числе которых и многообразие лирических, кантиленных образцов, иногда – драматических и даже трагичных. Сама природа инструмента безусловно способствует максимальному приближению его тембра к звучанию человеческого голоса в процессе игры того или иного произведения. Однако с технической точки зрения скрипачи особенно усердно обращают внимание на различные аспекты игры, которые не позволяют осуществить главную задачу – исполнение кантиленного сочинения посредством вокализации, то есть, пропевания каждого звука, насыщения его природы эмоциональным и художественным смыслами. В числе данных аспектов стоит выделить смены смычка у скрипача, смены струн, позиций, которые наиболее ярко ведут как к успешной реализации вокализации на инструменте, мелодической линии, так и к невозможности передачи необходимого звучания. Музыканту следует добиться неслышных смен, благодаря чему и приобретет актуальность указанный в начале этой работы инструментально-вокальный прием. Наряду с вышеназванными критериями скрипачу также необходимо добиться и плавного ведения смычка. Стоит отметить, что этот прием в скрипичном исполнительстве является одним из наиболее сложных. Всякий раз все свои занятия скрипачу необходимо начинать с упражнений на правую руку, что даст еще большую возможность в части контроля ведения смычка, реализации качественного тембра и звука.

Пример 1. Прием вибрато у вокалистов

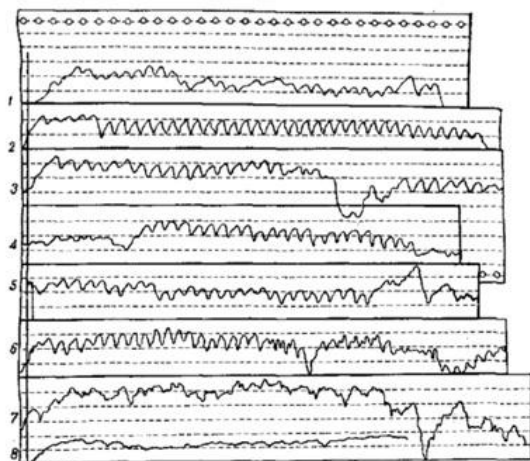

Рис. 28. Вибрато голоса мастеров пения и неопытных певцов, записанное при помощи самописца уровней электроакустических колебаний (по В. Морозову). 1. А. Пятти — колоратурные украшения в арии Нормы. Обращает на себя внимание строгая ритмичность и плавность («округлость») вибрато. 2. Т. Руффо — фраза из арии Риполетто. 3. Б. Джильи — заключительная фраза из романса Куртиса «Пой мне». 4. Н. Обухова — фраза из арии Далилы. 5. И. Козловский — заключительная фраза из песни Герцога. 6. С. Лемешев — фраза из песни «Когда я из почты служил ямщиком». 7. Неопытный певец — фраза из «Песни певца за сценой» (из оперы «Раффаэль»), хорошо видна неритмичность кривой вибрато и ее ломаный характер. 8. Слабо выраженное вибрато в голосе певца — мальчика 13 лет.

Источник: Дмитриев Л.Б. Основы вокальной методики (М., 1968)

Следующим, не менее важным критерием вокально-скрипичного исполнительства, является вибрация. Каждому скрипачу необходимо владеть различными видами вибрации для еще большей проникновенной передачи композиторского и собственного замысла. Указав все необходимые приемы скрипичной игры, отметим, что мы недаром используем в тексте такое понятие как вокально-скрипичное исполнительство. Вибрация, плавное ведение смычка/голоса, смены позиций/струн, тесситуры – присутствуют как в вокальном, так и скрипичном искусстве. **Вибрато** как у вокалистов, так и инструменталистов дает эффект «живого», «любящегося», протяжного и красивого звука. Для наглядности приведем пример из работы Л.Дмитриева «Основы вокальной методики» [13] (Пример 1).

Вибрато у вокалистов является одним из компонентов обертонового звучания. В процессе использования вибрато звук становится более богатым и полновзвучным. В данном случае стоит отметить тот факт, что не только у вокалистов звук становится более объемным в процессе использования вибрато: у струнников заполненный обертонами звук оказывается гораздо богаче так называемого «белого». Однако существует

множество примеров вокальных арий, скрипичных произведений, в которых музыканту необходимо реализовать именно белый звук, исходя из собственной и композиторской художественной концепции.

Любое звуковое колебание имеет форму волны. В вокале вибрато осуществляется посредством свободного мелко колеблющегося движения гортани на дыхании, а струнно-смычковые инструменты, например, делают вибрацию с помощью мелкого покачивания пальцем на грифе инструмента, либо кисти, локтя руки. Нахождение правильных колебаний занимает у обучающегося большое количество времени, так как механизм, особенно в пении, сложен в формировании и контроле (Пример 2).

Пример 2. Схема колебания струны и образования волн

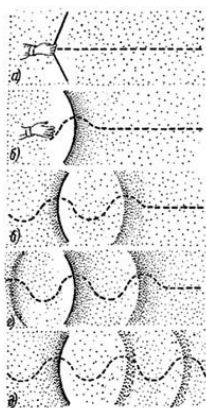

Рис. 1. Схема колебания струны и образования волн. Пунктирная линия — графическое изображение образующихся волн: а) струна оттянута, но воздушная среда еще спокойна; б) струна отпущена, появилась первая волна сгущения, на месте, где она была, образовалось разрежение; в) образование второй волны, идущей в обратном направлении, и второго разрежения; г) и д) образование последующих волн сгущения и разрежения. График дает периодическую кривую — синусоиду.

Источник: Дмитриев Л.Б. Основы вокальной методики (М., 1968)

В фортепианном исполнительском искусстве прием вибрации зачастую не используется музыкантами в силу специфики, устройства и природы самого инструмента, его строения. Безусловно, в лирических сочинениях или же побочных партиях какого-либо отдельного произведения пианист может использовать анализируемый прием, однако такого отклика, как это происходит в процессе исполнения на струнных инструментах или же в вокальном исполнительском искусстве, на фортепиано достичь не удастся. Тем не менее, в настоящее время можно встретить большое количество различных видеозаписей, на которых отчетливо заметно использование пианистами данного приема.

Существует, пожалуй, практически единственное кардинальное отличие вокального исполнительства

от инструментального, заключающееся в дыхании. Так, с временной точки зрения вокальные фразы короче из-за физиологической особенности организма человека. В то время как паузы/дыхание в скрипичном или фортепианном искусстве могут быть не ограниченными во времени. Отсюда понятно, по какой причине как предыдущее, так и нынешнее поколения педагогов-скрипачей ассоциируют звук инструмента с голосом. По этим причинам мы и актуализируем понятие *вокализация инструментального тембра*.

Выдающиеся представители скрипичного искусства, такие как Г.Телеман, А.Корелли, А.Вивальди, Дж.Тартини, Ф.Джеминиани, П.Локателли и многие другие также пропагандировали пение на инструменте. В частности, Телеман создал «Упражнения в пении, игре и генерал-басе» [5], в котором утверждал, что пение является основой инструментального исполнительства. Джеминиани требовал от всех скрипачей звучания, превосходящего по красоте человеческий голос. В своем учебном пособии «Искусство игры на скрипке. Трактат о хорошем вкусе» [6] он пишет, что главное достижение исполнительского искусства заключается в придании инструменту звука, способного соперничать с самым совершенным человеческим голосом. В то время как С.Е.Фейнберг, сравнивая дыхание певца с движением смычка скрипача, называет звуковедение на смычковых инструментах «видимым дыханием музыки» [7, с. 180].

Что же касается фортепианного исполнительского искусства, то и в процессе игры различных сочинений на рояле пианисты также применяют певчую манеру игры. В данном случае можно говорить о вокализации фортепианного исполнительства. Так, в исследовании С.Ю.Лысенко, В.В.Будникова отмечено: «“Пение”, выраженное в пластике кисти и рук, есть проприоцептивная синестезия (рецепция движения в пространстве). Имитация естественности вокальной фразы апеллирует к внутренним возможностям интероцептивных связей» [8, с. 65]. Играть и представлять в процессе исполнительства то, что поет певец, стало одной из основных ассоциаций для формирования правильной, выразительной мелодической линии в процессе игры на фортепиано. Такой критерий исполнительства является вполне закономерным, на наш взгляд, так как человеческий голос считают «совершенным музыкальным инструментом». К примеру, подобную мысль в своем труде также высказывает и И.И.Маторина: «Человеческий голос издавна считался единственным совершенным музыкальным инструментом, поскольку был способен воплотить слово в музыкальных звуках» [9, с. 18].

Далее хочется привести высказывания выдающихся пианистов, методами игры которых до сих пор пользуется огромное количество современных музыкантов. Так, К.Игумнов и Г.Нейгауз стремились вокализировать свое исполнительство на рояле, избирая данный критерий игры в качестве одного из главенствующих. Игумнов считал: «Пение – это главный закон музыкального исполнения, жизненная основа музыки» [10]. Нейгауз утверждал: «Я буду стремиться всеми силами и, несмотря на все препятствия, буду добиваться пения, пения и пения!» [11, с. 150] Среди не менее известных пианистов, стремившихся вокализировать свою игру, назовем С.В.Рахманинова, А.Рубинштейна, Ф.Шопена и др.

Наряду с сольными, оркестровыми произведениями для фортепиано композиторами создано и великое множество вокальных романсов, циклов и тетрадей данного жанра, которые написаны именно под аккомпанемент фортепиано. В некоторых из них вокальная партия зачастую противопоставляется фортепианной, мелодическая линия у вокалиста порой в точности повторяется и у пианиста. Таким образом, на наш взгляд, композиторы стремились, с одной стороны, дифференцировать два инструмента, а с другой – продемонстрировать их взаимодействие, вокально-инструментальный тандем.

Исходя из исключительно вокальной специфики исполнения, можно заверить, что сложный по своей физиологии и технике процесс заставляет певцов на протяжении нескольких лет оттачивать мастерство владения своим голосовым аппаратом. В частности, как инструменталисты ориентируются в своей игре на пение, так и вокалисты стремятся исполнять какие-либо сочинения, представляя звучание скрипки, конкретно – ведение смычка, и фортепиано, плавное и гладкое ведение мелодической линии. В настоящее время существует ряд фундаментальных компонентов в технике пения, без которых исполнитель не освоит вокальное мастерство в должной мере. Так, дыхание – вокальная опора, резонанс или резонанция, свободное пение.

Образовательный процесс вокального исполнительства состоит из постоянных поисков правильных и комфортных ощущений, «эталонного» звука. Дыхание – это естественный физиологический процесс жизнедеятельности организма человека. В музыкальном смысле дыхание представляет собой способ выражения мысли, которая может проявляться как в паузах, так и мелодической линии. Многие исполнители пренебрегают данным, не менее значимым аспектом вокального искусства, что перерастает в непонятное, лишённое всякого смысла исполнение сочинения. Вокалистам стоит прорабатывать музыкальный текст, обращая внимание на структуру построения мелодической линии произведения, его паузы, динамические акценты, выстраивание сильных и слабых долей. Множество современных певцов не используют в своей практической деятельности и такой прием, как проговаривание ритмических групп в виде слов и фраз «про себя». Однако все данные приемы способствуют улучшению качества исполняемого репертуара. Фактически можно сказать, что все данные методы игры и пения используют в своей деятельности не только вокалисты. Методом проговаривания нотного текста пользуются как скрипачи, так и пианисты. Выстраивание мелодической линии произведения относительно ее структуры, пауз, динамических акцентов – одна из важнейших особенностей ознакомления музыканта с произведением.

Еще одним общим компонентом вокального и инструментального исполнительства является реализация приема *legato*, которое как нельзя лучше отвечает запросам музыкантов с точки зрения вокализации инструментального начала и инструментализации вокального. Так, легатное пение достигается двумя составляющими – ровным дыханием и правильным вибрато. В инструментальной музыке ровное дыхание проявляется в грамотной фразировке, звуки должны динамически соразмерно звучать, а в исполнении присутствовать как логическое начало, так и завершение фразы.

Рассуждая над грамотным исполнением приема *legato* у струнных инструментов, конкретно – скрипки, стоит опять же привести пример занятий Д.Ф.Ойстраха. В своей педагогике музыкант пропагандировал исполнение гамм различными способами, отрабатывая звуковедение и плавность в правой руке. Одним из способов выработки полноценного звучания было продолжительное ведение смычка на половинные и целые длительности. Другим, не менее значимым приемом игры является длительное ведение смычка на различные динамические нюансы. В частности, у колодки смычок играет в нюансе *piano*, увеличивает нюансировку к середине и в конце также уходит на *pianissimo*. Музыкантам, на наш взгляд, стоит всячески отрабатывать данный прием, реализуя одну из отличительных особенностей струнного исполнительства – легатное звучание фразы, которое и способствует вокализации исполнения.

Помимо этого в фортепианном исполнительском искусстве *legato* служит связующе-образующим звеном. В частности, в своей статье «Речь на фортепиано» М.Г.Карпычев пишет: «Легато нужно прежде всего понимать как ментальную категорию, объединяющую сознанием пианиста ряд интонаций. Логика сцепления интонаций надежная предпосылка связной игры» [12, с. 15].

Еще одним важным компонентом, объединяющим как вокальное, так и инструментальное начала, является **резонанция**. Процесс резонанса представляет собой темброобразующий механизм. С помощью резонанса звук наполняется тем или иным набором обертонов, при котором голос или инструмент обретает свою индивидуальность и красоту. Резонанция происходит с помощью резонаторов, объема воздуха, заключенного в упругие стенки и имеющего выходное отверстие. Энергия звука, которая скапливается в пустых полостях, увеличивается и видоизменяется, выходя за их пределы, в результате чего дает слушателю уже измененный, более громкий по силе и обертоновый тембр голоса.

В голосовом аппарате имеется большое количество полостей и пустот, как неизменных (трахея, бронхи), так и тех, которые певец может сам менять в процессе голосообразования (полость гортани, глотки, рта, носоглотки). Резонирование также считается одним из технически сложных вокальных процессов по той причине, что мягкие ткани имеют огромное количество вариаций и форм в голосообразовании, и певцу приходится находить «золотую середину» в звучании.

У струнно-смычковых инструментов таким резонатором является, скорее, весь корпус инструмента, так как и деки, и подставка с грифом, и подгрифик – все начинает резонировать в процессе игры на инструменте, отдавая должное количество звука: деки направляют в пространство колебания от вибрации струн, подставка цепляет колебательные движения струн, дек и грифа. Таким образом, на струнно-смычковом инструменте действительно каждая деталь и часть корпуса является резонатором. По этим причинам множество музыкантов стремятся отыскать необходимый материал, из которого сделан как сам инструмент, так и все его части. Однако и исполнитель может искусственно вмешаться в процесс резонанции игры на скрипке, что проявляется в силе нажатия на смычок и струну.

В фортепианном исполнительском искусстве таким резонатором служит дека инструмента. Тем не менее, в современном фортепианном искусстве композиторы зачастую используют различные приемы, в которых резонатором начинают выступать поднятые демпфера. В частности, цикл фортепианных миниатюр «Макрокосмос» Дж. Крама создан для амплифицированного фортепиано, что представляет собой инструмент с увеличенными тембральными возможностями. Данным циклом композитор стремился продемонстрировать расширение привычных рамок традиционного инструмента, многообразие его технологических особенностей.

Завершая проведенный анализ, стоит отметить, что вокальное, фортепианное и скрипичное искусства с практической и педагогической точек зрения в течение нескольких столетий шли в тесной взаимосвязи. Это проявляется как в создании композиторами огромного количества различных циклов романсов, песен, множества сочинений для голоса и фортепиано, так и в синтезе триединства относительно оперного театра. В своей практике современные исполнители и преподаватели-инструменталисты, конкретно – скрипачи и пианисты, зачастую пользуются некоторыми приемами игры, пересекающимися с вокальным искусством, в числе которых выделяются *vibrato*, резонанция, *legato* и др. Также скрипачи и пианисты активно используют метод вокализации исполняемой мелодической линии, оборота, фразы. Абсолютно идентичная ситуация происходит и в вокальном исполнительском искусстве – то, что мы охарактеризовали как инструментализация.

Множество выдающихся исполнителей и преподавателей как предшествующих, так и нынешнего поколения с обеих сторон проявляли особенный интерес к деятельности коллег. В настоящее время преподаватели крупных средних и высших учебных музыкальных заведений страны также акцентируют внимание своих подопечных на следовании традициям советской скрипичной, фортепианной и вокальной школ.

ЛИТЕРАТУРА

[1] Алимova, Э. С. Генезис и «Пластовая» специфика феномена «Вокально-инструментальный ансамбль» // Южно-Российский музыкальный альманах. – 2019. – № 4. – С. 99-105.

- [2] Давид Ойстрах: Покоритель музыкального Эвереста // Точка ART : [сетевое издание]. – URL: <https://magazineart.art/theatre/david-ojstrah-pokoritel-muzykalnogo-jeveresta/> (дата обращения: 01.10.2025).
- [3] Аджемов, К. Трио Л.Оборин, Д.Ойстрах, С.Кнушевицкий // Музыкальная академия. – 1957. – № 5(222). – С. 146-148.
- [4] Ситдикова, Ф. Б. К вопросу о параллелях интонационно-выразительных характеристик скрипки и человеческого голоса // Вестник Башкирского университета. – 2010. – № 3. – Т. 15. – С. 2-7.
- [5] Телеман, Г. Ф. Упражнения в пении, игре и генерал-басе : [Репринт. изд.: *Telemann G.P. "Singe-, Spiel- und Generalbassübung"*. Berlin : Liepmannssohn, 1914.]. – Б.м., 2012.
- [6] Джеминиани, Ф. Искусство игры на скрипке. Трактат о хорошем вкусе : Учеб. пособ. / пер. с ит. ; изд. 5-е, стереотип. – Санкт-Петербург : Планета музыки, 2021.
- [7] Фейнберг, С. Е. Пианизм как искусство. – Москва : Классика-XXI, 2003. – 340 с.
- [8] Лысенко, С. Ю., Будников, В. В. Певучая манера игры на фортепиано как тембральная иллюзия: синестетический аспект // Вестник музыкальной науки. – 2019. – № 1(23). – С. 62-68.
- [9] Маторина, И. И. Проблема сакральности в творчестве Г. В. Свиридова // Проблемы музыковедения: история и современность. – 2015. – № 2(3). – С. 17-19.
- [10] Цит. по : Рабинович, Д. Выдающиеся музыканты: интервью и портреты : Константин Игумнов // E-musica : [электронная библиотека]. – URL: <https://www.e-musica.ru/book/101102016> (дата обращения: 01.10.2025).
- [11] Нейгауз, Г. Г. Об искусстве фортепианной игры : Записки педагога : 5-е изд. – Москва : Музыка, 1988. – 241 с.
- [12] Карпычев, М. Г. Речь на фортепиано // Вестник музыкальной науки. – 2018. – № 4(22). – С. 14-19.
- [13] Дмитриев, Л. Б. Основы вокальной методики : Учеб. пособие для муз. вузов. – Москва : Музыка, 1968. – 675 с. : ил., нот. ил.

SEPARATE IDENTICAL TECHNIQUES OF PERFORMANCE IN VOCAL, VIOLIN AND PIANO ART. VOCALIZATION. INSTRUMENTALIZATION

Avakyan Maria Armenovna,

Associate Professor, Institute "Maimonides Academy"
RSU named after A.N.Kosygin (Moscow)

Chekmenev Alexey Igorevich,

Associate Professor, Institute "Maimonides Academy"
RSU named after A.N.Kosygin (Moscow)

Chekmeneva Regina Robertovna,

PhD in Art History, Institute "Maimonides Academy"
RSU named after A.N.Kosygin (Moscow)

Abstract. *This article analyzes and identifies key similarities in performance techniques in vocal, violin, and piano. The role of a number of performance techniques in high-quality and professional performance is determined: vibrato, resonance, breathing, legato, and vocalization in violin and piano, and instrumentalization in vocal performance. The authors analyze identical performance techniques and similar methods of implementation, demonstrating a certain trinity between vocal, piano, and violin performance. They demonstrate that this multitude of similarities and intersections is important not only from an artistic perspective but also from a practical perspective.*

Keywords: *vocal art, violin art, piano art, professional performance, vocalization, instrumentalization, vibrato, legato, resonators.*

© Авторы, текст, ил., 2025
Статья поступила в редакцию 01.09.2025.

Ссылка на статью:

Авакян, М. А. Отдельные идентичные приемы исполнительства в вокальном, скрипичном и фортепианном искусстве. Вокализация. Инструментализация / **Авакян М.А., Чекуменов А.И., Чекуменова Р.Р.** – DOI 10.34685/NI.2025.22.35.003. – Текст : электронный // Культурологический журнал. – 2025. – № 4(62). – С. 89-96. – URL: http://cr-journal.ru/rus/journals/729.html&j_id=66.

**К ПРОБЛЕМЕ СЦЕНИЧЕСКОГО ВОЛНЕНИЯ
КАК ОДНОГО ИЗ АКТУАЛЬНЫХ ФАКТОРОВ
МУЗЫКАЛЬНО-ИСПОЛНИТЕЛЬСКОЙ ПРАКТИКИ**

DOI 10.34685/HI.2025.72.84.001

Парамонова Светлана Владимировна,
заслуженная артистка России, профессор
Московской государственной консерватории
имени П.И.Чайковского (Москва)
Email: harpmystery@gmail.com

Аннотация. Автор определяет основные предпосылки возникновения сценического волнения, выявляет определенные алгоритмы действий, которые должны быть соблюдены современными музыкантами для реализации качественной и продуктивной работы на сцене. Автор утверждает, что множество выдающихся музыкантов рубежа XX-XXI веков также испытывали в своей профессиональной деятельности сценическое волнение. Однако представители данной профессии научились находить в этом состоянии и плюсы, что всякий раз способствовало успешным концертным выступлениям. В настоящее время проблема сценического волнения в сфере музыкального исполнительства является одной из первостепенных. По этой причине данная работа отличается не только своей актуальностью, но и практической ориентированностью рекомендаций профессиональным музыкантам, преподавателям и студентам музыкальных учебных заведений по улучшению понимания происходящих на сцене процессов.

Ключевые слова: музыкальное исполнительство, сценическое волнение, психологическое состояние, страх сцены, неконструктивное самоистязание, методы преодоления волнения.

В современной музыкально-исполнительской практике проблематика сценического волнения оказывается чрезвычайно актуальной, проявляющейся как в сфере камерного, оркестрового исполнительства, так и, безусловно, сольного. Сценическое волнение возникает не только у обучающихся средних и высших учебных музыкальных заведений, но и у профессионалов, специалистов, занимающихся данным видом деятельности на протяжении нескольких десятилетий, что говорит о неоднозначности данного феномена, его сложности и в этой связи – возможности его исследования с позиции более глубокого изучения, уяснения определенных особенностей, характерных черт, с которыми сталкивается современный музыкант.

Множество ученых–искусствоведов, культурологов, практикующих музыкантов создают определенные алгоритмы действий, категории, необходимые для продуктивного и качественного исполнения того или иного сочинения на сцене. Современные профессора различных учебных заведений применяют в своей педагогической деятельности данные параметры для воспитания нового поколения музыкантов, регулирующих и контролирующих процесс сценического волнения. Среди исследователей-музыкантов стоит выделить В. Л. Леви [1], Г. Г. Нейгауза [2], Г. М. Цыпина [3], З. Фрейда [4], А. Г. Рубинштейна [5], Я. И. Мильштейна [6] и др.

Некоторые современные исследователи и музыканты сходятся во мнении, что сценическое волнение в обязательном порядке необходимо контролировать. Ни в коем случае не стоит начинать бояться сверх меры, то есть, бояться того, что начнешь бояться самого факта и предвосхищения этого ощущения, знакомого чувства и импульсивного, чрезвычайно эмоционального проявления переживаний. Таким образом, можно заверить читателей, что основным катализатором сценического волнения, его фундаментом выступает страх перед страхом.

Перед исполнением произведения, находясь в гримерке, за кулисами или на сцене, до взятия первого звука сочинения, нельзя вступать с собой в ненужные внутренние «диспуты», забирающие душевные силы, вызывающие духовное, моральное и художественное ни к чему хорошему не приводящее

истощение. Данное противоречие практически невозможно одолеть, об этом необходимо постоянно помнить и не позволять этому чувству и ощущению реализоваться.

Современные исследователи утверждают, что нейтрализовать сценическое волнение можно благодаря любому отвлечению, увлечению себя чем-либо иным, интересным, привлекательным, и «субъективно значимым, согревающим душу и улучшающим настроение. Необходимо не спорить, не опровергать, а утверждать. Не противостоять, а уходить обходным маневром в сторону. Не конфронтация, не война с самим собой, а мир» [7, с. 150].

Безусловно, каждый человек, в какой бы исполнительской, душевной, художественно-образной форме он ни был, попадает в зону повышенного психического напряжения и волнения, находясь как на пороге ответственного для своей жизни и карьеры события, так и в момент проведения публичного выступления, конкурса, фестиваля. В этот момент начинают возникать ненужные, мешающие мысли: «выползают на поверхность липкие страхи, состояние становится беспокойно-тревожным, словно почва начинает колебаться под ногами. Все это типичная симптоматика эстрадобоязни, которую не без оснований считают атрибутивным свойством артистической профессии» [Там же, с. 151].

Некоторые музыканты-исполнители в целях собственного успокоения и определенной разрядки считают необходимым в день концерта или накануне мероприятия найти возможность и время для успокоения, проведения саморегуляции своих чувств, использования различных психофизических приемов, способных настроить на конструктивную и продуктивную работу голову, руки, мышцы. Данные средства способствуют и защите себя от внутреннего «врага», ликвидации возможного вхождения с ним в прямое или непосредственное соприкосновение. Часть музыкантов говорят о необходимости введения в свою практическую деятельность физических занятий, занятий йогой, которые также упрощают, в какой-то мере, процесс сценического волнения, делают его более мягким, гибким, способствующим успешной реализации.

Однако самым важным фактором удачного преодоления сценического волнения является нейтрализация мучений и сокрушений относительно возникающих проблем со стороны собственного психического состояния, так как, «во-первых, внутренний дискомфорт от этого только усиливается, боль углубляется, душевный мрак сгущается. Во-вторых, явления, о которых идёт речь, вполне естественны» [Там же, с. 152]. Данные явления периодически возникают у каждого человека, так как актуальность приобретают разнонаправленные внутренние силы, стремления и побуждения. То есть, тезис, который мы приводили ранее относительно выискивания положительных аспектов сценического волнения, является вполне конструктивным и актуальным. Механизмы, срабатывающие в процессе возникновения сценического волнения, сплетаются между собой, взаимопроникают, образуя сложные психические соединения, происходящие на глубинных уровнях подсознания.

Еще одним, не менее важным фактором, влияющим на неконструктивное самоистязание относительно собственных музыкальных способностей в процессе игры на сцене, является меланхолия (грусть, чувство неудовлетворенности, трагедийность мироощущения). Все вышеперечисленные критерии могут как ухудшить процесс сценического волнения, так и настроить его на объективно-профессиональный лад. В частности, здоровое чувство неудовлетворенности собственной игрой влечет за собой постоянное развитие музыканта, его стремление к постижению глубин исполнительского мастерства. Однако этот факт, безусловно, может и пагубно сказаться на росте музыканта как профессионала, специалиста. Недаром множество выдающихся преподавателей рубежа XIX-XX столетий всячески приветствовали в процессе обучения своих студентов регулярные концертные выступления, выучивание сочинения на протяжении 2-3 месяцев с момента знакомства с музыкальным материалом, не больше. Впоследствии, спустя год или два, профессора предлагали своим подопечным вернуться к изучаемому ранее материалу. Как правило, выучив и дойдя до своего исполнительского максимума, сочинение, которое «отложили» на некоторое время, начинает звучать гораздо продуманнее, профессиональнее.

Навязчивые состояния способны настроить человека на самоуглубленность и самососредоточение, что также может как положительным, так и отрицательным образом сказаться не только на процессе сценического волнения, но и всем развитии музыканта в целом. Безусловно, представителям анализируемой профессии необходимо практиковать в своей деятельности самоуглубленность и самососредоточенность, так как данные факты способствуют максимальному раскрытию возможностей

музыканта. Тем не менее, благодаря этим качествам, если перестать контролировать их природу, в сознании исполнителя может возникнуть регулярная необходимость в проверке и перепроверке собственных способностей, усилий, возможностей, что приведет к большим недостаткам в работе.

Для полноты картины необходимо понимать, что процесс сценического волнения стал актуальным далеко не в наши дни. Задолго до XXI столетия множество выдающихся музыкантов уже не раз поднимали данный вопрос, пытаясь разобраться в ее структуре, стремясь научиться работать с этим чувством. Так, А.Г. Рубинштейн вспоминал, что в молодости в исполнительстве ему не доставляло проблем анализируемое понятие. Однако в дальнейшем ситуация кардинальным образом изменилась. Память стала подводить, опасения за нее усиливались с каждым разом. В результате данных особенностей музыкант начал испытывать и определенную робость, раздражительность, нервное состояние, неконтролируемое возбуждение во время игры, что и является сценическим волнением.

Другой, не менее известный музыкант, композитор и педагог С. Майкапар считал необходимым условием стабилизации сценического волнения точность и выровненность ритма. Композитор писал: «Плохой, неточный ритм, ничем не оправданные ускорения, недосчитанность пауз, длинных нот – все эти недостатки во время исполнения имеют еще ту особенность, что сами по себе вызывают <...> волнение; спокойствие и самообладание исчезают под влиянием этих неровностей и появляется именно то волнение, которое я назвал злым гением исполнителя. Таким образом, возникает своего рода “заколдованный круг”: игровая аритмия усиливает волнение; оно, в свою очередь, ведёт к дальнейшим ритмическим неточностям» [8, с. 176].

Конечно же, наряду с данными факторами, стабилизации сценического волнения способствует и правильно поставленное, упорядоченное дыхание. Неспособность контролировать собственное дыхание приводит к следующим последствиям: «учащается сердцебиение, усиливается напряженность, ужесточается “артистическая лихорадка”. Разумеется, далеко не каждый эпизод исполняемого произведения позволяет музыканту вспомнить о дыхании. Чаще всего исполнителю просто “не до этого”. Приучая себя сознательно в таких местах к медленному, равномерно глубокому дыханию уже в домашней работе, исполнитель в большой мере обеспечивает предотвращение неприятных и мешающих его творчеству приступов волнения на эстраде» [Там же, с. 168].

Как утверждал С. М. Майкапар, для того чтобы музыканту избежать сценического волнения, необходимо абстрагироваться от ситуации концертного выступления, по возможности, отвлечься от данных мыслей. Подобного мнения придерживался и В. Сафонов, который был уверен, что выполнение всего необходимого на сцене не зависит от профессионализма музыканта. Один из учеников пианиста вспоминал: «За два дня до экзамена нам работать строго запрещалось, а для того, чтобы кто-нибудь не соблазнился и не сел играть, Сафонов назначал у себя дома сбор всему классу в восемь часов утра. Сам он, как бы ни был занят, тоже на этот день освобождался.

На всех нас у него была заготовлена еда, и он вместе с нами отправлялся за город <...>. За городом мы проводили целый день, домой возвращались настолько утомленными, что никому и в голову не могло прийти сесть играть. Играли мы только на следующий день; вечером накануне экзамена была репетиция, а на следующий день – экзамены» [9, с. 143].

Такой выдающийся музыкант, как Ф. Шаляпин, также испытывал серьезное волнение, находясь на сцене. Исходя из слов вокалиста, он волновался даже в тех случаях, когда в сотый раз пел одну и ту же арию в театре. Некоторые исследователи утверждают, что возможной причиной такой реакции было не совсем удачное исполнение роли Руслана в Мариинском театре (1895 год). Безусловно, все мучения, происходившие с ним в этот момент, музыкант не мог забыть еще довольно продолжительное время: «Мне несколько дней после спектакля было просто совестно ходить по улицам и приходить в театр. Но нет худа без добра. У начинающего артиста есть очень опасные враги – домашние поклонники, которые настойчивыми голосами говорят ему об его необыкновенном таланте. Молодой артист теряет линию собственной оценки и начинает радоваться тому, что он представляет собою в искусстве нечто замечательное» [10, с. 85]. Вскоре вокруг Шаляпина стали разворачиваться бури восторгов, он оказался в центре всеобщего обожания. Однако музыкант не переставал испытывать особую душевную тревогу перед каждым выходом на сцену. Тем не менее, стоит отдельно упомянуть и тот факт, что в своих мемуарах Шаляпин не говорил о постоянных стенаниях по поводу сценического волнения. Вероятно, сцена без волнения уже не казалась ему настоящей сценой.

Все же, если Шаляпина сценическое волнение не мешало нести свой талант и трактовку произведения аудитории, но в истории музыкально-исполнительского искусства существуют примеры, когда музыканты претерпевали серьезные потери в аналогичных ситуациях. В частности, К. Н. Игумнов. Его ученик, Я. И. Мильштейн, писал, что Игумнов всю свою сознательную жизнь переживал серьезное сценическое волнение. Однако часть исследователей утверждают, что в данном случае могла свою лепту внести основная деятельность музыканта, конкретно – педагогическая. В современном искусствоведении бытует мнение, что педагоги чаще и больше концертирующих музыкантов испытывают сценическое волнение. Причиной тому могут быть абсолютно объективные факторы: преподавателей с большим интересом и увлечением слушают их ученики, пристально следят за каждым движением рук, мимики, дыхания. Помимо того, что ученики наблюдают за поведением педагогов на сцене, исполнением ими разнообразных сочинений, они также в кулуарах обсуждают своих преподавателей, комментируют их игру. Именно эти критерии и усложняют исполнение преподавателями на сцене любых произведений. Преподаватели априори должны быть на высоте на сцене, быть лучшими из лучших, их игра должна отличаться филигранной точностью, звуковой и виртуозной основой. По этим причинам возникает и повышенная нервозность, тревожность, особенное отношение к собственной игре. Сам К. Н. Игумнов говорил: «Ведь почему на эстраде бывает страшно? Потому, что думаешь: а вдруг не удастся! Волнуешься оттого, что боишься быть ниже себя. Быть ниже себя в присутствии и на глазах знакомых, коллег и, главное, учеников» [11, с. 174]. Тем не менее, Игумнов тут же отвечал на собственный вопрос: «Когда исполнение становится стандартизированным, то и волнения не бывает. Но будет ли такое исполнение живым – не знаю. Когда не ошибаются, то уже не живут» [Там же, с. 175].

Своеобразную переключку со словами Игумнова можно увидеть и в высказываниях Г. Р. Гинзбурга, который считал, что музыканту необходимо испытывать незначительное волнение перед сценой, иначе его игра превращается в спокойное и безответственное отыгрывание нот. Для Гинзбурга, собственно, как и для многих других музыкантов, необходимо было чувствовать реакцию зрителей на собственную игру: «Когда я играю на эстраде, мне может быть сначала трудно – я еще не разыгрался, а, главное, я еще не знаю – как ко мне слушатель относится» [12, с. 129]. Однако как только наступает момент связи музыканта со зрителями, актуальность приобретает своеобразный «ток», благодаря которому ощущения от сцены у музыканта резко меняются в лучшую сторону: «Волнение становилось страшно приятным, вы чувствуете, как любое ваше намерение, вот это звучание, эти образы – все это полностью доходит, вас до конца понимают, вам делается еще приятнее, и вы играете все лучше и лучше» [Там же, с. 130].

Успешность игры на сцене, по мнению С. И. Савшинского, определяется многими факторами, среди которых стоит выделить душевное состояние музыканта и его психологические установки. Безусловно, музыканту необходимо вдохновение. Однако, в большей степени оно необходимо творцу. В то время как для качественного исполнения сочинения на сцене музыканту нужно ярко чувствовать сочинение, правильно мыслить и уметь продуктивно работать. Два последних критерия должны быть основаны исключительно на творческом спокойствии, то есть, все чувства должны быть подчинены рассудку: «На какое-то время хозяином рабочего процесса становится анализ. Внимание с общего и целого переключается на частности. Значение каждой из них пианисту надо понять, каждую надо оглядеть, послушать и ощупать руками. Исполнение уступает место "деланию". Пианист уподобляется исследователю-ученому» [13, с. 105]. При этом постоянный контроль происходящего и внимание музыканта являются главными критериями в достижении итогового успешного результата.

Одновременно Савшинский отмечает, что «длительная сосредоточенность – нелегкая задача. Без интереса, дисциплины и умения она быстро ведет к утомлению» [Там же, с. 105]. По этим причинам даже на самом простом музыкальном материале исполнителю следует настраивать себя на самоотдачу: «отрешения от честолюбивых желаний и нетерпеливости расчета на обязательное преодоление всех трудностей, от надежды, что то или другое должно» [14, с. 130].

Определенное несогласие у Савшинского вызывал тезис Г. М. Когана, согласно которому «путь к точности лежит через ошибку» [15, с. 165]. Ленинградский пианист в своей монографии «Работа пианиста над музыкальным произведением» негативно высказывался относительно этого тезиса: «Как можно совместить боязнь случайных ошибок с их воспеванием до призыва: "Старайтесь ошибиться!"» [16, с. 129]. Однако музыкант не учел, что комментарий касался выработки «бросков» в процессе отработки виртуозности пассажа, воспитанию навыков автоматизации.

Исходя из всего вышесказанного, стоит отметить, что настоящий артист должен быть всегда готов импровизационно откликнуться на механические и акустические свойства инструмента, зала, отреагировать на происходящее и предпринять ряд действий, которые способствуют еще большему улучшению звучания произведения на сцене. Сценическое волнение не является исключительно негативной частью музыкально-исполнительского процесса. Оно необходимо для реализации художественной мысли, трактовки произведения, сценического поведения музыканта. Однако современным исполнителям необходимо контролировать данный процесс, учиться овладевать им, находить определенные критерии для регулирования происходящего на сцене. Нынешнему поколению музыкантов не стоит забывать, что множество выдающихся музыкантов – их предшественников всякий раз, выходя на сцену, испытывали сценическое волнение. Тем не менее, они научились находить в этом состоянии и плюсы, выявили для себя определенный алгоритм действий для успешного выполнения собственного видения произведения на сцене. И их бесценный опыт – отличное подспорье для лучшего понимания процесса сценического волнения.

ЛИТЕРАТУРА

- [1] *Леви, В. Л.* Искусство быть собой. – Кемерово : Кн. изд-во, 1978. – 222 с.
- [2] *Нейгауз, Г. Г.* Об искусстве фортепьянной игры. – Москва : Музыка, 1958. – 300 с.
- [3] *Цыпин, Г. М.* 15 бесед с Евгением Светлановым. – Москва : Рус. музыка, 1995. – 142 с.
- [4] *Фрейд, З.* Леонардо да Винчи. – Ленинград : Аврора, 1991. – 119 с.
- [5] *Рубинштейн, А. Г.* Литературное наследие : 2 т. – Москва : Музыка, 1983. – 22 с.
- [6] *Мильштейн, Я. И.* Вопросы теории и истории исполнительства. – Москва : Сов. композитор, 1983. – 262 с.
- [7] *Цыпин, Г. М.* Психология сценического волнения // Развитие личности. – 2012. – № 3. – С. 149-168.
- [8] *Майкапар, С. М.* Музыкальное исполнительство и педагогика. – Челябинск : МРП, 2006. – 224 с.
- [9] *Алексеев, А. Д.* Русские пианисты. – Москва ; Ленинград : Мос. гос. кон-рия им. П.И.Чайковского, 1948. – 314 с.
- [10] *Шаляпин, Ф. И.* Маска и душа. – Москва : АСТ, 2023. – 231 с.
- [11] *Мильштейн, Я. И.* Константин Николаевич Игумнов. – Москва : Музыка, 1975. – 471 с.
- [12] *Гинзбург, Г.* Статьи. Воспоминания. Материалы. – Москва : Музыка, 2015. – 423 с.
- [13] *Савшинский, С. И.* Режим и гигиена работы пианиста. – Ленинград : Сов. композитор, 1963. – 119 с.
- [14] *Савшинский, С. И.* Пианист и его работа. – Ленинград : Классика-XXI, 2002. – 239 с.
- [15] *Коган, Г. М.* Работа пианиста : методические рекомендации. – Москва : Классика-XXI, 2004. – 201 с.
- [16] *Савшинский, С. И.* Работа пианиста над музыкальным произведением : учеб. пособ. – Москва : Классика-XXI, 2004. – 189 с.

TO THE PROBLEM OF STAGE ANXIETY AS ONE OF THE IMPORTANT FACTORS IN MUSICAL PERFORMANCE PRACTICE

Paramonova Svetlana Vladimirovna,
Honored Artist of Russia, Full professor,
P.Tchaikovsky Moscow State Conservatory (Moscow)

Abstract. *The author identifies the main causes of stage fright and identifies specific action algorithms that modern musicians must follow to ensure high-quality and productive performance on stage. The author argues that many outstanding musicians of the turn of the 20th and 21st centuries also experienced stage fright in their professional work. However, musicians in this profession have learned to find advantages in this condition, which has consistently contributed to successful concert performances. Currently, the problem of stage fright in musical performance is a priority. For this reason, this work is distinguished not only by its relevance but also by the practical focus of its recommendations for professional musicians, teachers, and students of music schools on improving their understanding of the processes occurring on stage.*

Keywords: *musical performance, stage fright, psychological state, stage fright, unconstructive self-torture, methods for overcoming stage fright.*

© Парамонова С.В., текст, 2025
Статья поступила в редакцию 22.09.2025.

Ссылка на статью:

Парамонова, С. В. К проблеме сценического волнения как одного из актуальных факторов музыкально-исполнительской практики. – DOI 10.34685/ИИ.2025.72.84.001. – Текст: электронный // Культурологический журнал. – 2025. – № 4. – С. 97-102. – URL: http://cr-journal.ru/rus/journals/730.html&j_id=66.

**СУДЬЯ ХОЛДЕН, ГЕРОЙ «КРОВАВОГО МЕРИДИАНА» К.МАККАРТИ,
КАК КУЛЬТУРНЫЙ КОД АБСОЛЮТНОГО ЗЛА**

DOI 10.34685/HI.2025.47.46.002

Плешанов Алексей Владимирович,
аспирант, Санкт-Петербургский гуманитарный
университет профсоюзов (Санкт-Петербург)

Аннотация. В статье изложены результаты социокультурного феноменологического анализа образа Судьи Холдена, представленного в романе-антивестерне К.Маккарти «Кровавый меридиан», как культурного кода абсолютного зла в контексте развития научных представлений о трикстерах войны и их места в современном мире. По мнению автора, образ Холдена представляет собой специфическую разновидность культурного архетипа трикстера. Холден – это трикстер войны, который использует хаос как инструмент для утверждения собственной философии, при этом для выражения гиперболы всеобщего зла наделен сверхъестественными чертами. Раскрыты особенности психологического типа Судьи, аргументированы причины отклонения от юнгианского архетипа трикстера, рассмотрены лики Холдена как воплощения аморального исследователя, который отвергает любые ограничения. Проведен анализ привлекательности танца Судьи как выразителя внешне привлекательной абсолютной власти над другими. Уточнена природа философии мира и войны Судьи Холдена, показано, что антигерой меняет само восприятие войны, которая для него представляет сакральный акт, который определяет сущность человеческого существования. Предложены проекции образа Судьи Холдена на сегодняшний мир, представлены соображения по поводу борьбы с трикстерами войны, их современными апологетами и прочими последователями.

Ключевые слова: трикстер, философия насилия, абсолютное зло, Судья Холден, культурный код абсолютного зла, Кормак Маккарти, Кровавый меридиан.

Одной из центральных тем философии, искусства и культурологии на протяжении веков был и ныне остается вопрос о природе зла и его роли в человеческой культуре. Литературные образы, воплощающие абсолютное зло, неизменно вызывают глубокий исследовательский (профессиональный) и широкий общественный интерес, выступая зеркалом для осмысления пределов человеческой морали, свободы и ответственности.

Судья Холден (англ. Judge Holden), персонаж романа Кормака Маккарти «Кровавый меридиан» (опубликован в 1985 г.), представляет собой весьма примечательный образец радикального, почти метафизического воплощения зла, которое выходит за пределы привычных этических категорий. Фигура Холдена (далее также – Судьи) становится особенно значимой в контексте постмодернистской культуры, характеризующейся отказом от универсальных истин и размыванием границ между добром и злом. Глубокое научное осмысление образа Холдена позволяет исследовать не только природу зла, но и более широкие культурные феномены, такие как насилие, власть и хаос.

В контексте анализа социокультурных процессов архетип Холдена – трикстера войны характеризуется особой познавательной ценностью. В эпоху глобальных кризисов, а также стремительных и мало предсказуемых социальных трансформаций изучение трикстеров войны – фигур, которые одновременно разрушают и создают – позволяет предложить развитие научных представлений по поводу механизмов формирования новых культурных смыслов. Судья Холден как трикстер войны воплощает хаотическую энергию разрушения, которая в то же время становится основой для переосмысления культурных кодов. Культурологический анализ его образа позволяет решить ряд исследовательских вопросов, также относящихся к предмету философии, психологии, политических и социальных наук о природе трикстерства в контексте войны и насилия: может ли зло быть самоцелью или оно всегда выступает инструментом? Как абсолютное зло соотносится с понятием хаоса и порядка

в культуре? А также о том, каким образом постмодернистская культура преобразует традиционные мифологические архетипы (включая трикстера) в ответ на вызовы современности.

Целью настоящей статьи выступает проведение социокультурного феноменологического анализа образа Судьи Холдена, представленного в романе-антивестерне К. Маккарти «Кровавый меридиан», как культурного кода абсолютного зла в контексте развития научных представлений о трикстерах войны и их места в современном мире.

Прежде всего, необходимо в наиболее общих чертах раскрыть сущность социокультурного феномена трикстера. Трикстер – это архетипический персонаж, присутствующий в мифологиях и фольклоре большинства культур мира. Его сущность амбивалентна: он одновременно разрушитель и создатель, нарушитель правил и их реформатор [1; 2; 3]. Как указывал Леви-Стросс, трикстер является медиатором между противоположностями – порядком и хаосом, сакральным и профанным [4]. В современной культуре трикстерская функция усложняется: трикстеры становятся фигурами, которые отражают кризис идентичности, моральную амбивалентность и фрагментацию постмодернистского мира. Следует отметить, что образ Судьи Холдена у Кормака Маккарти в «Кровавом меридиане» выступает радикальной интерпретацией анализируемого архетипа: Холден не только нарушает правила, но и утверждает собственную философию насилия как универсального закона бытия.

Феномен трикстера выступает ярким примером культурного контекста социальной жизни. Трикстер тесно связан с культурным контекстом той эпохи, в которой он возникает [5; 6], он всегда отражает внутренние противоречия общества: его страхи, надежды и скрытые конфликты. Как отмечал М.Бахтин в исследованиях карнавальской культуры, фигуры нарушителей порядка (включая трикстеров) выполняют важную социальную функцию – они позволяют обществу переосмыслить свои нормы и ценности через смех или ужас [7].

В работе И.А.Шуховой [8] обращается внимание на то, что трикстер как «смеховая стихия» отражает социальную систему общества, выполняет специфические социальные функции и значимым образом влияет на трансформацию социокультурной системы.

К феноменологии трикстера войны обращаются отдельные западные ученые, при этом глубокий социологический анализ в предметной области на сегодня, по существу, не представлен. Т.Кэллахан [9] полагает, что хотя трикстер бывает вредоносным, по своей природе он исключительно наивен. С этим утверждением не соглашается Дж. Эллер, отмечая, что трикстер может быть наделен божественной природой и потому, порой, не выполняет свое назначение, а сам конструирует реальность, в том числе политическую [10]. Трикстер в мифологии, по У.Хайнсу [11], провоцирует или, наоборот, предотвращает войну, посылает ложные сигналы обществу, создает хаос и разрушение.

Фигура Судьи Холдена из «Кровавого меридиана» К.Маккарти – один из наиболее примечательных и ярких образов трикстера в послевоенной зарубежной литературе. При этом социокультурные исследования данного романа на русском языке крайне немногочисленны, соответствующие пробелы лишь отчасти устраняются работами представителей смежных отраслей. Исследователь-филолог из Беларуси А.Карпиевич признает грандиозность и описывает фигуру Холдена, воспринимаемого не иначе как бога войны [12]. Интерес представляет работа российского филолога С.В.Вихровой, в которой персонаж Холдена, помимо прочего, рассматривается через комплекс библейских ассоциаций и аллюзий [13]. В исследовании упомянутого автора, имеющем культурологическую направленность, [14] показана роль Холдена в отражении культа непрерывной всеобщей войны, провозглашаемой им вслед за Гераклитом.

В работах зарубежных авторов содержится несколько более глубокий анализ «Кровавого меридиана», определенное внимание уделяется рефлексии роли и философии ключевого антагониста романа К.Маккарти.

У Р.Хатфулла [15] мы встречаем подробное описание фигуры Холдена как вредного злодея; автор проводит параллели с образами шекспировских героев, констатируя, что конкретной пользы от этого персонажа для других героев романа нет и не может быть по определению, однако куда более важными выступают те выводы, которые сделает читатель. Дж. Мастерс выделяет следующие роли

Судья Холдена: это не только трикстер, но и этнограф, и Адам (первочеловек, совершивший грехопадение) [16]. В то время как У.Сэйерс определяет Холдена не иначе как инфантильным демиургом, определяя в качестве конструктора в некоторой мере детско-наивной, но в то же время крайне злобной, какой может только быть эгоистичная агрессия плохо социализированного ребенка, реальности мира, живущего в постоянном конфликте [17]. С.Ярбро интерпретирует идею автора следующим образом: мир ужасен, хаотичен, и рано или поздно каждому из нас доведется повстречаться с Судьей Холденом [18]. Наконец, М.Маркс определяет Холдена как омнисущего персонажа, вездесущность которого раскрывает мифологию наличия множества параллельных миров – эти миры, однако, связаны негативной сущностью – материей, поддерживающей неуклонное стремление общества к вооруженному разрешению конфликтов, в том числе не имеющих никаких объективных оснований и сколь-угодно продуктивной природы [19].

Несмотря на относительную распространенность исследований образов героев романа «Кровавый меридиан» в зарубежной, прежде всего американской, научной литературе, соответствующие работы носят преимущественно литературоведческий характер, инструменты и методы культурологического анализа образа Холдена не применяются, погружение в содержательные аспекты феномена трикстера войны в целом не наблюдается.

Следовательно, имеется острая необходимость проведения углубленных исследований трикстера войны на примере образа Судьи Холдена, изучения отражения культурного кода абсолютного зла в одном из знаковых произведений современной литературы, и динамизма кода военного трикстера во времени и в пространстве, в том числе в отражении в обществе постмодерна, с характерной утратой ценностных ориентаций и психологической устойчивости к патогену войны.

Основными концептуальными подходами к подготовке настоящего исследования выступили архитипическая концепция К.-Г.Юнга, карнавальная концепция М.Бахтина, постструктуралистская теория Ж.Дериды. Методы исследования включают социокультурный, концептуальный и феноменологический анализ.

Предварительно выделим основные характеристики объекта исследования.

Судья Холден как культурный архетип трикстера. Необходимо отметить, что Судья Холден в романе «Кровавый меридиан» является воплощением архетипа трикстера, при этом в его наиболее темной и разрушительной форме, практически лишенной «типичной» амбивалентности образа трикстера. Трикстер, согласно мифологическим и культурным исследованиям, – это фигура, разрушающая устоявшийся порядок и создающая хаос, но при этом обладающая способностью к созданию новых смыслов и порядков. Судья Холден, будучи фигурой одновременно демонической и почти божественной, разрушает привычные границы между добром и злом, порядком и хаосом. Он играет роль медиатора между этими полюсами, но его действия не несут созидания в традиционном понимании; они направлены на утверждение насилия как фундаментального закона бытия. Это «созидание» рассматривается в качестве такового только на индивидуальном уровне, в буквальном смысле «в глазах смотрящего». Подобно библейскому падшему ангелу, ставшему предводителем зла, созидание Холдена нельзя рассматривать в общекультурном смысле – но для него творимое им же будет именно, и не иначе как, созиданием.

Холден – это трикстер войны, который использует хаос как инструмент для утверждения собственной философии. Для выражения гиперболы всеобщего зла Судья у Маккарти наделен сверхъестественными чертами: физическое описание (огромный рост, полное отсутствие волос) и загадочные способности (он говорит на множестве языков, имеет энциклопедические знания, никогда не стареет) подчеркивают инфернальную природу Холдена (возможно, он бес, или дьявол собственной персоной?). Как истинный трикстер, Судья Холден нарушает все мыслимые моральные и социальные нормы, однако делает это с абсолютной уверенностью в своей правоте, превращая насилие в своего рода ритуал.

Особенности психологического типа. Как известно, с точки зрения юнгианской психологии, трикстер представляет собой архетип, связанный с тенью – бессознательной частью психики, на уровне которой скрыты подавленные желания, страхи и агрессия. Можно сказать, что Маккарти удается воплотить в

образе Холдена эту тень в коллективном масштабе. Судья Холден является зеркалом человеческой природы, показывая её наиболее темные стороны: жажду власти, стремление к господству через насилие и абсолютное пренебрежение моральными нормами.

Холден – это еще и воплощение аморального исследователя, который отвергает любые ограничения. Его интеллектуальная мощь и способность манипулировать другими демонстрируют исключительно глубокое понимание человеческой психики. Как трикстер, Судья использует свои знания для разрушения любых иллюзий о морали или прогрессе. Амбивалентная природа Холдена также проявляется в том, что он одновременно привлекает и отталкивает людей: он харизматичен и красноречив, но его действия вызывают искренний и неприкрытый ужас.

Юнг описывает трикстера как фигуру, которая разрушает старые структуры, чтобы создать пространство для нового. Однако у Холдена (за пределами крайне специфической внутренней морали) в общепсихологическом смысле отсутствует созидательный аспект: он разрушает ради самого разрушения. Философия насилия позволяет именовать Холдена не иначе как архетипическим воплощением хаоса.

С психологической точки зрения особый интерес представляет феномен танца Холдена. Маккарти описывает сцену танца как момент почти гипнотического обаяния: парадокс объясняется харизмой Холдена, в наиболее полной мере описывающей его как трикстера. Несмотря на свою разрушительную природу, Судья обладает способностью привлекать людей своей энергией и уверенностью. Танец становится символом его власти над другими: он манипулирует ими не только через страх, но и через очарование. Танец Судьи также символизирует его роль медиатора между порядком и хаосом. Холден способен – и готов – раскачивать равновесие в любую сторону с максимальной силой, но делает это не ради выгоды или мести, а потому что это соответствует его природе исследователя и носителя войны.

Природа философии мира и войны. Философия Судьи Холдена основана на утверждении насилия как фундаментального принципа существования. В одном из своих монологов он заявляет: «война — это Бог» [20]. Для Холдена война – это просто социальный феномен или инструмент достижения каких-либо политических целей; в его понимании война как вершина реализации неурегулированного, и порой слепого социального конфликта, является основополагающей силой мироздания. Холден утверждает, что через насилие человек обретает свою подлинную свободу и власть над миром.

Бесстрастное отношение Холдена к насилию делает его абсолютным злом. Судья не испытывает ни жалости, ни сочувствия; его действия лишены эмоциональной окраски, что формирует образ, в общечеловеческой системе ценностей хуже любого демона или дьявол; его inferнальная природа проявляется первоочередным образом в том, что он видит себя выше человеческой морали: он считает себя судьей и вершителем судеб.

Каково же влияние Холдена на природу войны в микровселенной Маккарти? Персонаж меняет само восприятие войны. Для Судьи Холдена война – это не просто конфликт интересов или борьба за ресурсы; это сакральный акт, который определяет сущность человеческого существования. Холден утверждает, что тот, кто избегает насилия, теряет право на существование. Блум [21] сравнивает Холдена с шекспировским Яго; его предназначение и сакральная миссия состоят в разжигании конфликта, в котором будет отражаться ничтожность претящего ему бытия. Однако речь идет не о выявлении пороков и наказании негодяев; конфликт – это упорядоченность мира в понимании таких Судей, это точка приложения сил, к которым должно стремиться мироздание.

Влияние Холдена на войну проявляется как открыто (через прямое участие в актах насилия), так и скрыто (через манипуляцию сознанием других). Судья использует язык и философию для оправдания своих действий, превращая войну в неизбежный элемент человеческой природы – однако вопрос о том, *действительно* ли война соответствует человеческой природе, Маккарти оставляет открытым. Важно не только прийти к верным выводам с точки зрения общечеловеческих и индивидуальных, даже экзистенциальных ценностей. Важно понимать, почему трикстеры войны существуют и множатся в современном мире и как этому противостоять. В особенности в условиях, когда в стремительных цифровых трансформациях стираются последние грани между личным и общественным, войны переходят в кибернетическое и психологическое пространство специальных операций, а множество

граждан и, в особенности, представители подрастающего поколения утрачивают понимание между реальным и виртуальным, – в последнюю сферу, крайне двусмысленную и практически непрерывно трансформирующуюся, постепенно перетекает все социальное общение.

Анализируя все вышесказанное, отметим, что поставленная в настоящем исследовании проблема, касающаяся конкретного литературного героя, выходит далеко за эти рамки, что служит более широкому пониманию роли трикстеров в формировании культурных нарративов.

В литературном образе Судьи Холдена мы имеем дело с трикстером войны – фигурой, которая воплощает разрушительную силу насилия как неотъемлемую часть человеческой природы. Его действия выходят за рамки морали и рациональности, что делает его не просто персонажем, а символом определенного культурного состояния. В постмодернистском контексте Холден становится метафорой утраты универсальных ориентиров: его философия разрушает старые мифы о добре и зле, оставляя вместо них хаос.

Образ Судьи Холдена со всей справедливостью можно (и необходимо) проецировать на современные проблемы, включая, прежде всего, глобальные (геостратегические) и региональные конфликты (военно-политические, государственные перевороты, гражданские войны), распространение терроризма и экстремизма, а также кризис морали, нравственности и упадка традиционных ценностей. В мире, где границы между добром и злом становятся всё более размытыми, фигура Холдена напоминает о том, что насилие продолжает оставаться частью человеческой природы. Аналоги Судьи могут быть найдены как в реальной жизни (лидеры авторитарных режимов, манипуляторы общественным сознанием), так и в современной литературе и кино (как тот же Антон Чигур – персонаж из другого романа Маккарти «Старикам тут не место» (2005 г.).

В условиях ведения гибридных войн третьего десятилетия XXI века проблема трикстерства и разрушительных социокультурных типов представляется как никогда актуальной и острой. Для многих наших современников война, притом вполне реальная, будь то локальные или региональные конфликты, перестает быть той конкретной жесткой и трагической реальностью, которой является, становясь в большей степени игрой и забавой.

Речь идет, безусловно, в том числе о пресловутых «диванных воинах», которые, несмотря на всю кажущуюся безобидность своих действий, вносят значительный вклад в разрушительные информационные войны и информационно-психологические специальные операции. Но также стоит отметить и наличие целого пласта солдат – классических и новых «игроков с судьбой». Наемничество в XXI веке получает максимально широкое распространение, вновь став масштабной проблемой глобального уровня, притом речь идет о существенных трансформациях мотивов наемничества, от идейных и/или корыстных до безрассудно-игрового [22; 23].

Нельзя не учитывать и то обстоятельство, что в современных военных конфликтах все большую роль играют нетипичные методы ведения войны, как посредством атак и разведывательных действий с помощью беспилотных летательных аппаратов (БПЛА). Операторы БПЛА – вчерашние (или даже сегодняшние) юноши и девушки – геймеры, которые из компьютерных игр принесли не только практические навыки, но и некоторое бесстрашие перед ужасами войны, неосознанную жажду крови и восприятие жизни, которую можно «поставить на паузу» или, «сохранившись», многократно прожить заново. Война-игра становится страшным оружием, пропагандистским и рекрутинговым.

Интерес в предметной области представляют и «ястребы войны», прежде всего политики и общественные деятели, всегда и везде поддерживающие военные нарративы, «кормящиеся» войной и только в ней усматривающие свое благополучие – те самые трикстеры, как Холден, для результативного (если таковое вообще возможно) противоборства которым исключительно важно глубоко проникнуть в философию Судьи Холдена, понять, почему разрушение для него – это внутренняя убежденность в единственно верном пути (механизме) упорядочения хаоса.

Безусловно (и сколь тривиальными не казались бы представленные рекомендации), результативная борьба с трикстерами войны требует осознания их природы. Необходимо разоблачать манипуляции трикстеров и противостоять их философии насилия через утверждение ценностей гуманизма и

сотрудничества. И в данной связи исключительно важную роль играет образование каждого индивида и *образованность общества*: только через понимание механизмов насилия можно преодолеть его влияние, даже столь навязчивое, устойчивое и по-своему привлекательное, как у трикстеров – демонических разрушителей. Современные социальные институты и продуктивное культурное влияние (в том числе посредством реализации государственной культурной политики) должны быть направлены на предотвращение условий, которые способствуют появлению подобных фигур трикстеров войны. Это, прежде всего, социальное неравенство, политическая нестабильность и культурная фрагментация. Именно данные проблемы в социокультурном плане становятся истинно глобальными и требуют первоочередного разрешения, чтобы не дать обществу окончательно впасть в хаос.

В заключение можно констатировать, что образ Судьи Холдена у К.Маккарти – это архетипический трикстер войны, который воплощает абсолютное зло через утверждение насилия как универсального закона бытия. Как трикстер войны он одновременно разрушает старые культурные коды и формирует новые смыслы. Критическое культурологическое научное осмысление этого трикстера позволяет исследовать фундаментальные вопросы человеческой природы: насколько глубоко укоренено зло в культуре, каково место морали, а также традиционных, общечеловеческих ценностей в мире хаоса?

Фигура трикстера войны, столь метко представленная в образе Холдена, безусловно, актуальна в нынешние времена. Образ Судьи Холдена служит напоминанием каждому из нас о том, что насилие продолжает быть неотъемлемой частью человеческого существования. Однако изучение подобных фигур трикстеров абсолютного хаоса также открывает пути к осмыслению способов преодоления насилия через образование, диалог и утверждение общечеловеческих ценностей. Холден – это предупреждение о том, что отказ от морали ведёт к разрушению не только общества, но и самой человеческой сущности. И крайне важное напоминание о том, как, играючи, конструируются конфликты и войны в социокультурном постмодерне.

ПРИМЕЧАНИЯ

- [1] Carroll, M. P. The trickster as selfish-buffoon and culture hero // *Ethos*. – 1984. – Vol. 12. – No. 2. – P. 105-131.
- [2] Doueiri, A. Trickster: On inhabiting the space between discourse and story // *Soundings*. – 1984. – Vol. 67. – No. 3. – P. 283-311.
- [3] Vizenor, G. Trickster discourse // *American Indian Quarterly*. – 1990. – No. 2. – P. 277-287.
- [4] Lévi-Strauss, C. The structural study of myth // *The Journal of American folklore*. – 1955. – Vol. 68. – No. 270. – P. 428-444.
- [5] Гаврилов, Д. А. Трюкач. Лицедей. Игрок : Образ трикстера в евроазиатском фольклоре. – Москва : Ганга, 2009. – 285 с.
- [6] Bassil-Morozow, H. The trickster and the system: Identity and agency in contemporary society. – Routledge, 2014. – 208 p. – DOI 10.4324/9781315758107.
- [7] Бахтин, М. М. Литературно-критические статьи. – Москва : Худож. лит., 1986. – 541 с.
- [8] Шахова, И.А. Трикстеры как фактор социальной трансформации общества // *Общество: социология, психология, педагогика*. – 2022. – № 8. – С. 62-67.
- [9] Callahan, T. Devil, trickster and fool // *Mythlore*. – 1991. – Vol. 17. – No. 4(66). – P. 29-36.
- [10] Eller, J. D. The Trickster: A Political Theology for Our Time // *Socio-Historical Examination of Religion and Ministry*. – 2023. – Vol. 5. – No. 1. – P. 44-67.
- [11] Hynes, W. J. Mapping the characteristics of mythic tricksters : A heuristic guide // *Mythical trickster figures: Contours, contexts, and criticisms* / Ed. by William J. Hynes and William G. Doty. – Univ. of Alabama Press, 1993. – P. 33-45.
- [12] Карпиевич, А. А. Модификация «Великого американского романа» в романе Кормака Маккарти «Кровавый меридиан» // *Мова і література ў XXI стагоддзі: актуальныя аспекты даследавання : матэрыялы VI Рэсп. навук.-практ. канф. Мінск, 12 сак. 2021 г.* – Мінск : БДУ, 2021. – С. 315-319.
- [13] Вихрова, К. А. Война была всегда: «миф о границе» в романе К.Маккарти «Кровавый меридиан» // *Филологические науки. Вопросы теории и практики*. – 2021. – Т. 14. – № 5. – С. 1396-1401.
- [14] Вихрова, К. А. Возрождение через (не)насилие: культурная травма границы в романе К.Маккарти «Кровавый меридиан» // *Филология и культура*. – 2022. – № 3(69). – С. 70-75. – DOI 10.26907/2074-0239-2022-69-3-70-75.

- [15] *Hatfull, R.* 'Some Scurrilous King': Judge Holden and the Spectre of Shakespeare's Monarchs in *Blood Meridian* // *Postgraduate English: A Journal and Forum for Postgraduates in English*. – 2017. – Vol. 35. – P. 1-27.
- [16] *Masters, J. J.* "Witness to the Uttermost Edge of the World": Judge Holden's Textual Enterprise in Cormac McCarthy's *Blood Meridian* // *Critique: Studies in Contemporary Fiction*. – 1998. – Vol. 40. – No. 1. – P. 25-37. – DOI 10.1080/00111619809601562
- [17] *Sayers, W.* Cosmic Egg and Infant Demiurge: Antecedents of McCarthy's Judge Holden (*Blood Meridian*) // *ANQ: A Quarterly Journal of Short Articles, Notes and Reviews*. – 2024. – Vol. 37. – No. 3. – P. 450-455. – DOI 10.1080/0895769X.2023.2204365.
- [18] *Yarbrough, S. D.* Tricksters and lightbringers in McCarthy's post-appalachian novels // *The Cormac McCarthy Journal*. – 2012. – Vol. 10. – No. 1. – P. 46-55.
- [19] *Marks, M.* The omnipresent character and possible worlds theory: the case of Judge Holden in Cormac McCarthy's *Blood Meridian* // *Inscriptions*. – 2024. – Vol. 7. – No. 1. -- DOI 10.59391/inscriptions.v7i1.201.
- [20] *Маккарти, К.* Кровавый меридиан, или Закатный багрянец на западе = Закатный багрянец на западе / Кормак Маккарти ; пер. с англ. И.Егорова. – Санкт-Петербург : Азбука, 2013. – 379 с.
- [21] *Turner, E.* The Authentic American Apocalyptic Novel – Harold Bloom on *Blood Meridian* // *Biblioklept* : [сайт]. – URL: <https://biblioklept.org/2010/09/30/the-authentic-american-apocalyptic-novel-harold-bloom-on-blood-meridian> (дата обращения: 04.10.2025).
- [22] *Песьяков, С. А.* Наемничество как игра: феномен популярности «солдат удачи» в массовой культуре // *Ярославский педагогический вестник*. – 2019. – №. 3. – С. 163-167. – DOI 10.24411/1813-145X-2019-10430.
- [23] *Gorin, M.* Gamification, Manipulation, and Domination // *The Philosophy of Online Manipulation*. – Routledge, 2022. – P. 199-215. – DOI 10.4324/9781003205425.

JUDGE HOLDEN, THE HERO OF MCCARTHY'S BLOOD MERIDIAN, AS A CULTURAL CODE OF ABSOLUTE EVIL

Pleshanov Alexey Vladimirovich,

Postgraduate student,
Saint-Petersburg University of the Humanities
and Social Sciences (Saint-Petersburg)

Abstract. *The article presents the results of the socio-cultural phenomenological analysis of the image of Judge Holden, presented in the anti-western novel Blood Meridian by K. McCarthy as a cultural code of absolute evil in the context of the development of scientific ideas about war tricksters and their place in the modern world. The research methods include socio-cultural, conceptual and phenomenological analysis. It is argued that the image of Holden represents a specific type of cultural archetype of the trickster. Holden is a war trickster who uses chaos as a tool to assert his own philosophy, while endowed with supernatural features to express the hyperbole of universal evil. The features of the psychological type of the Judge are revealed, the reasons for deviation from the Jungian archetype of the trickster are argued, and Holden's faces are considered as the embodiment of an amoral researcher who rejects any restrictions. The analysis of the attractiveness of the Judge's dance as an expression of outwardly attractive absolute power over others is carried out. The nature of Judge Holden's philosophy of peace and war is clarified, it is shown that the antihero changes the very perception of war, which for him is a sacred act that determines the essence of human existence. Projections of the image of Judge Holden on the modern world are proposed, considerations are presented regarding the fight against tricksters of war, their modern apologists and other followers - "armchair warriors", mercenaries and operators of unmanned vehicles who have not emerged from the stage of game addiction, as well as the all-consuming power of war hawks catalyzing modern hybrid military-political conflicts, taking into account their occurrence to a large extent in virtual space.*

Keywords: *trickster, philosophy of violence, absolute evil, Judge Holden, cultural code of absolute evil, Cormac McCarthy, Blood Meridian.*

Ссылка на статью:

Плешанов, А. В. Судья Холден, персонаж «Кровавого меридиана» К.Маккарти как культурный код абсолютного зла. – DOI 10.34685/НН.2025.47.46.002. – Текст : электронный // Культурологический журнал. – 2025. – № 4(62). – С.103-110. – URL: http://cr-journal.ru/rus/journals/731.html&j_id=66.

**ФОРМУЛА ВЫЖИВАНИЯ: ВОЕННАЯ ПОВСЕДНЕВНОСТЬ
В БИОГРАФИЧЕСКИХ ТЕКСТАХ СИБИРСКОГО СОЛДАТА Ф.Е.ТОКАРЕНКО**

DOI 10.34685/HI.2025.56.70.013

Фурсова Елена Федоровна,
доктор исторических наук,
ведущий научный сотрудник
Института археологии и этнографии СО РАН (Новосибирск)
Email: mf11@mail.ru

Аннотация. В статье впервые привлечено к исследованию биографическое повествование о Великой Отечественной войне автора рукописи «Моя родословная» Федора Ефимовича Токаренко (1911–2003), который пишет о выпавших на его долю душевных и телесных испытаниях на грани выживания. Из текста предстает личность автора как патриота, глубоко любящего свою родину и народ, верящего в справедливость возмездия врагам Отечества, как бы пафосно это не звучало. В статье показано, что автобиографичный нарратив есть воспроизводство прошлого опыта в новых обстоятельствах, в которых этот опыт оказался востребован.

Ключевые слова: рукопись, Ф.Е.Токаренко, Великая Отечественная война, военная повседневность, формула выживания, автобиография, воспоминания о войне.

Автобиографические записи сельского жителя пос. Кулунда Алтайского края Федора Ефимовича Токаренко включают несколько рукописей: «Моя родословная», «Страницы моей жизни» (ксерокопия рукописи), «Солдат сибиряк», которые были изучены в Архивном отделе администрации Кулундинского района и получены в ходе экспедиций 2018 г. в Алтайском крае [1]. В данной статье мы привлекаем в качестве ранее не публиковавшегося источника рукопись «Моя родословная», судя по бумаге и внешнему виду тетрадей они были написаны в 1980–1990-е гг., последние записи относятся к 2001 г. Обратимся к той части рукописи, где автор пишет о первых месяцах Великой Отечественной войны и своем пути на линию фронта в Ленинградскую область. В статье воспроизводится авторское написание текста рукописи с незначительными поправками для удобства чтения.

Воспоминания участников, простых солдат, необходимо публиковать, во-первых, потому что они были непосредственными свидетелями, хотя очевидно, что такое мнение субъективно и отражает личный опыт. «Народные историки» в своих биографиях, воспоминаниях, дневниках сообщали информацию не из официальных источников, официозов, а то, что видели сами. Хотя автор и указал текст как биографическая повесть, он, по сути, является автобиографичным и содержит указания на конкретных людей, места передвижения и пр. Во-вторых – чтобы история была «доброй учительницей» и «хранительницей от повторения ошибок».

Жители алтайского села Кулунда – преимущественно потомки переселенцев из юго-западных губерний Российской империи начала XX в. [2, с. 20], хорошо помнили, как они впервые услышали новость о нападении Германии на Советский Союз 22 июня 1941 г. Обычно при разговоре любые воспоминания о войне начинаются с того воскресенья и памяти о первых минутах известия, всей сопутствующей обстановки, когда запомнились детали, необычные факты. Не исключением в этом плане стал и Ф.Е.Токаренко, который писал об этом моменте: «В воскресенье вечером 22 июня 1941 года население Кулунды смотрело кинокартину “Богдан Хмельницкий”. Выходя из театра, мы услышали радио: война. Люди замерли на месте, когда радио затихло люди стояли не смели двигаться, потом молча стали расходиться. В ту ночь мало кто спал, каждый думал: свои думы, своё горе, свои надежды на то, кто спасет страну и народ от фашистской чумы, напавшую на нашу страну. Одни надеялись на родного отца Сталина, другие на мощь Красной армии, третьи на наш русский народ, который не раз защищал свою землю от иноземного захватчика, своей грудью и кровью, не жалея своей жизни. Я присоединился к третьей группе, народ и полководцев рождает» [1, л. 60].

Автор рукописи сосредоточился на событиях личной жизни и своем восприятии всего происходившего с ним и его друзьями, знакомыми и просто встречными людьми. Несмотря на то, что в повествовании Федор Ефимович не касался политики, одно утверждение все-таки он не смог не высказать. В частности, он пытался опровергнуть распространенное мнение о том, что народ шел воевать «за Сталина». Токаренко высказывался резко отрицательно о роли Верховного главнокомандующего Вооруженными силами Союза СССР (до сентября 1945 г. – *Е.Ф.*) как по вопросу подготовки к войне, так и об организации военных действий, особенно в первые месяцы: «Тогда как Сталин наоборот уничтожал лучших людей в коллективизацию, в Ежовщину, перед самой войной уничтожил лучшие военные кадры и даже рядовых офицеров, оголив полки и дивизии, военная техника оставалась на уровне гражданской войны: штык и сабля. В этом я убедился, как офицер запаса, находясь на военных сборах, о которых тут же описую. Все подтвердилось в ходе отечественной войны да хвастовством Сталина, что в будущей войне будем бить врага только на его территории. Только народ и его народные полководцы спасли Россию от гибели» [1, л. 58].

После осеннего призыва 1941 г. автор описывает события, демонстрирующие плохую подготовленность, общий беспорядок, отразившийся, в том числе, и на отсутствии планов по доставке мобилизованных солдат – вчерашних хлебопашцев – в пункты назначения. Когда поезд увез из Кулунды новобранцев, то только через неделю их погрузили в вагоны в Барнауле и доставили в Новосибирск, откуда направление было взято на запад до станции Лепихинская Приволжской железной дороги (Саратовская область). От станции километров 10-15 люди шли до села, которое когда-то было немецким, но «казалось мертвым, с него ушли все, грызуны и птицы, в домах остались стены и крыши да колодины, в которых сохранялась вода». Поскольку люди, пишет автор, до войны жили небогато, то хорошую одежду оставили дома, предвидя, что все свое придется все равно выбрасывать, так как сразу выдадут форменную одежду. Однако, в силу трагичных для Токаренко и его односельчан обстоятельств, они оказались брошены на произвол судьбы: «Начальники собрали нас у пустой школы объявили, что на этом месте будет формироваться авиадесантная бригада, сюда прибудет командования и военная техника, а мы уезжаем <...> ночью бежали, увезли с собой все наши документы. Мы остались без всяких средств к существованию и без единого документа кто мы» [1, л. 60-61].

При попытке выжить люди стали искать остатки еды по пустым амбарам, сараям, токам, огородам, фермам, где сохранились небольшие запасы прелого зерна. Группы объединялись по территориальному принципу: например, кулундинцы тоже разместились в одном доме. «Мы пожилые смотрели за молодыми, чтобы они не ели недоваренное прелое зерно и не злоупотребляли перееданием опасной пищи. Командования все не было, все это наводило ужас на нас, что мы сибиряки попали в лапы Берия, который продолжал Ежовщину, уничтожая лучших людей страны, чтобы захватить власть в ходе войны» [1, л. 62].

Когда в ноябре командование подошло, то картина была безрадостной, люди выглядели как из блокадного Ленинграда: «Зайдя в первую избу и удивились, что вместо сибиряков лежали на соломе люди: изможденные, обросшие, полуодетые, полуразутые. Пригодные лечь в госпиталь, а не прыгать с парашютом в тылу врага...» Накануне работы медицинской комиссии к празднику 7-8 ноября сибирякам выдали десантные пайки, и они как дети «отщиповали и клали в рот крошки боясь сразу съесть». Комиссия признала годными несколько десятков человек, но кулундинцев среди них оказалось только трое, как пишет автор, Филипп Голод, Гриша Куркин, Иван Цыбченко [1, л. 63].

Всем остальным командир, дав суточный паек, посоветовал ехать в г.Саратов в горвоенкомат и проситься на фронт. Автор с руководителем барнаульской группы после попытки уговорить начальника вокзала отправить их на поезде до Саратова получил отказ, прежде всего, из-за отсутствия документов («подойдет товарный поезд садитесь сами и езжайте»). Согласились ехать товарным поездом не все земляки, мотивируя тем, что больше нет сил двигаться.

По прибытии в город сразу отправились в горвоенкомат, где также не смогли найти понимания у местного начальства. В итоге военком посоветовал обратиться в мобилизационный пункт, где отправляют людей на фронт. Когда отправились на мобилизационный пункт, то там, как и в военкомате, без документов «никто не признавал», начальник пункта посоветовал обойти вокруг

Саратова воинские части, может быть, кто-то согласится взять таких мобилизованных. «Наступила зима, мы с Атамановым, Карташовым, Затонским и еще с несколькими ходячими товарищами отправились пешком вокруг города Саратова. Части были, но все укомплектованы...» [1, л. 64].

Страдая от голода и холода, все оставшиеся 90 человек решили двинуться на мобилизационный пункт, зайти всем в помещение и залечь на пол, предъявив начальству ультиматум: или их отправляют на фронт или они все тут умрут с голоду. «Мы же советские люди и стремимся защищать свою родину». Сибирякам сочувствовали офицеры пункта и, наконец, наверное, сам начальник осознал, прислал писаря, который составил форменную ведомость [1, л. 66].

Поездом людей доставили на станцию Татищево, откуда ночью шли пешком на линию фронта полураздетые люди зимой, «стали по трое братья за руки и держаться до последних сил, зная кто отстанет значит погиб...» Привели будущих защитников родины в большую промерзшую землянку с двойными нарами и оставили одних. «Народ изнемогая повалился на пустые нары в промокшей худой одежде. Мы с Атамановым, ползая на коленях, волоча за собой дрова, разожгли с трудом печь, чтобы спасти людей от гибели. Всех охватил смертельный сон, спасти их могло только тепло. Мы лежа на полу по очереди топили печку, не давая друг другу заснуть, только утром мы с Атамановым отключились и ничего не помним...» [1, л. 67]

Утром прибывших накормили «щами с тремя капустинами и куском черного хлеба» и повели в баню, где они увидели друг друга, скорее похожих на скелеты. Выдали зимнюю форму (но «без фуфаяк»). Скоро была создана маршевая рота, в которую вошли сибиряки, командиром был назначен младший лейтенант Малышев, старшиной Лихошерст.

Состав с сибиряками взял путь на Москву, а оттуда они должны были ехать в Ярославль. Однако эшелон остановился на станции Восполье и командир роты пошел к начальнику эшелона, чтобы узнать, почему остановился поезд. И тут начались странные вещи: «...ему ответили, что он должен помыть людей в бане, он не поверил, но ему повторили приказ. Командир придя в вагон отдал приказ старшине помыть солдат в бане. Старшина ответил, что, выезжая он помыл людей. Командир ответил "не будем рассуждать". Старшина подал команду приготовиться в баню, которая была рядом, шинели не брать. Я чувствовал себя плохо и взял шинель, накинул на плечи. Мылись все и командир. Когда вышли с бани нашего эшелона не оказалось. Командир роты пробежал все линии, но эшелона не нашел. Солдаты после бани стояли раздевшие, жались друг к другу...» [1, л. 68-69]

Командир повел призывников в Ярославский вокзал, где они услышали радио, которое сообщало, что идут бои за Москву и Тихвин. «Тогда мы поняли, что нас везли под Тихвин и угнали наш эшелон. Чья-то вражеская рука не допустила сибиряков к защите Тихвина», – сделали вывод люди. Когда командир роты отправился к коменданту станции, чтобы узнать о своем эшелоне, то комендант заявил, что никакого воинского эшелона не было и он ничего не отправлял и «приказал командиру освободить кабинет». Когда новобранцы узнали, что сам комендант отверг истину об их прибытии в Ярославль то, связав это со странной отправкой в баню, пришли к выводу, что «это была не только ложь, но и государственное преступление, но кому может пожаловаться бесправный солдат».

На второй день командир обратился к начальнику станции Ярославля, который дал совет обратиться в горвоенкомат. Военком, пожилой человек, внимательно выслушал Малышева и сказал: «Что в моих силах помогу». Отыскав для сибиряков старые буденовские шинели, выдал на двое суток сухой паек. Однако относительно доставки на фронт было сказано, что «здесь вам никто не поможет». Военком посоветовал самим использовать товарные поезда, так как пассажирские поезда почти не ходили.

Утром, не разобравшись куда идет поезд, новобранцы доехали до Рыбинска, где узнали, что надо было ехать на Вологду, чтобы попасть в Тихвин. Кое-как добравшись до Вологды, не нашли там старшину Лихошерста, и 15 солдат пошли по городу поискать пищи, но над городом пролетала немецкая авиация и все магазины были закрыты. Об этой критической ситуации Токаренко писал так: «Некоторые наши люди, особенно южане, обморозили руки, как наш друг Фисенко, пришлось в Вологде добыть тряпки и заматывать ему руки до самых локтей. Проехали мы километров сорок, дальше семафор был закрыт, от Вологды до Тихвина триста километров. Дальше нам предстоял пеший путь по снежной заброшенной дороге, население было эвакуировано встречались пустые села. Наш враг был

голод и мороз...» [1, л. 70] Далее: «Вот уже слышим далекий грохот боя, но наши ноги подкашиваются, поддерживая друг друга, чтобы не упасть... трое суток ни крошки во рту идти дальше нет сил. К счастью в одном пустом селе в доме на печке лежал больной старик, который не мог уйти из села сообщил нам, где находится закопанная в земле картошка... Запаслись картошкой и снабдив старика мы поспешили в Тихвин, но бездорожье отнимало у нас последние силы» [1, л. 71].

В Тихвин новобранцы зашли со стороны железнодорожной станции, чтобы узнать ситуацию в городе в разведку пошел сам командир Малышев. Увидев на путях убитую лошадь, голодные люди забыли про всякую опасность, бросились к лошади и, подобрав немецкие кинжальные штыки, стали разделявать лошадь и варить в касках. Подошедший командир изложил обстановку о том, что «немца погнали назад к Волхову, до которого по линии 150 километров», таким образом снова надо было идти пешком до Волхова, где должно было быть командование Волховским фронтом. Это было в начале декабря 1941 года, когда стояли 30-40 градусные морозы [1, л. 72]. Когда в пути кончилась конина, то гонимые голодом, люди решили разойтись по одному и пойти в рабочий поселок, в который начали возвращаться жители, и попросить милостыню.

Утром полузамерзшая рота добрела до станции Волхов, куда пришел поезд с дровами. «Время было вечернее, разбитый волховский вокзал был пуст и не отаплился. Окна от бомбежки высыпались, мы нашли кабинет с целыми окнами и битком набились». Майор на станции после телефонного разговора приказал своему офицеру отвести вновь прибывших в столовую, накормить и определить на ночлег.

Утром солдат накормили и командиру роты дали направление в 128 стрелковую дивизию в порядке пополнения живой силой. Маршрут был обозначен такой: ехать на поезде до станции Войбокалово, а там еще тридцать километров пешком до полков. Идти надо было в ночь лесом, при этом ни карты, ни компаса, ни проводника, даже часов ни у кого не было. В Войбокалово сошли с поезда, вышли на дорогу жизни, которая шла через Ладогу. По лесной проселочной дороге солдат повел командир, но дорога кончилась, начались лесные тропы, пошел снег. Ходокам казалось, что прошло много время, а лес все не заканчивался. «Люди выбились из сил, валились на снег и засыпали, а это смерть», – писал Ф.Е.Токаренко. Командир взял двух кулундинцев – Атаманова и Карташова и ушел на разведку. Не дождавшись товарищей из разведки, чтобы не заснуть и не попасть к немцам, оставшиеся люди шли тропами. Вот как описывает происходившее Федор Ефимович: «Пошли по средней тропе. Мы с Фисенко шли передом, помню вышли на поляну я упал и потерял сознание. Потом Фисенко рассказывал: я с трудом завалил тебя на свой горб и потащил остальные тянулись за мной. Пройдя поляну увидели на окраине опустевшего села дом, кругом спокойно, тихо, но кто в доме или пуст, может быть немецкий... Все мы проспали весь день мертвецким сном...» [1, л. 73-74]

По мнению Ф.Е.Токаренко, все же счастье не совсем покинуло молодых сибиряков, так как какой-то солдат с 741 стрелкового полка «шарился по опустевшему селу». Он наткнулся на избу со спящими, испугался «страшных инопланетян» и доложил обо всем своему начальству. Командир полка, получив из дивизии сообщение, что ему послано пополнение, приказал своему адъютанту встретить пополнение как положено. Адъютант взял связного командира полка и явился к в избу, однако все вновь прибывшие были «не пробудны». Он начал тормозить спящих, вот что писал об этом автор рукописи: «Я увидел лейтенанта и понял, что мы нашли свое спасение от голодной смерти и позора. Связной принес хлеба, брынзы, чая. Затопил буржуйку, люди ожили, хлеб и брынзу кушали, боясь уронить хоть крошку, горячей чай согревал остывшее тело и душу, радовалось сердце. Я попробовал встать, но так и не встал: ноги мои распухли, обмотки врезались в тело, ботинки сжали ступни. Лейтенант сообщил, что мы еще тут переночуем а завтра перейдем в тыл полка в карантинное помещение...» [1, л. 74–75]

После бани пополнение одели в так называемую «зимнюю форму», выдали шинель, фуфайку, шапку, ботинки с обмотками. Потом пришел комиссар Панин, который описал ход войны и, в частности, Волховский фронт и поставил задачу. Пришел старшина и записал солдат в номерную форму, всем выдали тюбик с адресатом (пластмассовый герметичный футляр с вложенным в него бумажным свертком со сведениями о бойце).

В карантине солдатам пришлось пробыть не долго, так как в полку не хватало людей держать оборону, скоро пришли так называемые «покупатели». Первый был командир разведки, который рассмотрев, что все прибывшие доходяги, встал и попрощался. Потом пришел минометчик, отобрал несколько

человек, остальных забрала пехота. Ф.Е.Токаренко хотел пойти минометчиком, но оказался востребованным по своей военной специальности [3, л. 50]. Автор вспоминает, что за ним пришел молодой лейтенант. Прежде чем взять оружейного мастера, он стал экзаменовать его по оружию и остался доволен. В рукописи автор детально описывает, как и на каких сломанных видах оружия проверяли его профессиональные навыки: «Начальник сказал, что он рад, что будет иметь настоящего доктора, так у нас называют на переднем крае оружейного мастера, так требует конспирация» [1, л. 76–77]. Инструмента под рукой не было никакого, и «доктор» попросил солдат собрать хоть что-то из имеющегося в наличии и на первых порах отремонтировал пулемет, за что командир Макаров объявил мастеру благодарность за восстановление пулемета. Затем отправил мастера на передний край в распоряжение командира батальона капитана Дегтярева, о чем, как пишет автор рукописи, ему сообщили: «он ждет не дождется тебя, у него такое же оружие как здесь у нас».

Таким образом, фронтовик Великой Отечественной войны детально описал свой путь до начала боевых действий в 741 стрелковом полку. Ф.Е.Токаренко был награжден орденом Отечественной войны II степени, медалями «За боевые заслуги», «За отвагу», «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг.», «За оборону Ленинграда».

При знакомстве с рукописями Ф.Е.Токаренко возникает вопрос, почему человек преклонного возраста взялся столь подробно описать свою жизнь на фронтах Великой Отечественной войны? В анкете он написал, что много общается с молодежью: «Ученики посещают меня на дому, с которыми я провожу беседы на военные и гуманные темы». Возможно, что именно по просьбе школьников он решился сесть за стол, поняв, что ему есть чем поделиться с подрастающим поколением. На момент начала войны Федору Ефимовичу было 34 года: с одной стороны, не был юнцом и имел жизненный опыт, с другой, имел хорошую деревенскую закалку, которая и помогла ему выжить не только на фронте, но и, как выяснилось, в процессе продвижения на линию соприкосновения. Такие черты личности, как умение терпеть голод и холод, наблюдательность, способность самоорганизоваться и принимать самостоятельные решения были воспитаны всем предшествовавшим жизненным укладом, а также, очевидно, детской мальчишеской игровой культурой, включавшей элементы военной действительности. Полученные навыки ориентации на местности, поиски следов «казаков-разбойников», осады и взятия снежных городков, умения выстроить стратегию выживания («формулу выживания»), как показывает рукопись Ф.Е.Токаренко, помогали бойцам в условиях реальных боевых действий.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Архивный отдел администрации Кулундинского района Алтайского края (далее – АОКР АК). ОФ. 47. Ф. 75. Д. 50.

[2] Фурсова, Е. Ф. Этнокультурная идентичность сибирских украинцев в автобиографических текстах Ф.Е.Токаренко // Гуманитарные науки в Сибири. – 2020. – Т. 27. – № 2. – С. 20–25. – DOI 10.15372/HSS20200203.

[3] АОКР АК. Ф. 75. Оп. 1. Д. 6. Лл. 23-55. 58 л.

SURVIVAL FORMULA: MILITARY EVERYDAY LIFE IN BIOGRAPHICAL TEXTS OF A SIBERIAN SOLDIER F.E.TOKARENKO

Fursova Elena Fedorovna,
D. in History, Leading Researcher,
Institute of Archaeology and Ethnography
of the Siberian Branch of the RAS (Novosibirsk)

Abstract. *A person achieves self-awareness through a narrative, its interpretation, continuous self-interpretation, through which he identifies certain moments in the flow of life that have important meanings for him. In his biographical account of the Great Patriotic War, the author of the manuscripts, Fyodor Efimovich Tokarenko (1911-2003), writes about the spiritual and physical trials that befell him on the brink of survival.*

The article shows that an autobiographical narrative is a reproduction of past experience in new circumstances in which this experience was in demand.

Keywords: *manuscript, F.E.Tokarenko, Great Patriotic War, military everyday life, survival formula, autobiography, war memories.*

*Исследование выполнено в рамках НИР ИАЭТ СО РАН № FWZG-2025-0003
«Этнокультурные и этносоциальные процессы у народов Сибири
и Дальнего Востока в XVII–XXI веках: формирование и динамика».*

© Фурсова Е.Ф., текст, 2025
Статья поступила в редакцию 22.09.2025.

Ссылка на статью:

Фурсова, Е. Ф. Формула выживания: военная повседневность в биографических текстах сибирского солдата Ф.Е.Токаренко. – DOI 10.34685/HI.2025.56.70.013. – Текст : электронный // Культурологический журнал. – 2025. – № 4(62). – С. 111-116. – URL: http://cr-journal.ru/rus/journals/732.html&j_id=66.

**МУЗЕИ ВЫСШИХ УЧЕБНЫХ ЗАВЕДЕНИЙ РУССКОЙ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ:
ФОРМИРОВАНИЕ СЕТИ И ТИПОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ**

DOI 10.34685/HI.2025.98.25.015

Юренева Тамара Юрьевна,
доктор исторических наук,
руководитель центра музейной политики
Российского научно-исследовательского института
культурного и природного наследия имени Д.С.Лихачёва (Москва)
Email: iureneva@mail.ru

Аннотация. *Статья посвящена изучению сети музеев высших учебных заведений Русской православной церкви в исторической динамике. Анализируются типологические особенности деятельности музеев духовных академий и семинарий, во многом обусловленные их особым правовым статусом: они являются религиозными и образовательными организациями одновременно.*

Ключевые слова: *музей, музейная деятельность, музеи высших учебных заведений, вузовские музеи, университетские музеи, учебные музеи, духовные учебные заведения Русской православной церкви, православное историко-культурное наследие.*

В последние десятилетия в музейной сфере России произошли кардинальные изменения, во многом связанные с появлением негосударственных музеев и возрастанием их роли в социокультурном пространстве страны. В их числе – музеи церковных вузов, созданные в постсоветский период при высших учебных заведениях Русской православной церкви – духовных академиях и семинариях. Будучи конфессиональными структурами, вузовские музеи РПЦ, по сравнению со светскими учебными музеями, имеют ряд особенностей в отношении правового статуса, миссии и основных направлений музейной деятельности. В настоящее время законодательные и исполнительные власти Российской Федерации разрабатывают нормативные документы, касающиеся правового статуса вузовских музеев. Таким образом, актуальность изучения музеев высших учебных заведений РПЦ как особой типологической группы обусловлена не только ее значимостью в социокультурном пространстве страны, но и приоритетами государственной культурной политики.

Первые музеи при высших духовных учебных заведениях России появились в последней трети XIX в.; их формирование во многом было обусловлено активизацией памятникоохранительной деятельности в отношении православного наследия и реформами в системе духовного образования [1]. Согласно Уставу духовных академий, утвержденному в 1869 г., церковная археология, сведения о которой прежде давались в общем курсе литургики, стала самостоятельной учебной дисциплиной. Для ее эффективного преподавания требовалось обеспечить учащимся возможность наглядного знакомства с предметами церковной старины и произведениями искусства, соблюдая при этом определенные условия: доступность предмета для ближайшего рассмотрения, полнота и систематичность коллекций для иллюстрирования содержания лекционного курса. Между тем основные собрания церковных ценностей – ризницы и древлехранилища при епархиях, монастырях и храмах – не вполне соответствовали этим требованиям, поскольку носили закрытый характер, использовались в первую очередь для хранения вышедших из богослужебного употребления предметов, расположение которых в пространстве хранилищ не способствовало их целостному восприятию. Решение этой проблемы виделось в создании нового типа музеев – церковно-археологических [2].

В 1871 г. как учебная аудитория при кафедре церковной археологии был основан Церковно-археологический кабинет Московской духовной академии, которая находилась в Троице-Сергиевой лавре под Москвой [3]. В 1872 г. Церковно-археологический музей был учрежден при Киевской духовной академии. В 1879 г. открылся Церковно-археологический музей при Санкт-Петербургской

духовной академии. В решении Святейшего Синода о его учреждении, в частности, указывалось: «Церковно-археологическая коллекция желательна и была бы весьма полезна и для успешного преподавания в Академии науки о церковных древностях, и для сохранения и ученой разработки древних памятников, имеющих отношение к древнехристианскому периоду истории и к истории Русской Церкви» [4].

Формирование коллекций академических музеев осуществлялось путем получения вышедших из употребления богослужебных предметов, хранившихся в подсобных помещениях церквей и монастырей. Фонды музеев пополнялись за счет даров и пожертвований, проводились закупки и передачи предметов из других собраний. Так, в 1875 г. Киевская духовная академия приобрела у московского купца-старообрядца А.Е.Сорокина коллекцию из 222 икон. Основу собрания музея при Московской духовной академии составили 70 икон, полученных с петербургского склада икон и старопечатных книг, отобранных у старообрядцев. Когда возникла угроза закрытия единственного в Новгороде городского музея, Петербургская духовная академия получила возможность отобрать для своего Церковно-археологического музея лучшие вещи [5].

Деятельность академических музеев продолжалась до Октябрьской революции, а затем советская власть упразднила их вместе с духовными школами. В 1918 г. был закрыт Церковно-археологический музей Санкт-Петербургской духовной академии; его коллекции впоследствии неоднократно перераспределялись между музеями, в результате чего сведения об их местонахождении оказались утраченными. Известно, что часть коллекций находится в Государственном Русском музее [6]. В марте 1919 г. была распущена Московская духовная академия, музейные коллекции перешли в ведение Народного комиссариата просвещения, а затем вошли в состав Сергиево-Посадского историко-художественного музея, созданного в 1920 г.

Возрождение духовных школ и существовавших при них музеев началось после Великой Отечественной войны (1941–1945). В 1948 г. в Ленинграде при Духовной академии был создан церковно-археологический кабинет с небольшим количеством предметов – 24 иконы, 11 Евангелий с металлическими окладами, антиминс и репродукции из альбомов для учебных целей [7]. С возобновлением деятельности Московских духовных академии и семинарии и возвращением их в 1948 г. в Троице-Сергиеву лавру началось воссоздание академического музея с названием «Церковно-археологический кабинет» (ЦАК); он начал свою деятельность в 1950 г. Его собрание формировалось из предметов, поступавших в качестве даров патриарха, архиереев и частных лиц, пожертвований, закупок у антикваров, и потому отличалось разнородным характером. Однако спустя 20 лет, по оценке проверяющей ЦАК комиссии, грамотно составленная концепция позволила «из крайне разнородного, чаще всего случайного материала» создать музей как наглядное пособие по церковной археологии, «объединив хронологически несопоставимый материал» [8]. В настоящее время Музей христианского искусства «Церковно-археологический кабинет» Московской духовной академии является крупнейшим музеем Русской православной церкви. В его собрании более 20 тыс. произведений искусства – шедевры греческой и древнерусской иконописи, произведения старообрядческих школ и мастеров Русского Севера, коллекции графики, живописи, антиминсов, шитья, мелкой пластики, церковной утвари, рукописных и старопечатных книг. Многие предметы имеют не только художественную, но и сакральную ценность.

В постсоветский период, когда многообразие форм собственности было закреплено в Конституции Российской Федерации (1993), когда ушли в прошлое идеологические парадигмы, деструктивно влиявшие на взаимоотношение светской власти и традиционных религиозных конфессий, начала формироваться сеть церковных музеев. Ее развитие в немалой степени инициировалось активизацией миссионерской и катехизаторской деятельности Русской православной церкви [9]. Ориентированные на сохранение и актуализацию православного наследия церковные музеи стали создаваться при епархиях, монастырях, приходах, а также высших учебных заведениях.

В 1997 г. Ученый совет Санкт-Петербургской духовной академии принял решение об открытии Церковно-археологического музея. Он разместился в помещениях, служивших во второй половине XX в. покоями ленинградских митрополитов, изгнанных из зданий Свято-Троицкой Александро-Невской лавры. В его фондах нет ни одного предмета из дореволюционного собрания, являвшегося крупнейшим в Петербурге хранилищем памятников русской церковной старины и насчитывавшем более 3 тыс. единиц хранения. Современные фонды комплектовались предметами, собранными в

различных помещениях и службах Духовной академии, переданными в качестве дара Патриархом Московским и всея Руси Алексием II, архиереями, учеными и благотворителями. Собрание включает произведения церковного искусства – образцы материальной культуры раннехристианской эпохи, русские иконы XVIII–XIX вв., предметы медного литья, рукописные и старопечатные книги, предметы древнерусского ювелирного искусства и пр. Особую ценность представляет коллекция антиминсов (XVII–XIX вв.). Вторая часть собрания включает предметы, относящиеся к истории Санкт-Петербургских духовных школ, их ректоров, профессоров и выпускников [10].

В 2002 г. на базе кафедры реставрации икон Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета (ПСТГУ) был создан Церковно-археологический музей, поставивший своими задачами просветительную деятельность, направленную на сохранение церковных святынь при активном участии верующих, а также формирование коллекции поздних икон, практически не представленных в существующих музейных собраниях. Основу коллекции составили иконы, переданные на кафедру из КГБ, ФСБ, МВД, таможенных органов, от частных лиц, а также крупные пожертвования ветхих икон из действующих московских храмов. Сейчас в коллекции более 350 икон XVII–XX вв., 60 произведений прикладного искусства, 30 картин, 5 деревянных скульптур, графика [11].

В постсоветский период начинают создаваться музеи при духовных семинариях. Формирование эмпирической базы изучения их деятельности, как и выявление их в структуре семинарии имеет определенные сложности. Некоторые из них не имеют не только собственных сайтов, но даже страницы на сайте соответствующей религиозной организации. По состоянию на 2025 г. реестр образовательных организаций, получивших Свидетельство о Церковной аккредитации Учебного комитета Русской православной церкви, включал 32 семинарии на территории Российской Федерации [12]. В 10-ти из них созданы учебные музеи: Церковно-археологический кабинет Тульской духовной семинарии (начало 2000-х гг.), Церковно-исторический кабинет Коломенской духовной семинарии, Церковно-исторический музей при Томской духовной семинарии (2008), Музей истории Саратовской митрополии при Саратовской православной духовной семинарии (2013), Церковно-исторический кабинет Екатеринодарской духовной семинарии (2014), Церковный музей при Кузбасской духовной семинарии (2014), Историко-археологический кабинет Нижегородской духовной семинарии (не позже 2017 г.), Музей «История духовного просвещения в Мордовском крае» Саранской духовной семинарии (не ранее 2017 г.), Музей реставрационной мастерской Омской духовной семинарии, Музей истории Ярославской епархии XX века в Ярославской духовной семинарии (2024). Кроме того, при Барнаульской духовной семинарии функционирует Церковно-археологический кабинет, являющийся отделением Музея истории православия на Алтае Барнаульской епархии (2005) [13]. В здании Самарской духовной семинарии располагается Самарский епархиальный церковно-исторический музей (1997).

Развитие сети музеев высших духовных учебных заведений соответствует целеполаганию РПЦ. 27 июня 2008 г. Архиерейский Собор Русской Православной Церкви на пленарном заседании принял определение «О вопросах внутренней жизни и внешней деятельности Русской Православной Церкви». В нем, в частности, «сочтено полезным создание при епархиальных управлениях, духовных школах, монастырях и приходах древнехранилищ (церковных музеев) для сохранения духовного, исторического и культурного наследия православной традиции, запечатленной в материальных памятниках прошлого» [14].

Согласно российскому законодательству, музей – это «некоммерческое учреждение культуры, созданное собственником для хранения, изучения и публичного представления музейных предметов и музейных коллекций, включенных в состав Музейного фонда Российской Федерации» [15]. Вузовские музеи РПЦ не вполне соответствуют этому определению, поскольку не имеют статуса юридического лица и действуют как структурные подразделения духовных учебных заведений. Большинство из них не имеет и предметов, включенных в состав Музейного фонда РФ. Поэтому, согласно музейведческим представлениям, они являются не музеями, а учреждениями музейного типа, исполняющими «отдельные функции музея и практикующими некоторые свойственные музеям формы деятельности» [16].

Типологические особенности вузовских музеев РПЦ во многом обусловлены особым правовым статусом духовных учебных заведений, которые в российском законодательстве именуются «духовные образовательные организации». Они являются религиозными и образовательными организациями

одновременно. При этом церковный правовой статус религиозной организации является первичным, и он определяется, прежде всего, Каноническим уставом Русской православной церкви. Главным учреждением, контролирующим деятельность духовных учебных заведений, является Учебный комитет Русской православной церкви; в 2014 г. на него возложены полномочия в сфере высшего образования. Помимо внутренних установлений РПЦ духовные учебные заведения в своей деятельности руководствуются положениями законодательства Российской Федерации [17].

Поскольку правовой статус духовных учебных заведений как религиозных организаций первичен, они должны соответствовать обязательным признакам религиозных организаций, к которым, в частности, относится совершение богослужений, других религиозных обрядов и церемоний, обучение религии и религиозное воспитание своих последователей, которые они вправе осуществлять «в формах, определяемых внутренними установлениями религиозных объединений» [18].

Так, религиозным воспитанием и просвещением, наряду с другими направлениями деятельности, призваны заниматься церковные музеи, в том числе созданные при высших учебных заведениях. Согласно Положению о церковно-археологическом кабинете Тульской духовной семинарии, одной из целей его деятельности является «историческое и религиозное просвещение студентов и населения города и области» [19]. Открытие в 2014 г. Церковно-исторического кабинета в Екатеринодарской духовной семинарии стало выражением стремления «внести посильную лепту в обеспечение духовно-нравственной преемственности поколений, содействовать передаче православных духовных ценностей следующим поколениям». Его экспозиция освещает общую историю развития православия в России и пути его распространения на Кубани [20]. Музей «История духовного просвещения в Мордовском крае» Саранской духовной семинарии, имея «историко-культурную и духовно-просветительную направленность», ставит в числе своих главных задач «знакомство посетителей с историей православной культуры и духовного образования края» [21].

Таким образом, если в дореволюционной России образовательная деятельность музеев высших учебных заведений была ориентирована, главным образом, на обеспечение наглядности в преподавании церковной археологии, то в постсоветский период она стала включать также и задачу «передачи в наглядной форме церковного вероучения и православных нравственных принципов будущим поколениям». Особую роль в ее решении играет церковное искусство, поскольку наряду с эстетическим, историческим и культурным значением оно имеет и «богословское значение, исходящее из самого понимания церковного искусства. Церковное искусство выражает вероучение Церкви, оно есть стремление в форме материальных предметов изобразить нематериальную составляющую» [22].

Выступая на научно-практической конференции «Христианский музей в современном мире», проходившей в 2014 г. в Московской духовной академии, директор Церковно-археологического кабинета МДА протоиерей Игорь Михайлов в своем докладе «Христианские музеи в сфере создания кросс-музейных коммуникаций» отметил: «Несмотря на то, что все музеи имеют общие функции (собирательную, исследовательскую, образовательную и пр.), принципиальное отличие христианского музея от светского заключается в преследуемых ими целях. В светском музее экспонаты воспринимаются как предметы культурно-исторической или художественной, эстетической ценности. В христианском же музее на первый план выходит духовное содержание священных предметов. Здесь преследуется цель не просто “охранительства” культурного наследия, а свидетельства в современном мире о живом предании апостольской Церкви, о Христе Иисусе Господе нашем» [23].

Безусловно, специфика деятельности музеев высших духовных ориентирована, прежде всего, на учебный процесс, на передачу знаний и формирование профессиональных компетенций, на помощь вузу в подготовке высококвалифицированных специалистов. Музейные фонды и экспозиционный показ способствуют усвоению специальных дисциплин – истории церковного искусства, церковной археологии, исторической литургики, иконографии, истории Церкви. В музеях проходят учебную практику студенты академий и семинарий. Подводя итоги Научно-практической конференции «Христианский музей в современном мире», проходившей 16 декабря 2014 г., участники форума приняли итоговый документ, в котором, в частности, говорится: «Рекомендовать создание церковно-археологических музеев при духовных учебных заведениях Русской Православной Церкви, которые должны стать площадкой для обязательной миссионерской практики учащихся и приобретения ими опыта общественных выступлений» [24].

В некоторых церковных вузах музей имеет не только учебно-научную, но и прикладную составляющую. Например, Церковно-археологический музей Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета постоянно пополняется аварийными иконами, передаваемыми из действующих храмов. В его собрании представлены иконы и живописные холсты, которые иллюстрируют строго научный подход к реставрации, совмещенный с реконструкцией утраченных фрагментов, необходимых для богослужения и молитвенного восприятия. Таким образом, материалы музея служат методическим фондом для университетской кафедры реставрации [25].

Будучи структурами религиозных организаций, музеи академий и семинарий имеют свою специфику в отношении формирования фондов, которая проявляется в подходах и принципах отбора предметов музейного значения, в направлениях комплектования. В отличие от светских музеев, церковные музеи анализируют предметы не только в контексте их исторической, культурной, художественной или научной значимости, но и с точки зрения их сакральной ценности, ведь для православного человека они могут выступать в качестве средства общения с духовным миром и являться объектом поклонения [26]. Направления комплектования фондов обусловлены целями и задачами, которые ставит перед собой вузовский музей. Особое внимание уделяется материалам по истории Русской православной церкви, истории митрополий и епархий, жизни и деятельности лиц, прямо или косвенно связанных с историей церкви.

Таким образом, за последние десятилетия музеи духовных академий и семинарий стали заметным явлением в культурно-образовательном пространстве России. Их деятельность не ограничивается методическим обеспечением учебного процесса; она ориентирована и на актуализацию православного историко-культурного наследия посредством образовательно-воспитательной и просветительной работы среди широких слоев населения. Комплектование их фондов, ориентированное на выявление и сбор произведений религиозного искусства, богослужебной утвари, облачений, реликвий, рукописных и старопечатных книг, вносит весомый вклад в сохранение культурного наследия России.

ПРИМЕЧАНИЯ

- [1] Полякова, Е. А. Церковные педагогические музеи как образовательная форма культуры конца XIX – начала XX в // Вестник Томского государственного университета. История. – 2015. – № 2(34). – С. 14. DOI: 10.17223/19988613/34/3.
- [2] Алексеева, Л. С., Горбатов, А. В. Церковный музей в дореволюционный период: этапы и факторы становления // Вестник Кемеровского государственного университета. – 2018. – № 2(74). – С. 8. DOI: 10.21603/2078-8975-2018-2-5-10.
- [3] Музей христианского искусства «Церковно-археологический кабинет» : [сайт]. – URL: <http://christianmuseum.ru/c/o-nas/index.html> (дата обращения: 18.09.2025).
- [4] Катаев, Р. С. Церковно-археологический музей при Санкт-Петербургской православной духовной академии // Санкт-Петербургская Духовная Академия Русской Православной Церкви : [сайт]. – URL: <https://spbda.ru/publications/roman-kataev-cerkovno-arheologicheskii-muzey-pri-sankt-peterburgskoy-pravoslavnoy-duhovnoy-akademii/> (дата обращения: 18.09.2025).
- [5] Сиволап, Т. Е. Роль церковно-археологических музеев в культурной жизни России (вторая половина XIX – начало XX века) // Триумф музея? : сб. статей / Санкт-Петербург. гос. ун-т, Гос. Эрмитаж. – Санкт-Петербург : Осипов, 2005. – С. 409–412.
- [6] Катаев, Р. С. Указ. соч.
- [7] Там же.
- [8] Григорьева, Н. И. 150-летний юбилей Церковно-археологического кабинета – музея Московской духовной академии // Богословский вестник. – 2022. – № 1(44). – С. 239. – DOI: 10.31802/GB.2022.44.1.012.
- [9] Полякова, Е. А. Церковные музеи как средство обучения // Вестник Алтайского государственного педагогического университета. – 2015. – № 22. – С. 103-104.
- [10] Катаев, Р. С. Указ. соч.; Санкт-Петербургская Духовная Академия Русской Православной Церкви : [сайт]. – URL: <https://spbda.ru/about/museum> (дата обращения: 18.09.2025).
- [11] Заводова, О. В. Создание и деятельность Церковно-археологического музея Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета // Проблемы сохранения церковного наследия : сб. стат. / Под ред. М.Б.Пиотровского и М.Н.Цветаевой. – Санкт-Петербург, 2010. С. 26; Православный Свято-Тихоновский гуманитарный университет : [сайт]. – URL: <https://pstgu.ru/museum/history/> (дата обращения: 18.09.2025).

- [12] Учебный комитет Русской Православной Церкви : [сайт]. – URL: <https://uchkom.info/uchebnyy-komitet/uchebnye-zavedeniya/> (дата обращения: 18.09.2025).
- [13] Опыт создания церковных музеев. Лучшие практики : метод. пособие / Патриарший совет по культуре; Фонд содействия сохранению христ. ценностей. – Москва, 2019. – С. 128–129. – URL: <https://psk-mp.ru/121408.html/> (дата обращения: 19.09.2025).
- [14] Определение Освященного Архиерейского Собора Русской Православной Церкви 24-29 июня 2008 года «О вопросах внутренней жизни и внешней деятельности Русской Православной Церкви» // Православие.Ru : Интернет-портал. – URL: <https://pravoslavie.ru/27029.html?ysclid=mgifabflxn242157425> (дата обращения: 19.09.2025).
- [15] Федеральный закон от 26 мая 1996 г. № 54-ФЗ «О Музейном фонде Российской Федерации и музеях в Российской Федерации» (с изм. и доп.). Ст. 3 // Гарант : информ.-правовой портал. – URL: <https://base.garant.ru/123168/5ac206a89ea76855804609cd950fcaf7/> (дата обращения: 08.09.2025).
- [16] Словарь актуальных музейных терминов // Музей. – 2009. – № 5. – С. 63.
- [17] Семенова, Н. С. Современное правовое положение духовных учебных заведений Русской Православной Церкви в Российской Федерации // Праксис. – 2020. – № 2(4). – С. 19-26. – DOI: 10.31802/PRAXIS.2020.4.2.001.
- [18] Федеральный закон от 26.09.1997 N 125-ФЗ (ред. от 31.07.2025) «О свободе совести и о религиозных объединениях». Ст. 5 // Гарант : информ.-правовой портал. – URL: <https://base.garant.ru/171640/5633a92d35b966c2ba2f1e859e7bdd69/> (дата обращения: 18.09.2025).
- [19] Положение о Церковно-археологическом кабинете Тульской духовной семинарии // Курьянова, О. Г. Церковные музеи Центральной России. – Москва : Ин-т Наследия, 2022. – С. 173. – DOI: 10.34685/NI.2022.15.77.001.
- [20] Екатеринодарская духовная семинария : [сайт]. – URL: <https://edskuban.ru/muzei/> (дата обращения: 20.09.2025).
- [21] Саранская духовная семинария Саранской и Мордовской Епархии Русской Православной Церкви : [сайт]. – URL: <https://www.seminariasaransk.ru/muzejno-bibliotchnyij-kompleks/muzej.html> (дата обращения: 20.09.25).
- [22] Катаев, Р. С. Указ. соч.
- [23] Михайлов, И. Христианские музеи в сфере создания кросс-музейных коммуникаций // Церковно-исторический музей «Православное просвещение чувашского народа» при храме Святых новомучеников и исповедников Российских Чебоксарско-Чувашской епархии : [сайт]. – URL: <http://cmhnir.ortox.ru/muzeon/view/id/1187108> (дата обращения: 20.09.2025).
- [24] Итоговый документ научно-практической конференции «Христианский музей в современном мире» // Церковный музей Новодевичьего монастыря Русской Православной Церкви : [сайт]. – URL: <https://ndmmuseum.ru/news/nauchno-prakticheskaya-konferenciya-hristianskiy-muzey-v-sovremennom-mire> (дата обращения: 20.09.2025).
- [25] Заводова, О. В. Указ. соч. С. 26–27.
- [26] Юренева, Т. Ю. Музеи Русской православной церкви: принципы и формы комплектования собраний // Культурное наследие России. – 2024. – № 4. – С. 94. – DOI: 10.34685/NI.2024.47.4.012.

MUSEUMS OF HIGHER EDUCATION INSTITUTIONS OF THE RUSSIAN ORTHODOX CHURCH: NETWORK FORMATION AND TYPOLOGICAL FEATURES

Yureneva Tamara Yuryevna,
D. in History,
Head of the Museum Policy Center,
Likhachev Russian Research Institute
for Cultural and Natural Heritage (Moscow)

Abstract. *The article examines the network of museums at higher educational institutions of the Russian Orthodox Church over time. It analyzes the typological characteristics of the activities of museums of theological academies and seminaries, largely determined by their special legal status: they are both religious and educational institutions.*

Keywords: *museum, museum activities, museums of higher educational institutions, university museums, university museums, educational museums, theological educational institutions of the Russian Orthodox Church, Orthodox historical and cultural heritage.*

Ссылка на статью:

Юренева, Т. Ю. Музеи высших учебных заведений Русской православной церкви: формирование сети и типологические особенности. – DOI 10.34685/НН.2025.98.25.015. – Текст : электронный // Культурологический журнал. – 2025. – № 4(62). С. 117-123. – URL: http://cr-journal.ru/rus/journals/733.html&j_id=66.
